

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК
РФ по группам специальностей:
09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник
Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАН, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергафельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Комаров* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Лева Асканазович Мусаелян* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАН, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Джорджио Де Маркус* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Komarov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Leva A. Musaelyan* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа 5
Иванов А.Г., Полякова И.П.
Social mythology in the space of everyday life and mass media
Andrey G. Ivanov, Irina P. Polyakova
- Роль гуманистических ценностей в самоидентификации субъектов инновационного развития общества 16
Лёвкина А.О., Лёвкин В.Е.
The role of humanistic values in self-identification of the actors of innovation development in society
Anastasia O. Lyovkina, Vadim E. Lyovkin
- Tempus (non) fugit. О различии подходов к решению проблемы времени в современной континентальной философии (на примере Ж.-Ф. Лиотара) и в философии процесса А.Н. Уайтхеда 26
Цырлина Я.Э., Мышкин О.С.
Tempus (non) fugit. Different approaches to the problem of time in modern continental philosophy (by the example of J.-F. Lyotard) and in Whitehead's process philosophy
Yana E. Tsyrlina, Oleg S. Myshkin
- Система образования в условиях ценностно-смыслового кризиса: философский анализ 36
Маслянка Ю.В.
The system of education in the conditions of the value-semantic crisis: philosophical analysis
Yulia V. Maslyanka
- Свобода и ответственность как сущностные силы человека 45
Чернова Т.Г.
Freedom and responsibility as intrinsic forces of a person
Tatiana G. Chernova
- Противостояние планирования и неолиберализма в современном обществе 53
Ильиных К.А.
Contradiction between planning and neoliberalism in contemporary society
Konstantin A. Ilinykh

ПСИХОЛОГИЯ

- Оценка готовности преподавателя высшей школы к применению инновационных технологий 63
Авакян И.Б.
Assessment of the readiness of university and college professors to apply innovative technologies
Inna B. Avakyan
- Уровневый анализ ASMR-технологии и определение ее значения в современном социальном контексте 79
Шкарин Д.Л.
Level analysis of ASMR technology and ascertaining its place in the contemporary social context
Dmitry L. Shkarin
- Особенности синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников многопрофильного стационара 88
Миков Д.Р., Кулеш А.М., Муравьев С.В., Черкасова В.Г., Чайников П.Н., Соломатина Н.В.
Features of the burnout syndrome in health care workers of a multi-speciality hospital
Dmitriy R. Mikov, Anna M. Kulesh, Sergey V. Muravyev, Vera G. Cherkasova, Pavel N. Chainikov, Natalya V. Solomatina

Виды чувствительности к справедливости
у женщин, страдающих злокачественными
образованиями репродуктивной сферы
Гайворонская А.А., Осипенко И.М.

98

Types of sensitivity to justice
in women having malignancies
of the reproductive system
Alexandra A. Gayvoronskaya, Irina M. Osipenko

СОЦИОЛОГИЯ

Социальная напряженность и социальные
риски в контексте международной
трудоустройственной миграции
Романенко В.В., Бородкина О.И.

109

Social tension and social risks in the context
of international labor migration
Veronika V. Romanenko, Olga I. Borodkina

Феномен бедности в социологии с позиции
факторного и ресурсного анализа
Замараева З.П., Воронова К.А.

125

The phenomenon of poverty in sociology:
factor and resource analysis
Zinaida P. Zamaraeva, Kseniya A. Voronova

Структурный социальный капитал
работников российских промышленных
предприятий: опыт эмпирической оценки
*Германов И.А., Плотникова Е.Б.,
Булгакова Д.А.*

135

Structural social capital of workers of Russian
industrial enterprises: an empirical evaluation
*Igor A. Germanov, Elena B. Plotnikova,
Daria A. Bulgakova*

Преодолевающая стигму? Ресоциализация
«трудных» подростков и городская среда
Лисовская И.В.

146

Overcoming the stigma? Resocialization
of troubled adolescents and urban
environment
Irina V. Lisovskaya

Карьерные стратегии молодых сельских
врачей Ленинградской области:
нарративный анализ
Галкин К.А.

158

Career strategies of young rural doctors
of the Leningrad region: a narrative analysis
Konstantin A. Galkin

Информация для авторов

168

Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК [1:316]:002

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-5-15

**СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ И МАСС-МЕДИА******Иванов Андрей Геннадиевич****Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Липецкий филиал)****Полякова Ирина Павловна****Липецкий государственный технический университет*

В статье дается определение современной социальной мифологии. При рассмотрении социальной мифологии выделяются два тесно связанных между собой уровня — «архаический» и «инструментальный» («конъюнктурный»). Для лучшего понимания сущности социального мифа и механизма его трансляции в медиа-среде необходимо его рассмотрение с позиций трех субъектов: живущего мифом; создателя мифа; критика мифа. Существование выделенных субъектов мифа позволяет говорить о множественности функций мифа. Социальной мифологии свойственны процессы мифотворчества (запечатление социального бытия в виде мифов, построение мифологических сюжетов) и мифологизации (придание социальной реальности мифологической образности). В настоящее время медиа-среда оказывается, с одной стороны, полем проявления основных характеристик социального мифа, с другой стороны, дополнительным звеном в процессе воздействия социального мифа на жизнь общества. Масс-медиа погружают человека в особую реальность, сравнимую с мифологической реальностью со своими иллюзиями, стереотипами, и претендуют на трансляцию определенных ценностей, вторгаясь в повседневную жизнь. Пространство повседневности выступает местом, где смешиваются функции социальной мифологии, где переплетаются сакральное и профанное. Распространенность мифов в повседневной жизни и медиа-среде вносит коррективы как в механизм «работы» социального мифа, так и в соотношение мифотворческих и мифологизационных процессов. Особый интерес вызывает трансформация соотношения «сакральное – профанное» под влиянием развития коммуникационного пространства. Все это приводит к тому, что становится проблематичным выделение конструктивных функций мифа в «чистом виде». Функционирование социального мифа в медиа-среде придает общественной жизни, включая и такое ее измерение, как повседневность, дополнительные характеристики.

Ключевые слова: социальный миф, социальная мифология, медиа-среда, коммуникационное пространство, повседневная жизнь, мифотворчество и мифологизация, субъект мифа, сакральное и профанное.

* Данная статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования».

SOCIAL MYTHOLOGY IN THE SPACE OF EVERYDAY LIFE AND MASS MEDIA

Andrey G. Ivanov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk Branch)

Irina P. Polyakova

Lipetsk State Technical University

The article gives the definition of contemporary social mythology. When considering social mythology, there are two closely related levels — «archaic» and «instrumental» («conjunctural»). For a better understanding of the social myth essence and the mechanism of its broadcast in the media environment, we need to consider it from the perspective of three subjects: living by the myth («mythical»); maker of the myth (mythmaker); critic of the myth (mythologist). The existence of the selected subjects of the myth allows us to speak about the multiplicity of its functions. Social mythology is characterized by the process of mythmaking (imprinting of social life in the form of myths, constructing of mythological stories) and mythologizing (adding mythological imagery to the social reality). Currently, the media environment is, on the one hand, a manifestation of the basic characteristics of a social myth, and on the other hand, an additional link in the process of social myth impact on society. The mass media immerse a person in a specific reality, comparable to a mythological reality with its illusions, stereotypes, and claim to show certain values intruding into everyday life. The space of everyday life is the place where functions of social mythology are mixing, the sacred and the profane intersect. The prevalence of myths in everyday life and the media environment makes adjustments in the mechanism of work of social myth and in the ratio of mythmaking and mythologizing processes. The transformation of the «sacred – profane» ratio under the influence of the communication space development is a matter of particular interest. All this leads to the fact that it becomes problematic to highlight the constructive functions of myth per se. The functioning of myth in the social media environment gives additional features to public life, including such its dimension as everyday life.

Keywords: social myth, social mythology, media environment, communication space, everyday life, mythmaking and mythologizing, the subject of myth, the sacred and the profane.

В последнее время в медиа-среде активизировались процессы мифотворчества, где социальный миф используется в качестве средства манипуляции общественным сознанием. Циркулирующие в пространстве масс-медиа социальные мифы оказывают как позитивное, так и негативное влияние на социальные процессы, на повседневную жизнь человека. Изучение механизма трансляции социального мифа в медиа-среде позволит понять возможности и условия сохранения конструктивных функций и положительных результатов мифотворческой деятельности.

Современная социальная мифология и социальный миф

Прежде чем говорить о механизме трансляции социального мифа в медиа-среде, необходимо разобраться с тем, что такое современный социальный миф и социальная мифология в целом и что собой представляет современная медиа-среда.

Социальная мифология — это аксиологически нагруженный феномен, образующий систему мифов о процессах общественного развития и обществе в целом, оказывающий существенное влия-

ние на общественное сознание и приводящий к активизации деятельности отдельных социальных групп, всего социума.

Социальная мифология имплицитно существует с древности, являясь аспектом архаической мифологии, объясняющим общественные явления и процессы. К Новому времени социальная мифология начинает существовать эксплицитно и при этом содержит значительную долю идеологических конструктов.

Современная социальная мифология — сложное явление, при рассмотрении которого можно выделить два уровня: «архаический» и «инструментальный» («конъюнктурный»). Двухуровневость социальной мифологии отличает ее, соответственно, от архаической мифологии и идеологии. «Архаический» уровень содержит устойчивые архетипические образы, мифологемы, ритуалы, выработанные коллективно. «Инструментальный» («конъюнктурный») уровень предстает в качестве «мифологии идей», содержит результаты рациональной целенаправленной деятельности отдельных мифотворцев.

Выделение «архаического» и «инструментального» («конъюнктурного») уровней современной социальной мифологии, так же, как и в случае с идеологией, предполагает взаимосвязь и взаимодействие между ними. Фактически речь идет о постоянном взаимодействии мифологии и идеологии в каждом социальном мифе. В частности, такое взаимодействие составляет главную особенность проявления социальной мифологии в политике в целом. Наглядные иллюстрации специфики функционирования социальной мифологии в политической сфере дают нам примеры таких «глобальных» мифов, влияющих на практику государственного управления и политические процессы, как имперский миф и миф о герое.

Так, в мифе о герое, актуальном практически во все времена, можно четко выделить, с одной стороны, ядро архетипического образа (происхождение героя, качества героя, предназначение героя, взаимодействие героя со сверхъестественными силами, борьба героя с врагами, испытания героя), относящегося к «архаическому» уровню социальной мифологии, и, с другой стороны, конкретные коннотации образа героя, продиктованные текущими социально-политическими процессами, относящиеся к «инструментальному» («конъюнктурному») уровню социальной мифологии. В частности, отмечается, что в российском общественном сознании миф о герое имеет ряд поправок, среди которых выделим следующую: «Герой — это всегда лидер протеста против бездушной государственной машины, которую он ради общего блага призван победить и подчинить своей воле» [Орлов С.Б., Чернышков Д.В., 2011, с. 98]. Ярким примером мифа о герое, позволяющим увидеть специфику развертывания «глобального» социального мифа в современной российской действительности, является миф о И.В. Сталине [Линченко А.А., Иванов А.Г., 2017].

Наличие «инструментального» («конъюнктурного») уровня является определяющим для понимания сущности современной социальной мифологии. Одна из особенностей «инструментального» уровня социальной мифологии заключается в том, что здесь делается акцент в основном на осмыслении социальной реальности с учетом интересов конкретных социальных групп; выражается отношение данных социальных групп к социальной реальности через формирование интересубъективных для группы ценностей и идеалов. Также на «инструментальном» («конъюнктурном») уровне современной социальной мифологии значительное место занимает идеология, что сближает ее с лю-

бой из современных форм общественного сознания и особенно с политикой. Между тем политическая сфера общественной жизни и, что не менее важно, медиа-среда лишь предоставляют возможность наиболее полно увидеть практические проявления социальной мифологии.

Социальной мифологии свойственны процессы мифотворчества (запечатление социального бытия в виде мифов, построение мифологических сюжетов) и мифологизации (придание социальной реальности мифологической образности). При этом мифотворческий потенциал социальной мифологии проявляется тогда, когда в мифе начинают видеть социальные функции, что в дальнейшем приводит к конструированию циркулирующих в пространстве масс-медиа устойчивых социальных мифов. Однако для обретения социальными мифами большей значимости им лишь простого функционирования в медиа-среде, лишь включения в медиаконтент недостаточно: необходимо, чтобы был раскрыт мифологизационный потенциал социальной мифологии, что происходит в случае массового увлечения социальными мифами, когда они становятся неотъемлемыми атрибутами как повседневной жизни человека, так и актуальной повестки дня.

Социальный миф претерпел определенную эволюцию: появившись в эксплицитной форме в Новое время, он окончательно вышел на авансцену общественной жизни и заинтересовал многих ученых (Ж. Сорель, Г. Лебон, В. Парето) в начале XX в., когда в центре внимания оказались властные отношения. К настоящему времени сложились такие направления исследования современного мифа, как феноменологическое (А.Ф. Лосев), психоаналитическое (Д. Кэмпбелл, М. Элиаде, Д. Холлис и др.), структуралистско-семиотическое (Р. Барт). Сегодня динамично развивающаяся медиа-среда выступает в качестве своеобразной авансцены, где демонстрируются самые разные характеристики современного социального мифа: «“Новая мифология”, о появлении которой тщетно ностальгировали романтики, была сотворена развлекательными формами массмедиа» [Луман Н., 2005, с. 94].

«Реальность масс-медиа»

Для понимания специфики современного пространства масс-медиа особый интерес представляет классификация этапов развития коммуникационного пространства, предложенная С.В. Тихоновой: выделяются четыре этапа, сопряженные с появлением новых средств коммуникации: этап

устной коммуникации; этап письменной коммуникации; этап массовой коммуникации; современная коммуникационная революция. При этом этапу устной коммуникации соответствует архаическая сакральная мифология, демонстрирующая четко определяемые параметры всех звеньев коммуникационной цепи, направленной на воспроизводство специфической социальной организации; и непрерывность социального воспроизводства встроена в продуцирование сакральной мифологической коммуникации. На этапе письменной коммуникации возникают процессы текстуализации мифа, становящиеся механизмом контроля мифотворческих практик, а также появляется светская, несакральная мифология, создателями которой оказываются индивидуализированные субъекты. На этапе массовой коммуникации мифотворчество становится дистантным, анонимным, стандартизированным, дискретным, вписывается в технологические и рациональные процессы производства, основанного на разделении труда, и подчиняется функции обслуживания потребления. Все средства массовой коммуникации по мере своего возникновения включаются в уже существующее с начала книгопечатания медиапространство, расширяя и обогащая его. Современная коммуникационная революция является сетевой, детерминирована изменением роли цифровых технологий в коммуникационном пространстве [Тихонова С.В., 2009, с. 12–13].

Современная коммуникационная революция привела к тому, что средства массовой информации в начале XXI в. в форме печати, телевидения, кино, фотографии, радио и во все большей степени Интернета стали основными источниками для записи, конструирования, архивирования и распространения публичных и частных историй. В настоящее время мы, по всей видимости, не в состоянии понять прошлое без его медиа-версий, и XX век, в частности, показывает нам, что средства массовой информации и события исторического значения неразделимы [Garde-Hansen J., 2011, p. 1].

Медиа-среда оказывается неким дополнительным звеном в процессе воздействия социального мифа на жизнь общества. Если в политической сфере действие мифа — прямое, то в медиа-среде сила мифа оказывается опосредованной. Виной тому множество факторов, некоторые из которых были удачно подмечены К. Фладом: «Структуры, прецеденты, профессиональные нормы, внешние воздействия, взаимоотношения людей на всех уровнях — все это приводит к эффектам идеоло-

гического толка, которые, возможно, непосредственные участники процесса не замечают, но которые очевидны для наблюдателей, ориентированных в ином идеологическом ключе» [Флад К., 2004, с. 61].

Масс-медиа погружают человека в особую реальность, которую вполне можно сравнить с мифологической реальностью, так как имеет место определенное отождествление с транслируемыми средствами массовой информации событиями, представляемыми готовыми образами, иллюзиями, стереотипами и т.п.

В этом смысле отдельного упоминания заслуживают иллюзии, их взаимосвязь с социальными мифами. Так, современный исследователь иллюзий П.А. Плютто считает миф формой бытия социокультурных иллюзий и социальными мифами называет стихийные социокультурные иллюзии, бытующие на уровне массового общества и массовой культуры, в то время как утопии и идеологии он относит к рационализированным социокультурным иллюзиям [Плютто П.А., 2014, с. 38]. Более того, автор полагает, что «...социокультурные иллюзии обладают собственной парадоксальной реальностью, — реальностью социокультурного виртуального» [Плютто П.А., 2014, с. 19]. Иной точки зрения придерживается Л.В. Шукшина, считающая, что социальные и иные мифы выступают социокультурными основаниями социальных иллюзий [Шукшина Л.В., 2010, с. 22].

На наш взгляд, оба вышеупомянутых определения иллюзий и их связи с мифом выглядят убедительными. Следует лишь отметить, что, считая какое-либо явление иллюзорным, мы сразу соглашаемся с его оторванностью от реальности или с его специфической реальностью (словами П.А. Плютто — реальностью социокультурного виртуального). В то время как с мифом дело обстоит далеко не так очевидно: мифом можно жить, считая, что он и есть самая настоящая реальность, и даже не задаваться вопросом о соответствии мифа реальности.

Так, если жителя России спросить, например, как он относится к процессу прямого волеизъявления на выборах, к таким демократическим институтам, как совет депутатов (орган законодательной (представительной) власти), администрация (орган исполнительной власти), то в его оценочных суждениях, вероятно, будет содержаться значительная доля распространенных мнений, стереотипов. Но как формируются такого рода мнения? На наш взгляд, многое здесь зависит даже не столько от политической осведомленности, сколько от гос-

подствующих в данное время, в частности благодаря средствам массовой информации в общественной жизни стереотипов, социальных мифов, от реального уровня мифологизированности в конкретном государстве.

Следует отметить, что существует мнение о стереотипе как внутреннем основании социальной мифологии, о стереотипе, «...организованном по принципу достаточности для участников политического процесса заключенной в нем информации о политической реальности в ее прошлом, настоящем и будущем состояниях. Стереотипе, имеющем в силу включенности в политический процесс повышенную эмоциональную нагруженность и меняющем ее (что часто выглядит как рождение или угасание мифа) в зависимости от свойств и потребностей конкретного этапа политического процесса» [Шестов Н.И., 2005, с. 27]. Однако, на наш взгляд, уподобление социального мифа стереотипу значительно обедняет характеристики первого, делая акцент преимущественно на режиме функционирования мифа в условиях текущей конъюнктуры, оставляя без должного внимания фундаментальные ценностные основания, на которых базируется миф.

В этом смысле важно отметить, что современные масс-медиа претендуют на то, чтобы транслировать определенные ценности, вторгаясь в пространство повседневной жизни. Успех мифа сегодня во многом объясняется тем, что миф состоит в «союзе, с одной стороны, с масс-медиа, с другой стороны, с повседневностью. Впервые в истории, — пишет известнейший теоретик постиндустриального общества Д. Белл, — телевидение создало то, что греки некогда называли ойкуменой, — единое сообщество, или то, что М. Маклюэн назвал “глобальной деревней”» [Белл Д., 1999]. Масс-медиа не только дают определенные знания, но и учат, как применять их в различных видах деятельности в практике повседневности. «Доместикация телевизора привела к распространению экранной медиакультуры, стандарты которой: окуляроцентризм (или доверие увиденному), информационная мобильность (или способность “перемещаться” наблюдая на экране весь мир), синхронизация частного времени в пользу всеобщего, индивидуализация сознания, мозаичный характер восприятия информации. Опыт первых телезрителей заключался в привыкании к приватному экрану, в переходе к новой аудиовизуальной насыщенности дома, что постепенно изменило отношения в семье» [Сергеева О.В., 2011, с. 14]. На сегодняшний день можно

с уверенностью утверждать, что масс-медиа «незримо» сопровождают повседневную жизнь человека и общества: «...медиа среда — это то, что нас окружает ежедневно. Это совокупность условий, в контексте которых функционирует медиакультура, то есть сфера, которая через посредничество СМК связывает человека с окружающим миром, информирует, развлекает, пропагандирует те или иные нравственно-эстетические ценности, оказывает идеологическое, экономическое или организационное воздействие на оценки, мнения и поведение людей» [Кириллова Н.Б., 2005, с. 11].

Анализ основополагающих аспектов повседневной жизни личности, сфер, уровней, а также природы повседневности позволил выделить следующее: повседневность следует рассматривать как часть социальной реальности, как определенную целостность духовно-ментального и материального, как необходимое условие общественной жизни, которая разворачивается в социальном пространстве и времени в сферах быта, труда и досуга с помощью различных видов деятельности. При этом повседневность обладает известной двойственностью: «...с одной стороны, повседневность воплощает индивидуальную волю личности и отражает ее специфические характеристики, но, с другой стороны, она является и порождением общества во всем многообразии его проявлений» [Полякова И.П., 2009, с. 86]. Выделение социального аспекта повседневности, на наш взгляд, чрезвычайно важно, так как позволяет в полной мере считать ее пространством разворачивания также и социальной мифологии.

Три субъекта мифа

Для лучшего понимания сущности социального мифа необходимо его рассмотрение, как минимум, с позиций трех субъектов: живущего мифом («мифичный»); создателя мифа (мифотворец); критика мифа (мифолог). Такое понимание социального мифа сразу актуализирует несколько проблем, особенно актуальных для понимания механизма трансляции мифа в медиа-среде — субъекта и объекта познания; означающего и означаемого; первичной и вторичной мифологии.

В таблице отражено место масс-медиа, повседневности в процессах мифотворчества и мифологизации. Элементами соответствующих процессов выступают объект, субъект, средства, темпоральные характеристики (линия времени: прошлое, настоящее, будущее).

Мифотворчество и мифологизация как процессы

Процесс	Субъект	Средства	Объект		
			Прошлое	Настоящее	Будущее
Мифотворчество	Элиты	Масс-медиа, идеология, символы	Историческая память	Повседневность (быт, работа, досуг)	Утопия
Мифологизация	Широкие массы	Образы			

Для «мифичного» социальный миф является безусловной реальностью, неотъемлемой частью его картины мира; миф определяет здесь онтологические основы. Мифотворец акцентирует внимание на целях социального мифа и степени принятия социального мифа аудиторией (количестве «мифичных» относительно конкретного мифа), он в некотором смысле определяет этические аспекты мифа. Для мифолога определяющее значение имеют эпистемологические аспекты, средства познания социального мифа: комбинации различных теорий мифа, теоретические и эмпирические методы исследования — он ищет «истину мифа».

Целостное познание социального мифа неизбежно включает все три позиции. Наличие веры, иррациональных составляющих свидетельствует о том, что субъект познания живет мифом. При столкновении с социальным мифом субъект одновременно создает свой собственный миф о социальном мифе, что говорит об активации мифотворческой точки зрения (так называемое явление «feedback»). И, наконец, субъект познания, приняв социальный миф, встраивает его в свою картину мира, основанную на рациональности.

С одной стороны, каждый субъект познания содержит в себе возможности проявления любой точки зрения («мифичного», мифотворца, мифолога), касающейся конкретного социального мифа. С другой стороны, сферы знания о социальном могут быть мифогенными в большей или меньшей степени. Так, по мнению К. Леви-Строса, сегодня история является единственным доменом знания, имеющим то же устройство, что и миф: «История обладает примерно той же ценностью, какую миф имел в архаическом обществе» [Беседа..., 2009, с. 68]. На наш взгляд, к таким «доменам» в настоящее время с определенной степенью условности следует также отнести экономику, политику, художественное творчество, религию. По большому счету любое знание об общественной жизни, даже научное, включает в себя мифологические компоненты.

Миф имманентен социальному бытию, присутствует в нем в качестве мифологической реальности, в которой живут «мифичные». По отношению же ко всем остальным (т.е. к тем, кто не живет мифом) справедливо то, что они могут стремиться к мифологической реальности как к недостижимому идеалу. Как заметил С.Н. Жаров, «...реальность наравне с бытием составляет архетипическое измерение жизни. Вне “реального” измерения нет собственно человеческой жизни, но точно так же этой жизни нет без стремления за пределы, без трансцендирования реальности ради открытия новых смысловых миров» [Жаров С.Н., 2013, с. 28]. Как раз новым смысловым миром и можно считать мифологическую реальность, в которой живут «мифичные», которую изучают мифологи и которую создают мифотворцы. Существование выделенных нами трех субъектов мифа позволяет говорить о множественности функций мифа.

Механизм «работы» социального мифа

Рассмотрим, каким образом осуществляется процесс функционирования социальных мифов, в ходе которого может оказываться определенное воздействие на общественное развитие. Для иллюстрации предлагаем механизм «работы» социального мифа, который схематично можно представить следующим образом: (1) мифотворческая деятельность элит, (2) использование социального мифа как инструмента реализации властных функций, (3) учет социального контекста, (4) применение социального мифа в качестве призыва и руководства к действию, (5) тиражирование социальных мифов в виде шаблонов, (6) функционирование социальных мифов, (7) конкуренция социальных мифов / конкуренция мифотворцев (элит). Следующий цикл начинается с появления новых мифотворцев (новой элиты) [Иванов А.Г., 2016]. Видно, что мифотворцам в механизме «работы» социального мифа принадлежит особая роль. При этом мы исходим прежде всего из того, что в качестве

мифотворцев выступают преимущественно элиты, и их основное занятие — мифотворческая деятельность. Большинству же остальных, назовем их широкими массами, в большей степени присуща мифологизационная деятельность (хотя имеет место и явление «feedback», то есть обратное воздействие мифов на самих мифотворцев). Тема активности мифотворцев в последнее время являлась центральной при любом обсуждении современного мифа. Однако распространение в последнее время все новых форм масс-медиа, их решительное вхождение в жизнь человека заставляет вспомнить о провозглашаемой Р. Бартом бесконечной суггестивности мира [Барт Р., 2004] и предположить, что при анализе трансляции современных социальных мифов понимание процессов мифологизации становятся не менее важным, чем знание механизмов мифотворчества.

Среди современных социальных мифов наибольшую опасность для развития общества могут нести функционирующие политические и исторические мифы. Следует заметить, что механизм трансляции мифа в современной медиасреде имеет много общего с механизмом «работы» социального мифа в политической сфере; в медиа-пространстве миф лишь приобретает несколько иные — более сложные и изощренные — формы.

Характер функционирования процессов социального мифотворчества и мифологизации позволяет увидеть специфику социальной мифологии и определить ее место в структуре общественной жизни и роль в развитии общества. Присутствие мифа в формах и на уровнях общественного сознания следует рассматривать соответствующим образом: миф как органическая составляющая религии и эстетики; миф как намеренное искажение объективной реальности в науке, праве; миф как инструмент манипуляции в истории и политике; миф как потенциальная ценность или опасность в сфере морали.

Миф создает представление об окружающей реальности, причем в политике мы зачастую имеем дело с реальными персонажами, в связи с чем человек не осознает эти представления о мире как мифологические. Они кажутся ему вполне реальными и объективными. Данные мифы создаются и подпитываются средствами массовой информации, вплетая все новые и новые аспекты мифа (героя, символы, лозунги, идеологические призывы, ритуальные праздники, «священные» тексты и пр.) в устоявшиеся общественные пред-

ставления. Политические мифы, в отличие от архаических, — искусно сформированный интеллектуальный феномен, оказывающий влияние как на сознательные, так и на бессознательные психические процессы, и созданный с целью управления обществом, формирования определенных потребностей у людей, мотивирования их на желаемые поступки. Функция экономических мифов также заключается в стимулировании определенных форм экономического поведения у людей, например, массового потребления определенных товаров. «Бытовой миф — часть повседневной реальности, результат работы рекламного производства и рыночного развития экономики. Производителями гипертрофируются многие обыденные вещи (реклама косметических средств, бытовой химии), создаются часто надуманные их значимость и важность. Пространство повседневности наполнено мифами об исторических событиях, политических, экономических явлениях, содержащихся в желтой прессе и телепередачах, подобных ей, которые повсеместно заполняют каждодневное пространство, пытаясь заработать, искажают реальность» [Леухина Л.Е., 2011, с. 158]. Мифология повседневности делает повседневную жизнь более понятной и привычной посредством мифологем, ритуалов поведения.

Причем на рациональном уровне человек подвергает сомнению правила, определенные мифом, но мифологические установки весьма сильны, когда речь идет о бессознательных страхах (черный кот, разбитое зеркало, остановка часов в момент смерти), желаниях либидо, жажде власти и т.п. «В подобных ситуациях следует прийти к осознанию того, что символ как неотъемлемая часть мифа и повседневности содержит в себе больше означаемого и относится больше к реальности, так как обладает функциональным бытием и несет в себе множество значений, выражающих связь вещей и явлений» [Фролова С.М., 2012, с. 212].

Религиозная мифология выполняет компенсаторную функцию: она демонстрирует идеалы, недоступные в земной жизни и заполняет экзистенциальную пустоту, даруя желанное чувство защищенности и любви Отца Небесного. Причем помощь и поддержка высших сил ему нужна здесь и сейчас, непосредственно в практике повседневности: помощи со здоровьем, благословения в делах, благодарности за успешные дела. Таким образом, в повседневной жизни какие-то мифические символы (икона, горящая свеча, святая

вода, молитва и др.) становятся значимыми для человека, определяя поведенческие стереотипы. Социальные мифы не являются плодом индивидуального сознания, они коллективны, носят массовый характер, несмотря на то что формы их выражения не всегда идентичны. «Миф как явление и мифотворчество как процесс постоянно будут присутствовать в жизни человека и общества как духовная, неотъемлемая основа повседневного бытия, закрепляя то, во что человеку сложно поверить» [Фролова С.М., 2012, с. 213].

Многообразие форм проявления социального мифа сегодня приводит к тому, что становится проблематичным выделение конструктивных функций мифа в «чистом виде»: медиа-среда может запросто исказить смысл того или иного мифологического послания.

Переплетение сакрального и профанного

Далее рассмотрим, как развитие коммуникационного пространства повлияло на такое существенное и чувствительное мифологическое отношение, как дихотомия «сакральное – профанное».

Дело в том, что соотношение «сакральное – профанное» выступало как основополагающее для архаического мифа. Для того чтобы ориентироваться в окружающем мире, человек архаического общества придавал определенные акценты всем окружающим явлениям и социальным процессам, которые в результате обретали более ясные очертания, надолго сохраняясь в коллективной и индивидуальной памяти. Ключевой особенностью данного процесса стало сведение всех социальных явлений к относящимся либо к сакральной, либо к профанной сферам. Сакральное — это то, что содержит трансцендентное, божественное, священное. Профанное же относится к обыденной, повседневной жизни. Э. Кассирер отмечал в этой связи следующее: «Проекция всякого бытия и всего происходящего на одну оппозицию “священного” и “профанного” позволяет... обрести в самой этой проекции новое содержание...» [Кассирер Э., 2002, с. 91]. Р. Кайуа, рассуждая об общих отношениях сакрального и профанного, писал, что они представляют собой два мира, где один мир определяется через другой, полагая, что оппозиция сакрального и профанного «предстает поистине как непосредственная данность сознания» [Кайуа Р., 2003, с. 151]. Основным моментом, по нашему мнению, здесь заключается в том, что такое противопоставление сакральной и профанной сфер распространяется на все без исключения окру-

жающие явления и процессы, на все, что включается в мифологическую картину мира.

Длительное время считалось, что миф противостоит повседневности, так как он связан с пространством сакрального, а повседневность, в силу своей обыденности, относится к миру профанному, миру конкретных ситуаций, в которых живет человек. Тем не менее, именно находясь в пространстве повседневного, человек сначала творит миф, а потом подчиняется его законам. Так, в пространстве повседневного происходит переплетение различных порядков, двух миров. В «посюстороннем миру» миф получает дополнительные формы, видоизменяется, иногда образуя новые мифы и порождая новые смыслы. Со временем миф становится хранилищем представлений и стандартов поведения, которые помогают человеку ориентироваться в пространстве повседневной жизни: «В мире повседневного бытия, как и в мифе, “следование правилу” выступает высшей нормой-ценностью. Миф способствует закреплению однажды возникших “божественных заповедей”» [Бабаева А.В., 2001, с. 269]. Окружающий человека мир остается прежним, но меняется его восприятие. Повседневность посредством ритуальных действий переходит в мир сакрального, наделяя людей, события и предметы особым смыслом. Создавая миф, человек начинает свою повседневную жизнь строить по его законам. Мифотворчество, таким образом, выступает в качестве неотъемлемой части жизнедеятельности людей. Невозможно провести четкой грани между системой мифов и повседневностью. Изучение мифа вне пространства повседневности делает представление о нем неполным. В свою очередь изучение мифов того или иного народа формирует представление об их повседневной жизни, о значении тех или иных обычаев и ритуалов в практике повседневности. Миф содержит в себе информацию, необходимую для развития общества, так как она содержит опыт многих поколений, которая транслируется в виде готовых бытийных основ и моделей повседневного поведения от рождения до смерти. «...Миф — это духовная неотъемлемая основа повседневного бытия общества, раскрывающая событийную природу социума и онтологическую связь между социальной жизнью и архетипическими структурами мышления» [Фролова С.М., 2012, с. 209].

Повседневная жизнь человека является динамичным образованием, она меняется с появлением новых предметов, процессов, явлений, которые медленно, но верно проникают в нашу жизнь, какие-то легко и быстро, а какие-то требуют от че-

ловека усилий и дополнительного времени. «Медиа “встраиваемы” в повседневную жизнь человека, и это “встраивание” есть социокультурный процесс: вещи наделяются смыслом, а человек под влиянием новой вещи переосмысливает свои действия» [Сергеева О.В., 2011, с. 9]. В повседневную жизнь современного человека входит все больше и больше технологических приспособлений, которые делают нас потребителями специальных знаний, умений и навыков обращения с технологией и многочисленными гаджетами.

Повседневность имеет свою структуру ценностей, которая «...тесно связана с важными изменениями в социальном опыте, происходящими в XX веке» [Шапинская Е.Н., 2009, с. 218]. Так как структура повседневной жизни складывается в кругу семьи, коллег и друзей, навыки пользования современной техникой, как правило, приобретаются внутри данного ближнего круга. Помимо этого, знания о чужой повседневной жизни и о том, чем она наполнена, мы можем получать из масс-медиа, приобщаясь к незнакомой культуре, чему-то удивляясь, а что-то и заимствуя (например, блюда японской кухни, интерьерный стиль Прованс и т.п.). Сфера повседневности является тем социальным пространством, где происходит аккумуляция медиатехнологий, когда техника из непонятной новинки превращается в значимый предмет, а ее использование — в потребность. Те социокультурные образцы, которые в данный период времени на групповом или общесоциальном уровне принимаются как наиболее значимые для организации повседневной жизнедеятельности людей, представляют собой ценности повседневной жизни. Культурные ценности всегда носят групповой характер, будучи продуктом коллективного, а не индивидуального опыта. В повседневной культуре ценности часто утверждаются через медиакультуру, в частности через рекламу. В популярном сознании та или иная культурная ценность занимает место в иерархии и ассоциируется с ее потребительскими качествами. Таким образом, ценности обыденного сознания во многом формируются масс-медиа.

Функционирование социального мифа в медиа-среде придает общественной жизни, включая и такое ее измерение, как повседневность, дополнительные характеристики. Речь идет прежде всего о том, что особая реальность масс-медиа, в которую погружается современный человек, несет в себе черты мифологической картины мира, где сакральное и профанное вновь обретают синкретичное единство; где мифологизационные процессы имеют не меньшее значение, чем мифо-

творческая деятельность; где новые образы прошлого и будущего дополняют бесконечную суггестивность мира. Именно с такой «реальностью» нам все чаще приходится иметь дело, независимо от того, на какой стадии развития (модерн, пост-модерн или еще что-либо) находится общество.

Список литературы

- Бабаева А.В.* Миф в пространстве повседневности // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре. Вып. 8: Сб. в честь 90-летия профессора М.И. Шапновича. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 268–270.
- Барт Р.* Мифологии: пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашиковых, 2004. 320 с.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. М.: Academia, 1999. 956 с.
- Беседа с Клодом Леви-Стросом* Константина фон Барлевена и Галы Наумовой: пер. с фр. // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 66–79.
- Жаров С.Н.* Бытие и реальность в гуманитарном познании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 2. С. 18–37.
- Иванов А.Г.* Механизм воздействия мифов на развитие общества // Вестник Волгоградского университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 2(32). С. 6–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.2.1>.
- Кайуа Р.* Миф и человек. Человек и сакральное: пер. с фр. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
- Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление / пер. с нем. М.: СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.
- Кириллова Н.Б.* Медиа среда российской модернизации. М.: Академ. проект, 2005. 400 с.
- Леухина Л.Е.* Обыденность в условиях трансформации общественной жизни // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 155–159.
- Линченко А.А., Иванов А.Г.* «Живите тыщу лет, товарищ Сталин...»: Трансформация мифологии образов И.В. Сталина в современной российской исторической памяти // Диалог со временем. М.: ИВИ, 2017. Вып. 59. С. 116–135.
- Луман Н.* Реальность массмедиа: пер. с нем. М.: Праксис, 2005. 256 с.
- Орлов С.Б., Чернышков Д.В.* Мифологема «Сталин». Образ вождя как системообразующий фактор российского общественного сознания // Свободная мысль. 2011. № 12. С. 95–102.
- Плютто П.А.* Исследование реальности социокультурного виртуального: Опыт анализа социокультурных иллюзий. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 368 с.

Полякова И.П. Социально-философское понимание повседневности. Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2009. 138 с.

Сергеева О.В. Медиакультура в практиках повседневности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2011. 45 с.

Тихонова С.В. Социальная мифология в коммуникационном пространстве современного общества: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009. 41 с.

Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование: пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 264 с.

Фролова С.М. Миф в повседневной жизни общества // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2012. № 1(30). С. 208–214.

Шапинская Е.Н. Повседневное как динамическое пространство современной культуры // Культурное наследие: от прошлого — к будущему. Т. 6: Фундаментальные проблемы культурологии. М.: Новый хронограф; СПб.: Эйдос, 2009. С. 214–225.

Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде / под ред. проф. А.И. Демидова. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 414 с.

Шукиина Л.В. Экзистенциальная ценность социальных иллюзий: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2010. 39 с.

Garde-Hansen J. *Media and Memory*. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2011. 174 p.

Получено 15.10.2017

References

Babaeva A.V. (2001). *Mif v prostranstve povsednevnosti* [Myth in the Space of Everyday Life]. *Smysly mifa: mifologiya v istorii i cul'ture*. Vyp. 8 [The Meanings of Myth: Mythology in History and Culture. Iss. 8]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo Publ., pp. 268–270. (In Russian).

Barthes R. (2004). *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Sabashnikovs Publ., 320 p. (In Russian).

Bell D. (1999). *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 956 p. (In Russian).

Beseda s Klodom Levi-Strosom Konstantina fon Barleneva i Galy Naumovoy [An Interview with Claude Lévi-Strauss' made by Constantin von Barloenen and Gala Naumova]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2009, no. 5, pp. 66–79. (In Russian).

Caillois R. (2003). *Mifi chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and Man. Man and the Sacred]. Moscow, OGI Publ., 296 p. (In Russian).

Cassirer E. (2002). *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 2: Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2: Mythological Thought]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 280 p. (In Russian).

Flood C. (2004). *Politicheskii mif. Teoreticheskoe issledovanie* [Political Myth. A Theoretical Introduction]. Moscow, Progress-Tradistiya Publ., 264 p. (In Russian).

Frolova S.M. (2012). *Mif v povsednevnoj zhizni obshchestva* [Myth in Society Every Day Life]. *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby* [Bulletin of The Volga Region Academy of Public Administration]. No. 1(30), pp. 208–214. (In Russian).

Garde-Hansen J. (2011). *Media and Memory*. Edinburgh, Edinburgh University Press Ltd., 174 p. (In English).

Ivanov A.G. (2016). *Mehanizm vozdeystviya mifov na razvitie obshchestva* [The Mechanism of the Myth's Impact on Society Development]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tehnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies]. No. 2(32), pp. 6–14. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.2.1>. (In Russian).

Kirillova N.B. (2005). *Mediasreda rossiyskoy modernizatsii* [The Media Environment of Russian Modernization]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 400 p. (In Russian).

Leukhina L.E. (2011). *Obydennost' v usloviyah transformatsii obshchestvennoy zhizni* [A Daily Routine in a Transformation of Public Life]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. No. 2, pp. 155–159. (In Russian).

Linchenko A.A., Ivanov A.G. (2017). «Zhivite tyshchu let, tovarishch Stalin...»: *Transformatsiya mifologii obrazov I.V. Stalina v sovremennoy rossiyskoy istoricheskoy pamyati* [«Live a Thousand Years, Comrade Stalin...»: Transformation of Mythology of I.V. Stalin's Images in the Contemporary Russian Historical Memory]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. Moscow, Institute of World History of Russian Academy of Sciences (IWH RAS) Publ., iss. 59, pp. 116–135. (In Russian).

Luhmann N. *Real'nost massmedia* [The Reality of the Mass Media]. Moscow, Praksis Publ., 256 p. (In Russian).

Orlov S.B., Chernyshkov D.V. (2011). *Mifologema «Stalin». Obraz vozhdya kak sistemoobrazuyushchii faktor rossiyskogo obshchestvennogo soznaniya* [«Stalin» Mythologem. The Image of the Leader as a Backbone Factor of Russian Social Consciousness]. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought]. No. 12, pp. 95–102. (In Russian).

Plyutto P.A. (2014). *Issledovanie real'nosti sotsiokul'turnogo virtual'nogo: opyt analiza sotsiokul'turnykh illyuziy* [The Study of Reality of Sociocultural Virtual: Experience of Analysis of Sociocultural Illusions]. Moscow, Progress-Tradistiya Publ., 368 p. (In Russian).

Polyakova I.P. (2009). *Sotsial'no-filosofskoe ponimanie povsednevnosti* [Socio-philosophical understanding of Everyday Life]. Lipetsk, LGTU Publ., 138 p. (In Russian).

Sergeeva O.V. (2011). *Mediakul'tura v praktikah povsednevnosti: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Media Culture in Everyday Life Practice: abstract of D.Sc. dissertation]. St. Petersburg, 45 p. (In Russian).

Shapinskaya E.N. (2009). *Povsednevnoe kak dinamicheskoe prostranstvo sovremennoy kul'tury* [Everyday as a Dynamic Space of Contemporary Culture]. *Kul'turnoe nasledie: ot proshlogo k budushchemu. T. 6: Fundamental'nye problemy kul'turologii* [Cultural Heritage: From the Past to the Future. Vol. 6: Fundamental Problems of Cultural Science]. Moscow, Novyy Khronograf Publ., St. Petersburg, Eydos Publ., pp. 214–225. (In Russian).

Shestov N.I. (2005). *Politicheskiy mif teper' i prezhe* [Political Myth: Now and Before]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 414 p. (In Russian).

Shukshina L.V. (2010). *Ekzistentsial'naya tsennost sotsial'nyh illyuziy: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Existential Value of Social Illusions: abstract of D.Sc. dissertation]. Saransk, 39 p. (In Russian).

Tikhonova S.V. (2009). *Sotsial'naya mifologiya v kommunikatsionnom prostranstve sovremennogo obshchestva: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Social Mythology in the Communicative Space of Contemporary Society: abstract of D.Sc. dissertation]. Saratov, 41 p. (In Russian).

Zharov S.N. (2013). *Bytie i real'nost' v gumanitarnom poznanii* [Being and Reality in Humanitarian Knowledge]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy]. No. 2, pp. 18–37. (In Russian).

Received 15.10.2017

Об авторах

Иванов Андрей Геннадиевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры государственной, муниципальной
службы и менеджмента

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Липецкий филиал),
398050, Липецк, ул. Интернациональная, 3;
e-mail: agivanov2@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1136-251X

Полякова Ирина Павловна

доктор философских наук, доцент,
профессор, заведующая кафедрой философии

Липецкий государственный технический
университет,
398600, Липецк, ул. Московская, 30;
e-mail: ir.p.polyakova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4213-3680

About the authors

Andrey G. Ivanov

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Public Administration and Management

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Lipetsk Branch),
3, Internatsionalnaya str., Lipetsk, 398050, Russia;
e-mail: agivanov2@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1136-251X

Irina P. Polyakova

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor, Head of the Department of Philosophy

Lipetsk State Technical University,
30, Moskovskaya str., Lipetsk, 398600, Russia;
e-mail: ir.p.polyakova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4213-3680

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Иванов А.Г., Полякова И.П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 5–15.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-5-15

For citation:

Ivanov A.G., Polyakova I.P. Social mythology in the space of everyday life and mass media // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 5–15. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-5-15

УДК [1:316]:159.923.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-16-25

РОЛЬ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Лёвкина Анастасия Олеговна, Лёвкин Вадим Евгеньевич

Тюменский государственный университет

В статье рассматривается проблема самоидентификации субъекта, её прямая связь с возможностями инновационного развития общества и основных субъектов инновационного развития общества (изобретателя, инвестора и самого общества) в современном культурном контексте. Под самоидентификацией в работе понимается процесс самоопределения субъекта деятельности (человека, группы, общества), в ходе которого субъект активизирует свое волевое Я, осознаёт себя субъектом творческой активности со свободной волей, отвечает на вопросы «кто Я?», «какова территория (каково пространство) моей ответственности?», «что имеет значение?», «зачем Я существую?», «в чем смысл моих действий?», «как я позиционирую себя относительно других людей?». Показано, что результат самоидентификации (конкретная самоидентичность) играет принципиальную роль в инновационном развитии общества (отличаемого в статье от инновационного развития отдельных общностей, например групп влияния). С позиций гуманистического подхода неадекватная самоидентификация — это отождествление субъекта с тем, чем он не является, а именно со спонтанно возникающими желаниями, с отдельной группой или территорией, с навязанным представлением о себе, с ролью объекта управления и даже «человеческого капитала». Гуманистические ценности рассматриваются как необходимое условие обеспечения адекватной самоидентификации, приводящей к сотрудничеству всех субъектов, составляющих общество. Предложен ряд смысловых установок, позволяющих активизировать процесс становления более корректной (соответствующей реальным условиям) самоидентификации современного человека. Данные установки предложены в форме «я-высказываний», что позволяет применять их как в самостоятельном самоопределении личности, так и при групповых формах работы, при создании технологий массового стимулирования процессов пробуждения личностной зрелости.

Ключевые слова: гуманистические ценности, самоидентификация субъекта, инновационное развитие общества, критическое мышление, изобретатель, инвестор, современность.

THE ROLE OF HUMANISTIC VALUES IN SELF-IDENTIFICATION OF THE ACTORS OF INNOVATION DEVELOPMENT IN SOCIETY

Anastasia O. Lyovkina, Vadim E. Lyovkin

University of Tyumen

This article deals with the problem of human self-identification in its direct connection with the opportunities of innovation development in society and main actors of innovation development (inventor, investor and society) in modern cultural context. Under the term self-identification, we mean the process of the subject's (personal, group, social) self-determination, which implies activation of the volitional «self», during which they feel as the subjects of creative activity with free will and answer the questions: «Who am I?», «What is the territory (the space) of my responsibility?», «What is significant for me?», «What is the purpose of my existence?», «What is the sense of my actions?», «How I position myself in relations with other people?». The article shows that the result of self-identification (particular self-identity) plays a fundamental role in realizing the innovation development of society, which we distinguish from the innovation development of particular communities or groups. In the context of humanistic approach, inadequate self-identification is the subject's self-identification with something that does not represent one, particularly, with spontaneously arising wishes, be-

longing to a special group or territory, imposed ideas about oneself, with the role of being under control or even being «human capital». The authors consider humanistic values to be compulsory condition of providing adequate self-identification, which leads to cooperation of all social subjects. The article recommends a number of semantic sets which allow one to activate the process of correct (adequate to real conditions) personal self-identification. These sets are formulated in the form of «self-expressions» which allow one to use them both in independent and group trainings and also in developing mass technologies stimulating the processes of personal matureness awakening.

Keywords: humanistic values, self-identification, innovation development, critical thinking, investor, modernity.

Проблема самоидентификации субъекта в культурно-историческом контексте

Культурно-исторический контекст, в котором разворачивается и частью которого во многом является самоидентификация субъекта, оформляется комплексом условий. Выделим ключевые из них. Как показывает А.В. Павлов в работах, посвященных осмыслению современности [Павлов А.В., 2017, с. 48–49], «общество как целое складывается и существует под влиянием трех условий:

1. *Я-субъекты*, упрощенно — индивиды, осуществляющие выбор и действующие в соответствии с ним.

2. *Площадка* — ограниченное и четко очерченное локальное пространство, в котором располагаются и действуют индивиды: государственные границы, границы культурного региона, корпорации или группы, религиозные, юридические и моральные границы, географические препятствия для переселения, распределение природных ресурсов, в целом ограниченные размеры земного шара и т.д.

3. *Навязанные коммуникации* — взаимная обусловленность и экспектации, от которых невозможно уклониться, но которые адресованы Я-субъектами, живущими на одной площадке, друг другу» [Павлов А.В., 2017, с. 48–49].

В общем процессе социогенеза рождающиеся индивиды и возникающие общности (в т.ч. организации) приобретают статус «Я-субъекта» в момент реального осуществления выбора, т.е. в момент волевого совершения действий в соответствии с личным (или в случае с какой-либо общностью — коллективным) замыслом. На психологическом языке этот момент (а правильнее — моменты) можно назвать рождением личности, включением субъектной активности, активизацией сознания личности [Бахтияров О.Г., 2010], которая в дальнейшем собственными выборами и в контексте внешних условий устанавливает своё бытие, самоопределяет себя в мире, оказываясь перед необходимостью совершать *поступки* в перекрестье

ограничений *площадки* и *навязанных коммуникаций*. Однако до самоустановления личность (в большинстве случаев различное время созревания) просто занимает *место* в поле культуры.

«Место», в терминах А.В. Павлова, — это субпространство, которое, «образуется в ходе социальной самоорганизации под влиянием множества экспектаций, которые индивиды адресуют друг другу, когда находятся вместе в одном ограниченном и фиксированном пространстве. <...> Оно существует параллельно частной и индивидуальной человеческой жизни: Крестьянин, Горожанин, Рыцарь, Разбойник, Король, Купец, позднее — Предприниматель, Инженер, Депутат, Ученый, Писатель, Художник, Изобретатель, Революционер, еще позднее — Бизнесмен, Модель, Шоумен, Тусовщик, Проститутка, Террорист, Бандит, Менеджер» [Павлов А.В., 2014, с. 111].

В процессе развития субъект (как отдельная личность, так и целая общность) может изменяться и обычно в течение жизни он производит смену «мест», определяя себя в новой основной роли, идентифицируя себя с чем-то или кем-то достаточно новым по отношению к прежнему Я-состоянию. Этот *процесс самоидентификации* (в значении самообнаружения волевого Я, самоустановления образа Я, самоформирования личности) не завершается в течение всей жизни субъекта и у разных субъектов протекает в разных формах и с различной скоростью приводит к новому самоощущению и самовосприятию.

Самоидентификация может пониматься и как процесс поиска ответа на вопросы: «кто я есть?», «где я существую?», «зачем я существую?». В контексте же социального развития имеет принципиальное значение связь между самоидентификацией субъектов и развитием общества, состоящего из конечного числа отдельных личностей, по-разному идентифицирующих себя и, в частности, поэтому по-разному участвующих в общественной жизни. Более того, *самоидентификация определяет субъективные границы «площадки» и соответственно определяет, как реакции на внешние экспектации, так и содержание ожиданий трансли-*

руемых самой личностью или субъектом-общностью. Покажем это на примерах.

Если человек ощущает себя лишь в границах страны (я — гражданин России), или города (я живу в Тюмени), или даже в границах рабочего места перед монитором, это во многом определяет его отличия в мышлении и в поведенческих реакциях от человека, который не ограничивается этим и привычно ощущает себя на планете, которая в каждый момент времени летит со скоростью более 107 тыс. км/ч вокруг Солнца (указана орбитальная скорость Земли). Нужно ощущать себя гражданином планеты, чтобы иметь возможность всерьез беспокоиться о том, как нерационально, неэффективно, расточительно, антигуманно устроена нынешняя мировая социально-экономическая система, или о голоде, об экологической катастрофе на противоположной стороне Земли. Чтобы стать восприимчивым к устройству социальных процессов, к инновационному развитию всего общества, нужно ощутить, осознать себя субъектом общественного развития, субъектом культуры и впоследствии удерживать данное самосознание, особенно в моменты принятия решений. Без этого самоосознания человек (или общность) будет не в состоянии воспринять соответствующую информацию и тем более совершать направленные на общественное развитие поступки.

Самоидентичность оказывается лимитирующим фактором восприятия информации и, далее, фокусировки сознания на том или ином предмете деятельности. Для того чтобы направить внимание на такой общий предмет, как «инновационное развитие общества», требуется осознать себя частью человечества как целого. Именно управление самоидентификацией людей создаёт базу для манипулирования народами — только заузив самоидентичность до рамок отдельной страны (например, с помощью распространения ксенофобии) можно настроить граждан одной страны убивать граждан другой в очередной войне за ресурсы финансово-промышленной элиты.

На международном экономическом форуме в 2012 г. одним из представителей финансовой элиты, апологетом социальной стратификации общества, бывшим (с 2000 по 2007 г.) министром экономического развития и торговли РФ, ныне председателем Сбербанка России Г.О. Грефом была крайне цинично и одновременно очень точно охарактеризована *проблема самоидентификации субъектов общественного развития*: «Когда люди поймут основу своего Я и самоидентифицируются управлять, т.е. манипулировать ими, бу-

дет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемы, когда они имеют знание» [Международный..., 2012].

Если мы не хотим быть марионетками (причём не только в мышлении, но и в социальных отношениях), если мы различаем «инновационное развитие отдельных корпораций (общностей)» и «инновационное развитие всего человеческого общества», то нам жизненно необходима адекватная реальным последствиям деятельности человека, корректная самоидентификация. С позиций гуманистического подхода *корректная самоидентификация человека невозможна до тех пор, пока он не осознает себя источником намерения и волевого усилия — не объектом чужого управления и человеческим капиталом (последнее как раз характерно для общества постмодерна), а субъектом творческой активности со свободной волей. Для корректной самоидентификации критически важно осознать себя источником свободной волевой активности и частью человечества, личностью, живущей совместно с другими на одном космическом корабле — планете Земля, где «площадкой» с ограниченными ресурсами является вся планета, а «навязанные коммуникации» (структурированные в форму социальных институтов и соглашений) объемлют всю планету.* Навязанные коммуникации структурно поддерживают антигуманные тенденции постмодерна, создавая крайне узкий «коридор» для коллективного поведения и поэтому подлежат глубочайшему пересмотру.

Без изменения самоидентичности достаточно числа людей, в первую очередь тех из них, от кого зависит принятие решений в области социального развития (изобретателей, инвесторов, потребителей), инновационное развитие общества невозможно, а будет лишь (как и происходит в последние столетия) осуществляться инновационное развитие отдельных общностей за счет других. В современных условиях эксплуатация меньшинством большинства в прежнем виде не может продолжаться долго и закончится либо осознанными конструктивными изменениями, либо глубочайшей общечеловеческой катастрофой, вплоть до создания глобального концлагеря или самоуничтожения человека как вида. К сожалению, как подчеркивают многие исследователи, основные тенденции пока ведут к самым худшим вариантам [Жиру А., 2015; Бодрийяр Ж., 2006; Катасонов В.Ю., 2014; Stiglitz J.E., 2016].

Однако для конструктивного социального развития требуется не только осознать себя источни-

ком активности на уровне всего общества. Не менее востребованными оказываются основания для выбора направления генерируемой волевой активности. Такими основаниями выступают ценности. *В истории человечества известна только одна группа ценностей, способная на долгосрочной основе структурировать активность в конструктивном для всего общества направлении — это гуманистические ценности.* Это ценности жизни и свободы человека в максимальной гармонии с другими людьми и окружающей природной средой. Поэтому рассмотрим подробнее современный контекст взаимодействия субъектов инновационного развития общества и роль гуманистических ценностей в их самоидентификации.

Современный контекст взаимодействия субъектов инновационного развития общества

Главной характеристикой современного контекста взаимодействия субъектов инновационного развития общества является социальная разобщенность. Инновационное развитие общества не является консолидированным процессом и не может быть таковым в условиях навязанной капиталистическим форматом конкурентной вражды между различными общностями за более выгодные условия выживания.

Институт *власти* (когда работает как система подавления воли личности, см., напр., труды Дж. Агамбена) и *институт ростовщических денежных отношений* (как система «обескровливания» общностей, см., напр., труды В.Ю. Катонова) работают как единая структура, поддерживающая паразитические функции социального эгоизма меньшинства. То есть институты власти и ростовщичества действуют как система тотальной эксплуатации населения планеты [Лёвкин В.Е., 2015]. Л.Н. Толстой ещё в 1900 г., в статье «Рабство нашего времени», указывая на новую, *денежную форму рабства*, писал: «Рабство рабочих нашего времени только начинает сознаваться передовыми людьми нашего общества; большинство же еще вполне уверено, что среди нас нет никакого рабства» [Толстой Л.Н., 2006, с. 169].

В современной культуре основные ресурсы используются в маниакально алчных, антигуманных и катастрофически недальновидных (безответственных) интересах финансово-промышленной элиты, всё более концентрирующейся и всё более полно срастающейся с политической властью [Агамбен Дж., 2011; Vitali S. et al., 2011].

Таким образом, *структура общества современности* (в виде указанных социальных институтов и соответствующих социальных соглашений) не только не способствует внедрению *социально значимых инноваций* (т.е. инноваций, повышающих ценность и качество человеческих жизней), но и находится в состоянии *структурного и ценностного* конфликта со всеми, кто пытается внедрять такие инновации. Структурный конфликт выражается в том, что современные социальные институты и соглашения работают на цели концентрации власти и капитала, соответственно автоматически препятствуя любым процессам децентрализации и обретения людьми свободы от эксплуатации человека человеком, свободы, как говорится, жить по-людски — без войн и нужды. Ценностный же конфликт выражается в том, что для значительной части населения планеты (включая элиту) в силу психической незрелости (не преодоленного эгоцентризма) ценности прибыли и гедонизма оказываются ведущими в организации мыслей и практической преобразующей деятельности, затмевающими ценности формируемого (что отражено в содержании официальных целей ООН) гуманного общества и, соответственно, долгосрочной жизнеспособности общества.

В контексте инновационного развития сотрудничество изобретателей и предпринимателей в настоящее время осуществляется чаще всего с помощью специальных посредников — технопарков, венчурных фондов, научно-технических центров, краудфандинговых площадок и т.д. Прямое сотрудничество изобретателей с инвесторами и предпринимателями встречается крайне редко — если нет личного контакта, то изобретение становится интересным инвестору только уже на стадии его коммерциализации, когда инвестор несет минимальные риски, а изобретатель уже понес основные расходы на создание действующего образца.

Финансовая и другая государственная поддержка изобретателей осуществляется в основном через «распределительные системы» (в том числе грантовые фонды), через призму актуальных для государственной политики критериев оценки предлагаемых инноваций (в настоящее время главным критерием остаётся способность инновации поддерживать хрематистический рост).

Сущность конфликта между структурой действующих социальных отношений и характеристиками образа (целей) гуманного общества

Аспект конфликта	Современное общество финансового капитализма	Формируемое гуманное общество
Доминирующие ценности	<i>Прибыль</i> , гедонизм, превосходство над другими	<i>Жизнь</i> и свобода человека в максимальной гармонии с другими людьми и окружающей средой
Доминирующие цели	<i>Концентрация власти</i> и капитала	<i>Устойчивое изобилие</i> , долгосрочная жизнеспособность всего общества
Доминирующий тип отношения к ресурсам	<i>Институт частной собственности</i> (в т.ч. патентная система) — как соглашение считать приемлемым право накапливать (и удерживать от использования другими) энергию (в виде любого рода ресурсов)	<i>Институт общественного достояния</i> — как соглашение считать приемлемым использование всех ресурсов Земли ради общего блага человечества
Доминирующий метод управления ресурсами	<i>Институт денежных отношений</i> — как соглашение считать приемлемым право обменивать реальные ресурсы (пищу, воду, жильё, средства производства благ и т.д.) на условные знаки стоимости (деньги). В формате ростовщической банковской системы денежные отношения стали системой производства денег «из ничего», т.е. превратились в систему захвата и концентрации в руках финансовой элиты реальных ресурсов в обмен на вымышленные (фиктивные) деньги	<i>Институт эффективной постоянно совершенствуемой автоматизированной логистики</i> (обеспечивающий своевременное производство и рациональное распределение ресурсов)
Доминирующее отношение к возможностям бытия других людей	<i>Институт власти</i> — как соглашение считать приемлемым право какой-либо личности (или группы) распоряжаться ресурсами и подавлять личность (легитимно ограничивать возможности бытия) других людей	<i>Институт взаимопомощи</i> — как соглашение считать приемлемым общественное самоуправление, принятие ответственности за общее благосостояние и за возможности бытия каждого человека на планете
Доминирующий тип межличностных и межгрупповых отношений	<i>Конкуренция</i> — как тип антагонистических отношений, характеризующихся борьбой за ограниченные ресурсы, стяжательством преимуществ и наиболее благоприятных условий бытия, в ущерб другим (конкурентам)	<i>Сотрудничество</i> — как тип кооперативных отношений, характеризующихся совместной согласованной деятельностью, взаимопомощью в обеспечении необходимыми ресурсами и достижении общих целей бытия
Доминирующий характер социальных отношений	<i>Разобщенность</i> — как свойство общности, состоящее в стремлении участников к достижению частных, не взаимосогласованных и, часто, взаимоисключающих целей. <i>Расточительность</i> — как свойство хозяйственной деятельности общности, характеризующееся достижением полезных эффектов посредством трат избыточного (для текущего уровня технологий) объема ресурсов. <i>Антигуманность</i> — как свойство устройства общности, в которой ценности прибыли и власти доминируют над ценностями жизни и здоровья всех людей (в максимальной гармонии человека с природой и другими людьми)	<i>Кооперативность</i> — как свойство общности, характеризующееся объединением усилий участников для достижения общих целей. <i>Экономичность</i> — как свойство хозяйственной деятельности общности, характеризующееся достижением полезных эффектов посредством трат минимального или оптимального (для текущего уровня технологий) объема ресурсов. <i>Гуманность</i> — как свойство устройства общности, в которой ценности жизни и здоровья всех людей (в максимальной гармонии человека с природой и другими людьми) доминируют над ценностями прибыли и власти
Доминирующая роль изобретателей	<i>Вынужденное обслуживание</i> существующей разобщающей системы	<i>Ресурсное обеспечение</i> задач технологического развития всего общества

Гуманистические ценности как исходная точка самоидентификации субъекта общественного развития

Гармонизировать состояние совместного бытия всех субъектов инновационного развития общества возможно при двух основных условиях:

– соответствие гуманистических целей и ценностей общества в социально-экономической системе, работающей на принципах сотрудничества (а не конкурентной вражды);

– само общество (а не власть, бизнес или финансовая элита) является не только объектом своего инновационного развития, но и субъектом.

В действительности все большее число изобретателей работают над созданием этих условий, даже несмотря на то, что на изобретателей, открыто ставящих гуманистические цели, утверждающих необходимость решения фундаментальных научных и социально-экономических проблем (поиска доступного и дешевого электричества, средств передвижения, лекарств и т.д.), зачастую навешивают ярлык эксцентричных и наивных чудаков, они отторгаются существующей хрематистической системой («а где здесь прибыль?»), их открытия обесцениваются или вовсе рассматриваются как угроза экономическому росту.

Последствия развития общества в формате финансового капитализма становятся все более разрушительными, на что указывают обострившиеся экологические проблемы, недоверие к политическим институтам, официальным (ориентированным на прибыль) медицине, образованию и даже науке, распространение физических и информационных войн, беспрецедентное в истории человечества социальное неравенство. В таких условиях резко повышается значение взаимного горизонтального сотрудничества организаций как сообществ людей с гуманистическими ценностями.

Для реализации на практике гуманистического подхода к инновационному развитию организаций и общества в целом необходимо создавать эффективные механизмы прямого сотрудничества организаций и инвесторов (в роли которых могут выступать все люди) с изобретателями в целях поддержки полезных и общественно значимых изобретений и их непосредственного внедрения.

Самоидентификация изобретателя

Изобретатель (с его целями, мотивами, выбором решаемых проблем и способов их решения), как и любой человек, в большей или меньшей степени подвержен влиянию современной для него культуры. Если изобретатель идентифицирует себя как личность со свободной волей и разумом, мыслит логически и стратегично и при этом опирается на гуманистические ценности, то он периодически выходит за рамки «навязанных коммуникаций» текущего культурного контекста и поэтому способен определить фундаментальные причины значимых общественных проблем, решение которых становится предметом его исследований и изобретений. Однако такие изобретатели встречают как мощную поддержку со стороны прогрессивно мыслящих людей, так и ещё большее сопротивление со стороны различных элитных кругов, склонных к консервации существующего общественного порядка и социально-экономического устройства общества ради сохранения своего финансового и политического статуса.

В целях усиления конструктивной формирующей инновационной деятельности, необходимой для перехода общества на путь прогрессивного и гармоничного развития, таким изобретателям логично предложить следующий ряд задач:

1. Распространять информацию о социально значимых изобретениях через ассоциации и сообщества (в т.ч. через самые популярные социальные сети).

2. С помощью независимых признанных экспертов, посредством публикации видео с открытыми демонстрациями (выставок, конференций, фестивалей и т.д.) доказывать работоспособность и полезность своих изобретений, повышая тем самым доверие к ним.

3. Для целей сбора средств на создание рабочих моделей и дальнейшее развитие изобретения переориентироваться с поиска основного инвестора-бенефициара на технологии распределенных краудфандинговых ICO-технологий, подключающих к инвестированию широкие слои населения и обеспечивающих как сбор необходимых ресурсов при минимальных объемах рисков для отдельных инвесторов, так и эффективную дальнейшую социализацию изобретения, собственно создание инновации. Пример эффективного использования ICO-технологий привлечения

финансирования показал известный фермер М. Шляпников, за один месяц собравший для развития своего сельскохозяйственного производства 500 тыс. долларов¹.

4. Вместо стратегии получения дохода с патента (от продажи лицензий) переориентироваться на стратегию получения дохода от результатов внедрения изобретения в конкретных производствах, применяя варианты «открытой лицензии»².

Самоидентификация инвестора

Если инвесторы, предприниматели самоидентифицируются не как функции и роли сегодняшней культуры, а как *авторы* поступков, активно влияющие на формирование нового типа культуры, способствующие прогрессивному инновационному развитию гуманного общества, то они уже сейчас:

1. Рассматривают социально-экономическую значимость изобретения (т.е. способность изобретения повышать ценность и качество человеческих жизней, всего общества в долгосрочной перспективе) в качестве основного показателя эффективности изобретения.

2. Расширяют формы доверительного, основанного на общих гуманистических ценностях, сотрудничества с изобретателями.

3. Ориентированы на доход от результатов применения открытых лицензий и от производительной деятельности с участием изобретателей, а не на доход от покупки патента или от другого участия в правах на изобретение.

Самоидентификация человека, общества

Фундаментальной основой поддержания существующей социально-экономической системы и организации общества является не человек-творец, а человек-функция [Фуко М., 2008] или «место» [Павлов А.В., 2014], человек-потребитель [Бодрийяр Ж., 2006]. Соответственно, существующие тенденции в системе образования, в сфере массовой культуры направлены на воспитание «квалифицированного потребителя» [Ильин А.А., 2014], «зомби» [Жиру А., 2015], «биоро-

ботов» с подавленной волей и активностью [Базарный В.Ф., 2015]. С другой стороны, «постмодерн оказывается человеческим противопоставлением себя культуре и цивилизации, открытием мнимости и иллюзорности собственного бытия в качестве нарративного, функционального человека» [Павлов А.В., 2017, с. 164], что делает потенциально доступными возможности реальных перемен в структуре социальных отношений, а не только возможности опубликования новых мыслей о жизни.

Если человек идентифицирует себя как творец, «автор» [Павлов А.В., 2014], что предполагает и осознание оперативных, тактических, стратегических последствий и всей степени ответственности за свои творения (слова, действия, продукты творчества), то общество может быть идентифицировано как сотрудничество «авторов» на базе общих гуманистических ценностей. Первым и необходимым результатом такого сотрудничества может и, на наш взгляд, должен стать *социальный заказ на новую цивилизацию* [Вылегжанина А.О., 2015].

Главным субъектом инновационного развития гуманного общества может быть только само общество, частью которого являются также и изобретатели, и предприниматели. С этой точки зрения границы между данными субъектами довольно условны. Отдельная свободная творческая личность — это всегда и часть социального организма как целого.

Заключение

Для инновационного развития всего общества (а не отдельных кланов) критически значимым оказывается содержание самоидентификации людей, в первую очередь — личностей, способных задействовать какие-либо значительные ресурсы. Содержание самоидентификации — это то, с чем человек себя отождествляет, кем себя ощущает, что считает «местом» своего бытия, как относится к другим, что считает приемлемым, а что не приемлемым.

В завершение предложим ряд установок, глубокое осмысление которых, по нашему убеждению, способно стимулировать процессы формирования адекватной самоидентичности (сформулируем их в форме я-высказываний):

- *Я существую. И я обладаю свободной волей. Я не биоробот и не социальный зомби. Я обладаю критическим мышлением. В частности, я не обязан делать всё, что приносит мне удовольствие. В выборе дей-*

¹ Подмосковная ферма собрала полмиллиона долларов на блокчейне. URL: <https://daily.afisha.ru/news/7905-podmoskovnaya-ferma-sobrala-polmilliona-dollarov-na-blokcheyne/>

² Виды открытых лицензий международного уровня детально проработаны в отношении программных продуктов – класс лицензий open source, например, лицензии: GPL, LGPL, MPL и мн.др.

ствий я могу опираться на смыслы, а не на спонтанно возникающие желания.

- Я живу на планете Земля, которая летит в открытом космосе вокруг Солнца с орбитальной скоростью свыше 107 тыс. км/ч и вместе со всей Солнечной системой ещё со скоростью более 800 тыс. км/ч вокруг центра галактики, которая также не стоит на месте... Земля — мой дом и моя родина. Я считаю правильным заботиться о всей Земле.
- Я, как и другие люди, прежде всего субъект, а не объект чьих-либо манипуляций, я человек, а не «человеческий ресурс» и тем более не «человеческий капитал», я живое творящее существо, а не разменная монета.
- Я родился в антигуманных социальных отношениях (при которых человечеством производится вдвое больше, чем нужно, но каждый восьмой на планете голодает, а войны не прекращаются), однако я могу осмыслить устройство общества критически и могу участвовать в проектировании и созидании новых, значительно более гуманных социальных отношений.
- Я уверен, что жизнь, здоровье и развитие человека важнее прибыли.
- Я знаю, что любая инновация ценна в той степени, в какой повышает ценность и качество жизни людей в максимально возможной гармонии человечества с природной средой.
- Я знаю, что для развития общества требуется сотрудничество, а не конкуренция.
- Я знаю, что эгоизм (осознанное игнорирование потребностей других людей) не может быть разумным (если под разумом понимать способность мыслить непротиворечиво логически, опираясь на гуманистические ценности).
- Я уверен в том, что наука обязана служить обществу в целом, а не любопытству отдельных ученых или интересам отдельных групп влияния.
- Я верю в способность людей самосовершенствоваться, в колоссальные возможности самообразования, сотрудничества и взаимопомощи ради общего блага на планете.

Данный перечень смысловых установок не является исчерпывающим, однако он отражает со-

держание адекватной современности самоидентичности человека, обеспечивающей гуманистическую направленность инновационного развития общества. Приведенного списка достаточно, чтобы обнаружить принципиальные различия с теми смысловыми установками, которые характеризуют «культурные туннели» для самоидентификации современного человека и которые необходимо изменить, создав новые соглашения по умолчанию. Осмысление предложенных нами и подобных им смысловых установок может применяться на всех уровнях общения в качестве формирующей психотехники, помогающей личности в самоидентификации и дальнейшем самоопределении.

Список литературы

- Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
- Базарный В.Ф. Школа или конвейер биороботов. М.: Концептуал, 2015. 43 с.
- Бахтияров О.Г. Активное сознание. Архангельск: Постум, 2010. 274 с.
- Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Республика, 2006. 272 с.
- Вылегжанина А.О. Ценности гуманизма как основа современного социального заказа на новый вид социальной идентичности // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 205–219.
- Греф О.Г. Выход из управленческого тупика: мудрость толпы или авторитарный гений? / Международный экономический форум 2012. 2012. Цит. фрагмент: 22:31–22:48. URL: <https://youtu.be/RAVgXkL3GqE> (дата обращения: 14.08.2017).
- Жиру А. Зомби-политика и культура в эпоху казино-капитализма. М.: Гуманитарный центр, 2015. 284 с.
- Ильин А.А. Квалифицированный потребитель — цель системы образования? // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 4(6). С. 49–57.
- Катасонов В.Ю. От рабства к рабству. М.: Кислород, 2014. 448 с.
- Лёвкин В.Е. Современная социальная система как контекст психологического заказа // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 114–138.
- Павлов А.В. Автор и человек: индивидуальность как предмет гуманитарного исследования // Социум и власть. 2014. № 1(45). С. 106–115.
- Павлов А.В. Философия современности и межвременья. Тюмень: ИД «Титул», 2017. 280 с.
- Толстой Л.Н. Рабство нашего времени // Полн. соб. соч. Т. 34: Произведения 1900–1903 гг. М.: Рос.

гос. библиотека, 2006. С. 144–199.

Фуко М. Дискурс и истина // Логос. 2008. № 2(65). С. 159–262.

Stiglitz J.E. The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2016. 464 p.

Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. The network of global corporate control // PLoS ONE. 2011. № 10(6). URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0025995> (accessed: 14.08.2017). DOI:10.1371/journal.pone.0025995.

Получено 17.09.2017

References

Agamben Jh. (2011). *Homo sacer. Chrezvychaynoe polozenie* [Homo sacer. State of emergency]. Moscow, Evropa Publ., 148 p. (In Russian).

Bahtijarov O.G. (2010). *Aktivnoe soznanie* [Active consciousness]. Arhangelsk, Postum Publ., 274 p. (In Russian).

Baudrillard J. (2006). *Obshchestvo potrebleniya* [The consumer society]. Moscow, Respublika Publ., 272 p. (In Russian).

Bazarnyj V.F. (2015). *Shkola ili konveyer biorobotov* [School or conveyor of biorobots]. Moscow, Konceptual Publ., 43 p. (In Russian).

Foucault M. (2008). *Diskurs i istina* [Discourse and truth]. *Logos*. No. 2(65), pp. 159–262. (In Russian).

Gref O.G. (2012). *Vyход iz upravlencheskogo tupika: mudrost' tolpy ili avtoritarnyy geniy?* [Exit from the management deadlock]. *Mezhdunarodnyy ekonomicheskij forum 2012* [International economic forum 2012]. Quot. fragment: 22:31–22:48. Available at: <https://youtu.be/RABgXkL3GqE> (accessed 14.08.2017). (In Russian).

Il'in A.A. (2014). *Kvalificirovanny potrebitel' — tsel' sistemy obrazovaniya?* [Qualified consumer—the purpose of the education system?]. *Filosofiya i gumanitarnyye nauki v informatsionnom obshchestve* [Philosophy and Humanities in Information Society]. No. 4(6), pp. 49–57. (In Russian).

Katasonov V.Ju. (2014). *Ot rabstva k rabstvu* [From slavery to slavery]. Moskva, Kislrod Publ., 448 p. (In Russian).

Lyovkin V.E. (2015). *Sovremennaya social'naya sistema kak kontekst psikhologicheskogo zakaza* [Modern social system as a context of psychological order]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy about world and human]. No. 6, pp. 114–138. (In Russian).

Pavlov A.V. (2017). *Filosofiya sovremennosti i mezhvremen'ya* [Philosophy of modernity and intertemporality]. Tyumen, Titul Publ., 280 p. (In Russian).

Pavlov A.V. (2014). *Avtor i chelovek: individual'nost' kak predmet gumanitarnogo issledovaniya* [Author and human: individuality as a subject of humanitarian research]. *Socium i vlast'* [Socium and power]. No. 1(45), pp. 106–115. (In Russian).

Stiglitz J.E. (2016). *The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do About Them*. New-York, W.W. Norton & Company, 464 p. (In English).

Tolstoy L.N. (2006). *Rabstvo nashego vremeni* [Slavery of our times]. *Polnoe sobranie sochocheniy T. 34: Proizvedeniya 1900–1903 gg.* [Full collection of works. Vol. 34: Works 1900–1903]. Moscow, Rossijskaja gosudarstvennaja biblioteka Publ., pp. 144–199. (In Russian).

Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. (2011). The network of global corporate control. *PLoS ONE*. No. 10(6). Available at: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0025995> (accessed 14.08.2017). DOI: 10.1371/journal.pone.0025995. (In English).

Vylegzhanina A.O. (2015). *Cennosti gumanizma kak osnova sovremennogo social'nogo zakaza na novyy vid social'noy identichnosti* [Humane values as a base of modern social order for new type of civilization identity]. *Kul'tura i civilizatsiya* [Culture and civilization]. No. 6, pp. 205–219. (In Russian).

Zhiru A. (2015). *Zombi-politika i kul'tura v epokhu kazino-kapitalizma* [Zombi politics and culture in era of casino-capitalism]. Moscow, Humanitarian center Publ., 284 p. (In Russian).

Received 17.09.2017

Об авторах

Лёвкина Анастасия Олеговна

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры математических методов,
информационных технологий
и систем управления в экономике

Тюменский государственный университет,
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6;
e-mail: a.o.vylegzhanina@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-9938-5822

Лёвкин Вадим Евгеньевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры общей и социальной психологии

Тюменский государственный университет,
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6;
e-mail: orgpsiholog@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5056-9946

About the authors

Anastasia O. Lyovkina

Ph.D. in Economics, Docent,
Associate Professor of the Department
of Math Methods, Information Technologies
and Management Systems in Economy

University of Tyumen,
6, Volodarskiy str., Tyumen, 625003, Russia;
e-mail: a.o.vylegzhanina@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-9938-5822

Vadim E. Lyovkin

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of General and Social Psychology

University of Tyumen,
6, Volodarskiy str., Tyumen, 625003, Russia;
e-mail: orgpsiholog@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5056-9946

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лёвкина А.О., Лёвкин В.Е. Роль гуманистических ценностей в самоидентификации субъектов инновационного развития общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 16–25. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-16-25

For citation:

Lyovkina A.O., Lyovkin V.E. The role of humanistic values in self-identification of the actors of innovation development in society // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 16–25. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-16-25

УДК 115:130.121

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-26-35

**TEMPUS (NON) FUGIT. О РАЗЛИЧИИ ПОДХОДОВ К РЕШЕНИЮ
ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ
ФИЛОСОФИИ (НА ПРИМЕРЕ Ж.-Ф. ЛИОТАРА)
И В ФИЛОСОФИИ ПРОЦЕССА А.Н. УАЙТХЕДА**

Цырлина Яна Эдуардовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Мышкин Олег Степанович

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

В статье предпринимается попытка обнаружить основания затруднений, связанных с анализом темпоральности, которые стали одним из лейтмотивов западной мысли начиная с Августина Аврелия и остаются таковыми в современной континентальной философии. С опорой на постфеноменологическое описание невозможности представления и тематизации времени как абсолютного настоящего, предложенное Ж.-Ф. Лиотаром, а также на эвристические возможности философии процесса А.Н. Уайтхеда делается попытка выявить исторические корни таких затруднений. Схема описания темпоральности, предложенная английским мыслителем в таких работах, как «Процесс и реальность» и «Приключение идей», и в дальнейшем разработанная в трудах комментаторов его творчества, например, К. Робинсона, С. Шавиро, Л. Форда и И. Стенгерс, критически накладывается на категориальный аппарат современной континентальной философии. В результате в контексте критики Уайтхедом традиционных естественно-научных (ньютоновских) представлений о времени как «ошибки простой локализации», а также раскрытия им значения типичных заблуждений, имевших место в процессе конструирования различных онтологических систем в целом (например, так называемой «ошибки подмены конкретного»), и при истолковании временности в частности, выявляется проблема недостаточности категориального аппарата современной континентальной философии, преимущественно ориентированного на последовательное решение задач, связанных с особенностями функционирования сознания, для целей несубъективного истолкования временности. В частности, проводится оценка последствий деконструкции категории субъекта, а также десубстанциализации физической реальности в феноменологической (Ф. Brentano и Э. Гуссерль) и постфеноменологической (Ж.-Ф. Лиотар) философии. Предлагается модель времени, разработанная Уайтхедом в рамках его предприятия по конструированию философии в форме «логичной, когерентной схемы общих идей». В итоге уайтхедовская модель времени, опирающаяся на анализ осмысления времени в классической современной онтологии и естественных науках, предлагается в качестве альтернативного онтологического основания для анализа проблем темпоральности.

Ключевые слова: время, Августин, феноменология, философия процесса, сущность и субстанция, актуальные сущности, схватывание, опыт.

TEMPUS (NON) FUGIT. DIFFERENT APPROACHES TO THE PROBLEM
OF TIME IN MODERN CONTINENTAL PHILOSOPHY
(BY THE EXAMPLE OF J.-F. LYOTARD)
AND IN WHITEHEAD'S PROCESS PHILOSOPHY

Yana E. Tsyrlina

Perm State University

Oleg S. Myshkin

Perm National Research Polytechnical University

The article attempts to discover some reasons for difficulties related to the analysis of temporality which became one of the main themes of Western philosophy in the times of Augustin Aurelius and remain to be that in modern Continental philosophy. The attempt to reveal the historical roots of those difficulties is made based on postphenomenological description of inability to represent and thematize time as «the absolute present» proposed by J.-F. Lyotard and also on the heuristic possibilities of A.N. Whitehead's process philosophy. The scheme of description of time proposed by Whitehead in such works as «Process and Reality» and «Adventure of Ideas» and then developed by such his followers and commentators as K. Robinson, S. Shaviro, L.S. Ford and I. Stengers is superimposed on the categorial apparatus of modern Continental philosophy. As a result, the inadequacy of its categorial apparatus for interpretation of time has been revealed in the context of Whitehead's critique of traditional (Newtonian) scientific notions of time as the «mistake of simple location», and his critique of more typical misconceptions that took their place in the process of construction of different ontological systems (for example «the fallacy of misplaced concreteness»). Because Continental philosophy is focused on a consistent solution of problems associated with the features of the functioning of consciousness, it became unable to achieve the goal of non-subjective interpretation of temporality. In particular, we analyze the result of the subject's deconstruction and of desubstantialisation of reality (object, or things in themselves) in phenomenological and post-phenomenological tradition. Then we shortly illustrate Whitehead's model of time based upon reinterpretation of the notion of time in Classical Modern ontology and physical science, which is suggested as an alternative for the analysis of the problems of temporality.

Keywords: temporality, phenomenology, modern ontology, essence, substance, subject, actual entities, prehension, experience.

Мои представления о времени — в частности, моя способность проводить грань между последовательным и одновременным — казались отчасти нарушенными; у меня иногда появлялись химерические идеи о возможности, живя в каком-то конкретном временном промежутке, перемещать при этом свое сознание в пределах вечности с целью непосредственного изучения как прошлых, так и будущих веков.

*Г.Ф. Лавкрафт.
За гранью времен*

Поистине время предоставляло благодатную почву для философских рассуждений на протяжении многих веков. Среди создателей значительных систем метафизики, пожалуй, сложно найти таких, кто в той или иной мере не уделял бы внимания проблеме времени и пространства. Но даже сегодня, пытаясь установить значение термина «вре-

мя» и дать описание того, что под ним скрывается, мы зачастую оказываемся в ситуации, которая в свое время ставила в тупик Блаженного Августина. В «Исповеди» он пишет о времени: «Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю» [Блаженный Августин, 2013, с. 183]. Препятствуют ли объяснению времени только сложности, связанные с ограниченностью наших познавательных способностей? Нельзя ли истолковать этот, по-видимому, непреодолимый недостаток нашей познавательной способности в неожиданном, позитивном духе? Возможно, сама неполнота и частичность всякого определения времени человеческими существами, тщетность всех попыток окончательного установления онтологического статуса времени может быть понята как указание на ключевое свойство времени. Приведенное выше высказывание Августина может быть связано с проблемой экспозиции времени в истории западной философии. Анализируя

время как представление в работе «Спор» (Le Différend), Ж.-Ф. Лиотар пишет о формальной невозможности любой тематизации времени, указывая на более аллюзивное и нелинейное его понимание. В «Исповеди Августина» (Confession d'Augustin), «Споре» и других текстах, как он утверждает, *фраза* «представляет» универсум сейчас, абсолютно сейчас, в событии представления, которое конституционально избегает представления об универсуме как представленном. Время может быть представлено в виде различных временных меток и отношений (например, число и время-именование) в универсуме, но событие представления само может только быть представлено лишь в последующей *фразе*, которая принимает в качестве своего референта событие представления «первой» *фразы*. Последующая *фраза* сама по себе всегда включает в себя представление, которое она не может представить, и так далее. Этот аргумент дан в начале главы «Время сегодня» книги «Нечеловеческое» (L'Inhumain), где Лиотар пишет: «В качестве события каждая фраза — это “сейчас”. Она представляет сейчас, значение, суждение, отправителя и адресата. Что касается представления, то мы должны представлять время возникновения как — и только как — настоящее. Это настоящее невозможно уловить как таковое, оно абсолютно. Его нельзя непосредственно синтезировать с другим настоящим. Другое настоящее, с которым оно может находиться в связи, обязательно и сразу же изменяется в представленном представлении, т.е. в прошлом. Когда время представления смазывается и мы приходим к выводу, что “каждая” фраза появляется в каждое время, мы упускаем неизбежное преобразование настоящего в прошлое, мы размещаем моменты вместе на одной диахронической линии... Поскольку оно абсолютно, представить настоящее невозможно: его еще нет или уже нет. Всегда рано или поздно схватывается и представляется само представление. Такова специфическая и парадоксальная конституция события... Событие делает Я неспособным овладеть и контролировать то, чем оно является. Это свидетельствует о том, что Я по существу нечувствительно к повторяющейся инаковости» [Lyotard J.-F., 1991, p. 58–59].

Таким образом, Лиотар не предлагает тематизацию времени, но указывает на то, что время должно частично уклоняться от какого-либо определения. Событие или случай представления по существу будут строго непредставимы (они не являются чем-то «по существу»). Именно поэтому в «Споре» Лиотар может обоснованно утверждать, что его упорствование в «сейчас» («абсо-

лютном» сейчас, еще не привязанном к чему-то и не размещенном где-то) как времени события не будет возрождением «метафизики присутствия» [Lyotard J.-F., 1983, p. 114]. Он ставит перед философами парадоксальную задачу: представить, что есть непредставимое представление «себя», дающее ресурс для неизбежно неудачных попыток представить его в своей непредставимости, или, если быть более оптимистичными, «свидетельствовать» об этом непредставимом. Это «свидетельство» становится задачей (практически в кантианском смысле) философов, а также писателей и художников.

И все же сама по себе эта задача не нова. Попытки решить ее или, по меньшей мере, наметить определенные подходы к ее решению имели место в истории философии множество раз. Возможно, тот факт, что истолкование времени и сегодня остается одной из главных философских проблем, указывает на необходимость предварительного рассмотрения самого способа, каким мы ставим вопрос о времени, его критической оценки и модификации. Этот вопрос о методе, или вопрос о «как» нашего обращения ко времени и нашего обращения с временем, отнюдь не является вторичным, производным или всего лишь «техническим». Как замечает один из наиболее выдающихся философов первой половины XX в. А.Н. Уайтхед, при решении философских задач ошибки чаще всего обнаруживаются не в самом логическом ходе их решения, но в его неверно заданных предпосылках. Одной из двух главных ошибок, допускаемых при построении философских систем, согласно Уайтхеду, является попытка «догматически» представить их так, будто их основание само по себе является ясным и отчетливым, или самоочевидным, притом не слишком заботясь о предварительном согласовании базовых терминов, используемых для интерпретации тех или иных феноменов: «Философию, к несчастью, преследовало мнение, будто ее метод должен догматически указывать на предпосылки, которые соответственно ясны, отчетливы и очевидны, а затем возводит на этих предпосылках дедуктивную систему мышления. Но точное выражение окончательных всеобщностей есть цель дискуссии, а не ее источник» [Уайтхед А., 1990, с. 279]. Тогда как ускользание времени от всякого представления, наличие несхватываемого в представлении остатка в действительности может быть отнесено на счет несовершенства методов описания темпоральной проблематики, в большинстве направлений континентальной философии его длительное время мистифицировали и в конечном итоге превратили в

«Священный Грааль» метафизиков. Лиотар совершенно верно замечает, что «свидетельство» о наличии такого остатка должно стать задачей философии в кантовском смысле этого слова, однако вызывает закономерное удивление именно *несвоевременность* его замечания. Голоса тех мыслителей, которые не только критически отзывались о способе построения философии, при котором такие общие понятия, как «бытие», «сущность», «явление», столетиями переходили из одной философской доктрины в другую, заимствуясь без удовлетворительного критического анализа, и необоснованно наделялись ценностью в квазирелигиозном духе, но и предлагали собственные философские альтернативы существующей традиции, не были восприняты с надлежащей серьезностью.

Еще одна ошибка, о которой необходимо упомянуть в связи с затруднениями, вставшими перед континентальной философией при экспликации смысла времени, это так называемая «ошибка подмены конкретного». Согласно Уайтхеду, ее суть заключается в «игнорировании той степени абстрагирования, которая возникает при рассмотрении актуальной сущности, демонстрирующей определенные категории мышления. Есть такие аспекты актуальностей, которые просто игнорируются, пока мы ограничиваем мышление данными категориями. Так что успех философии следует измерять ее сравнительной способностью избегать той ошибки, когда мышление ограничивается только своими категориями» [Уайтхед А., 1990, с. 279]. Возможно, наибольшие сложности в аспекте рассматриваемой нами проблемы вызвала неверная интерпретации категории «сущность» (οὐσία). Испанский философ Х. Субири пишет:

«Латинское слово essentia — это ученый термин: абстрактное существительное от предполагаемого причастия настоящего времени essens (суций) глагола esse (быть). Следовательно, морфологически он представляет собой точный аналог греческого οὐσία, которое, в свою очередь (во всяком случае, так его воспринимали греки), является абстрактным существительным от причастия настоящего времени женского рода οὐσα глагола εἶναι (быть). Эта аналогия могла бы навести на мысль, что οὐσία означала “сущность”. Но это не так. В обиходном языке греческое слово чрезвычайно богато смыслами и смысловыми оттенками, и все они употребляются у Аристотеля. Но когда философ использовал это слово как технический термин, оно обозначало не сущность, а субстанцию. Напротив, то, что передается латинским словом, есть термин

ὑποκείμενον: то, что “стоит-под”, служит “под-ставкой” для приводящих признаков (συμβεβηκότα). <...> для самого Аристотеля οὐσία, субстанция, — это прежде всего и главным образом (μάλιστα) субъект, ὑποκείμενον, substans. Напротив, “сущность” соответствует скорее тому, что Аристотель называл τὸ τί ἦν εἶναι, а латиняне — quidditas: “то, что” представляет собой οὐσία, субстанция. Для Аристотеля реальность радикальным образом есть субстанция, а сущность — ее момент. Стало быть, сущность — это всегда и только сущность субстанции» [Субири Х., 2009, с. 5–6].

Будучи одним из ярчайших примеров «ошибки подмены конкретного», путаница с категориями «сущность» и «субстанция» в конечном итоге привела сначала к полной десубстанциализации реальности (у Brentano и вслед за ним у Husserl), затем к локализации сущности (essence) исключительно в сознании и, наконец, к превращению реального субъекта схватывания в «своего рода экзистенциальный порыв», а сущности — в нечто такое, что реализуется только в «чисто случайной исторической форме» [Субири Х., 2009, с. 7]. После такой подмены несладко пришлось равно и актуальной реальности, и схватываемой в абстракции потенциальности (вечным объектам или, если выразиться более традиционно, универсалиям), и самой метафизике, которая добровольно и последовательно лишила себя сначала действительного предмета своей работы (реальности), затем медиума (сущности как того, что располагается «между» самой реальностью, будучи реализованной в вещах, и мышлением, будучи «тем, о чем» мыслится) и, наконец, вследствие размывания содержания и последующей деконструкции категории субъекта — точки приложения своих сил. «Конец метафизики», о котором сожалеют представители континентальной философии, как выяснилось, был вызван самими континентальными метафизиками. Стремясь реализовать в своем творчестве лозунг «Zu den sachen selbst!», они парадоксальным образом забыли о вещах как таковых. Как пишет современный американский исследователь творчества Уайтхеда и Делёза Кейт Робинсон, «от Айера и Карнапа до Хайдеггера и Деррида “конец метафизики” был, как минимум, одним из главных вопросов “модернистской” философии и, пожалуй, вопросом (the question) философии двадцатого века на обеих сторонах профессионального водораздела, информируя вопросы языка, темпоральности и другие темы» [Robinson K., 2009, p. 128]. Но было ли надделение вопроса о конце западной

метафизики такой беспрецедентной значимостью действительно необходимым и единственно возможным исходом? В самом ли деле в определенный момент, локализованный где-то в промежутке между концом XIX и началом XX в., связь времен вдруг раз и навсегда распалась? И, главное, что произошло с самими вещами? Утратили ли они свою временность, или историчность, после того как философы «лишили» их подлинной реальности, превратив всего лишь в видимость и отобрав у них статус субстанций? Словом, мог ли исторический ход западной мысли быть иным?

Вероятно, альтернатива «конца метафизики» все же имела место быть. По словам современного исследователя творчества Уайтхеда С. Шавиро, в то время как различные представители континентальной философии от Хайдеггера до Витгенштейна каждый по-своему искали выход из метафизики, Альфред Норт Уайтхед «отнюдь не пытался вернуться во времена до метафизики или выпрыгнуть за ее пределы... он просто *делал* метафизику своим собственным способом, изобретая свои категории и работая над своими проблемами, что гораздо более радикально» [Shaviro S., 2009, p. ix]. В противовес тотальной *деконструкции*, развернувшейся на всем пространстве континентальной философской мысли, Уайтхед разрабатывал свой *конструктивистский* проект, предполагавший, в частности, пересмотр содержания и расширение объема понятия субъекта, отказ от кантовского раскола между реальностью и видимостью и весьма оригинальное решение многих задач, входящих в сферу проблематики темпоральности. О некоторых аспектах его взгляда на проблему времени мы расскажем чуть позже. Кроме того, философия процесса Уайтхеда не была единственным предприятием, способным предоставить возможность избежать кризиса, постигшего западную философию в конце XIX – первой половине XX столетия. Сам Уайтхед в определенной мере признает своим предшественником французского философа А. Бергсона, протестовавшего против ньютоновского понимания времени и заложившего основы интерпретации времени в терминах «конкретной длительности» и «творчества». А что до самих вещей или, если применить термин Уайтхеда, *временных* актуальных сущностей (*temporal actual entities*), то «с ними все хорошо... Вы оплакиваете вещи, не имевшие чести быть увиденными вами? Вам представляется, что им не хватает светоча вашего сознания? Но если сегодня утром вы не увидели вольного бега зебр в саванне, тем хуже для вас: они, зебры, не станут скорбеть о вас (даже если

вы их приручали, охотились на них, фотографировали их или изучали). Вещи-в-себе не испытывают недостатка ни в чем, не более, чем Африка нуждалась в белых до того, как они туда пришли» [Латур Б., 2015, с. 258].

Но даже если мы и уверены, что с самими вещами все в порядке, то данный факт сам по себе не дает ничего для разрешения тех затруднений, на которые обращает внимание Лиотар, говоря о неизбежной бесплодности попыток представить «непредставимое представление “себя”». И все же означает ли это, что такое «непредставимое представление “себя”» в принципе не поддается дальнейшему концептуальному схватыванию и лучшее, что остается на нашу долю, — только «свидетельствовать» о его непредставимости? Возможно, сделать следующий шаг в асимптотическом приближении к еще нигде не локализованному «абсолютному сейчас» нам поможет смена философского инструментария. В таком случае необходимо подобрать лучшие инструменты, более подходящие категории, нежели «тематизация», «фраза», «представление», «событие» и «Я» (при том содержании, которым они наделяются континентальной философией и, в частности, Лиотаром). Первое заблуждение, на которое следует здесь указать и которое было замечено и скорректировано Уайтхедом, — это распространенное в современной эпистемологии «сверхинтеллектуальное предубеждение», будто всякое ментальное схватывание непременно должно иметь характер элемента рациональной (сознательной) схемы схватывания мира, каким, в частности, является представление. Как замечает вслед за Уайтхедом С. Шавиро, «схватывание не обязательно происходит в сознании и большую часть времени оно [происходит] совершенно бессознательно» [Shaviro S., 2009, p. 54; Whitehead A.N., 1933/1967, p. 176], даже если в качестве схватывающего субъекта выступает человек. В действительности даже если речь и идет о людях, такой способ схватывания реальности, как представление, является одним из крайне редких случаев среди бесконечного множества событий схватывания (*prehension*) нами мира. Тот факт, что мы не способны *представить* это «абсолютное сейчас», не означает, что мы, во-первых, полностью отрезаны от доступа к этому «абсолютному сейчас» и, во-вторых, лишены всякого способа его концептуализации. Уайтхед отрицал такую изолированность субъекта в локальной временно-пространственной точке в ходе осуществления критики современной (ньютоновской) концепции пространства и времени, характеризуя такое пред-

ставление о времени как «ошибку простой локализации»:

«Я убежден так же и в том, что, если бы мы желали достичь более полного выражения факта Природы в его конкретности, нам следовало бы начать нашу критику с того элемента данной схемы, который воплощен в понятии простого местонахождения...»

Сказать, что некоторая частица материи обладает свойством простого местонахождения, означает, что ее пространственно-временные отношения могут быть описаны как пребывание в определенной ограниченной области пространства и в течение определенного ограниченного отрезка времени без всякой существенной связи с другими областями пространства и другими временными длительностями» [Манекин Р.В., 2010; Уайтхед А., 1990, с. 114].

С его точки зрения, все актуальные сущности, включая людей, непосредственно схватывают весь универсум «здесь», в едином акте, инкорпорируя его в своем опыте.

«Осознавая телесный опыт, мы тем самым должны осознавать моменты всего пространственно-временного мира, отражающегося в жизни тела»; «в некотором смысле можно сказать, что все во все времени находится везде. Ибо всякое место включает некоторый аспект самого себя, присущий любому иному месту. <...> Вы воспринимаете вещи, находясь в некотором месте. Ваше восприятие происходит там, где находитесь вы, и оно полностью зависит от того, как функционирует ваше тело. Но это функционирование тела в некотором месте представляет вашему познанию какой-то аспект удаленного окружения, и это постепенно переходит в общее знание о том, что существуют внешние предметы. Если такое познание сообщает нам знание о трансцендентном мире, то это должно происходить потому, что жизнь тела объединяет в себе аспекты Вселенной» [Манекин Р.В., 2010; Уайтхед А., 1990, с. 114].

Кроме того, для правильного понимания позиции Уайтхеда необходимо отметить, что он решительно отрицает имевшую место в континентальной философии десубстанциализацию реальных вещей. Если следовать К. Сублири, то можно сказать, что в данном аспекте Уайтхед оказывается наиболее верным наследником Аристотеля. Категория субстанции преобразуется им в категорию «актуальной сущности» (actual entity) и первой вводится в таблицу «Категорий существования»:

(i) Актуальные сущности (а также актуальные

случаи) или конечные реальности или *res verae* [Уайтхед А.Н., 2017].

Как пишет в примечании к своему переводу второй главы «Процесса и реальности» М.В. Локосова, говоря о «*res verae*», Уайтхед имел в виду, «что актуальные сущности есть первичное, непосредственное, подлинное “существование” в самом полном смысле этого слова, за которым не существует ничего другого» [Уайтхед А.Н., 2017].

Далее Уайтхед утверждает, что поскольку именно актуальные сущности суть субстанции, то, стало быть, они наделены свойством «причинной действенности» (causal efficacy) и являются подлинными субъектами. Он производит коррекцию или пересмотр содержания категории субъекта, принятого в классической философии. Категория субъекта претерпевает у него децентрацию, но ни в коем случае не деконструкцию. Как пишет С. Шавиро, посредством введения «реформированного субъективистского принципа» Уайтхед добивается того, что любая актуальная сущность теперь может рассматриваться как субъект: «...способ, каким одна актуальная сущность определяется другими актуальными сущностями, есть “опыт” актуального мира, осуществленного данной актуальной сущностью как субъектом... Весь универсум состоит из элементов, раскрывающихся в анализе опыта субъектов» [Shaviro S., 2009, p. 77; Whitehead A.N., 1929/1978, p. 166]. Таким образом Уайтхед осуществляет радикализацию и расширение трансцендентализма И. Канта. Тогда как у последнего категория субъекта была закреплена исключительно за людьми, Уайтхед расширяет границы ее применимости на все актуальные сущности. Но что такой ход означает с точки зрения анализа темпоральности?

С одной стороны, в силу сохранения им категории субъекта Уайтхед сохраняет и субъективность времени (в том смысле, в каком говорят о его субъективности в традиции трансцендентализма), однако вместе с децентрацией категории субъекта производство времени становится уже не исключительно человеческой прерогативой, но чертой всех актуальных сущностей. Вопреки мнению, принятому в континентальной философии, темпоральностью, или «активной временностью», т.е. способностью производить время в самом своем существовании, обладают не только люди. Актуальные сущности, все подлинные субстанции мира становятся временными — активно производящими время в событии схватывания ими мира или при осуществлении ими опыта. В силу непрерывности внутреннего опыта актуаль-

ных сущностей время производится ими как непрерывная длительность, т.е. как континуальность. «Актуальная сущность возникает как [не-что] единое. <...> Это означает, что поскольку каждая актуальная сущность возникает как целое, ее становление неделимо на части. А также, что в процессе становления нет никакого “до” и “после”. Актуальные происшествия обладают своей собственной длительностью, которая целостна и неделима» [Vieira Teixeira M.T.M., 2009. p. 79]. Такую длительность Уайтхед именуется «эпохальной длительностью»; на ней основывается «индивидуальность» или «атомарность» (от др.-греч. ἄτομος — «неделимый, неразрезаемый») актуальной сущности, или актуального происшествия. Но поскольку актуальное происшествие атомарно, ему оказывается чуждо какое бы то ни было изменение. «Актуальное происшествие... никогда не изменяется, — говорил Уайтхед, — оно лишь происходит и гибнет» [Shaviro S., 2009, p. 18; Уайтхед А., 1990, с. 204]. Следовательно, будучи временным, внутренне актуальное происшествие не может быть временным.

С другой стороны, актуальные происшествия, как правило, существуют не сами по себе, но только в событии, т.е. в серии «интегральных схватываний» ими других актуальных происшествий, выступающих по отношению к ним в качестве «данности» (Datum). Согласно Уайтхеду, всякая актуальная сущность происходит из других, предшествующих актуальных сущностей. Становление актуальной сущности формирует ее бытие: то, как возникает актуальная сущность, определяет то, что есть данная актуальная сущность; она достигает бытия по мере своего становления. Актуальные сущности возникают и гибнут, а когда они гибнут, они объективируются в других актуальных сущностях. Актуальная сущность — это новая актуальность, объединяющая множество предшествующих актуальных происшествий. В момент своей гибели (он же есть момент его окончательного самоудовлетворения, или *самоосуществления* [self-enjoyment]), актуальное происшествие утрачивает способность активного схватывания других происшествий, т.е. их «синтеза» во внутреннем пространстве своего опыта. Таким образом, будучи взятым уже с *внешней* точки зрения, актуальное происшествие оказывается временным, но перестает быть временным. Иными словами, оно встраивается в серию или линию наследования следующего происшествия.

С одной стороны, такой подход позволяет сделать вывод о внутренней соотнесенности актуальных сущностей как дискретных моментов станов-

ления (что в некоторой степени напоминает монадологию Лейбница, если исключить из нее фигуру Бога), а это позволяет преодолеть «ошибку простой локализации». Теперь «пространственно-временные отношения» между актуальными сущностями уже нельзя описать как «пребывание в определенной ограниченной области пространства и в течение определенного ограниченного отрезка времени без всякой существенной связи с другими областями пространства и другими временными длительностями» [Уайтхед А., 1990, с. 141]. Очевидно, перед нами выстраивается совершенно иная картина, в которой «каждый участок [пространства] отражает в себе каждый иной участок пространства... каждая часть [пространства] представляет собой нечто с точки зрения каждой другой части, а равно каждая иная часть [пространства] есть нечто, [только] пребывая в отношении к ней» [Ford L.S., 1999, p. 6].

С другой стороны, сам по себе этот механизм еще не дает нам возможности выйти за пределы понимания времени как монотонной серии событий схватывания: он описывает лишь то, что называется в философии Уайтхеда «физическим полюсом» актуальной сущности, пребывающей в процессе схватывания. Для того чтобы объяснить изменение, появление в мире нового, Уайтхед был вынужден ввести в свою онтологическую схему/систему логическую последовательность промежуточных элементов, действие которых разворачивается в «пространстве» между «физическим» и «ментальным» полюсами актуальной сущности. Описать их все в рамках данной статьи не представляется возможным, и поэтому мы, пропустив их все, сошлемся на первый по значимости элемент его схемы, представляющий собой «универсалию универсалий», т.е. категорию предельной всеобщности. Этим элементом является Творчество (Creativity). Как пишет С. Шавиро, Творчество «...относится к любому актуальному происшествию без исключений. Действительно, актуальное происшествие является творящим по самой своей природе. Каждое новое происшествие есть “новая сущность, отличная от любой из множества объединяемых ею сущностей”, из которых она и возникает. “Творческое продвижение к новизне”, следовательно, есть “предельное метафизическое основание” всего сущего» [Shaviro S., 2009, p. 148; Whitehead A.N., 1929/1978, p. 349].

Разумеется, все вышесказанное можно в полной мере отнести и к людям как к одному из множества видов актуальностей. В то время как «отрицание классического научного материализ-

ма» в конце XIX – первой половине XX столетия вело равно и англо-американскую, и континентальную философию к прочному укоренению в «субъективистском критицизме», отдельные философы, такие как С. Александер и А.Н. Уайтхед, будучи его не менее последовательными критиками, все же продолжали настаивать на необходимости сохранения «объективистского принципа» при построении философских систем. По словам Уайтхеда, причиной повсеместного отхода от объективистской точки зрения явилось ее искажение, выраженное во мнении, будто объективизм неизбежно связан с принятием естественнонаучного материализма со свойственной ему «концепцией простого местонахождения», или простой локализации. В итоге это привело к тому, что «понятие вторичных качеств, обозначающее чувственные объекты», было объявлено исключительной юрисдикцией философий, опирающихся на «субъективистские принципы». Реалистическая и объективистская философия, не просто принимающая их в расчет, но стремящаяся «включить качества в интересующий мир», какой и является философия процесса, даже сегодня, в двадцать первом веке, воспринимается в поле континентальной и, в частности, российской философии если не как нечто априори неосуществимое, то по меньшей мере как нечто, вызывающее недоверие. Кроме того, вряд ли большинство континентальных философов было готово предпринять «весьма решительную реорганизацию наших фундаментальных понятий» [Уайтхед А., 1990, с. 150], к которой призывал Уайтхед — и особенно в тех масштабах, в каких он сам осуществил ее в «Процессе и реальности». Потому у Уайтхеда вряд ли вызвало бы удивление, что, как пишет в статье «Предпосылка тождества и аналитика различий» В. Молчанов, «... в феноменологии — у Ф. Brentano и Э. Гуссерля... тематизация сознания проводится за счет забвения проблемы объекта. <...> Отделить психические феномены от физических (Brentano) или выделить сферу горизонтально функционирующей интенциональности, представить сознание как жизнь, как внутреннюю темпоральность и т.д. становится возможным только за счет “умерщвления” объекта <...> Феноменология по Гуссерлю должна рассматривать бытие только как коррелят сознания: как воспринимаемое, вспоминаемое, подвергающееся оценке, сомнению и т.д. и т.п.» [Молчанов В., 2006, с. 52–53].

В свете проблематики временности это означает, что тупиковая ситуация, артикулированная в высказываниях Лиотара о «парадоксальности

конституции события», о «неспособности Я овладеть и контролировать то, чем оно является», о «неизбежной неудачности попыток представить настоящее», является поводом не для бессильного «свидетельствования» о непредставимости времени, но для конструктивистской философской работы (в том смысле, в каком о ней говорит И. Стенгерс [Stengers I., 2009]), и в первую очередь — для пересмотра философского инструментария. Во-первых, *представление*. Здесь разница между философией процесса и континентальной философией хорошо иллюстрируется жестом зуммирования: сам по себе репрезенталистский способ мышления мог стать одной из главных *проблем* в континентальной философии — в связи с ее сосредоточенностью на человеческой субъективности, но не для философии процесса Уайтхеда, поскольку, раздвигая границы применимости категории субъекта, увеличивая масштаб картинки, он оценивает репрезентацию как всего лишь частный и редко встречающийся способ схватывания мира одним из видов актуальных сущностей. Ведь «даже в момент представления (*represent*) мы все так же *ощущаем наше тело и ощущаем с нашим телом*». Критика репрезентации, предпринятая Хайдеггером и воспринятая его последователями, разумеется, не была неверной. Однако, сосредотачивая фокус на недостатках представления, разбирая его пиксель за пикселем, хайдеггерианская (и деконструктивистская) критика не столько заблуждалась, сколько буквально упускала из виду, выводила за пределы кадра (или за скобки) много такого, что было гораздо более важным и интересным [Shaviro S., 2009, p. xii]. Во-вторых, похожая ситуация имеет место в континентальной философии и в связи с проблемой языка. Как говорит Шавиро, Уайтхед не хуже Хайдеггера осознавал, «что язык содержит в себе тайны, что он отнюдь не является всего лишь средством или инструментом. Но также он предостерегал нас против преувеличения его важности. Он постоянно отмечал ограничения языка, что означает также неадекватность сведения философии к его возвеличиванию и анализу» [Shaviro S., 2009, p. x–xi]. Термин Лиотара «*фраза*», употребляя который он имел в виду «нечто застывшее на самой грани представимости, лингвистических коннотаций, атомарную, чисто аналитическую единицу... базисное понятие, на котором основывается любое определение и которое, следовательно, не может быть определено, ибо в этом случае оно уже было бы включено в собственное определение...» [Лиотар Ж.-Ф., 2001, с. 161], с точки зрения Уайтхеда, сам по се-

бе был бы еще одним примером картинки необоснованно высокого разрешения. Таким образом, несовершенство инструментария феноменологической и постфеноменологической традиции заключается не в его недостаточности, но в чрезмерно высоком разрешении отображаемой им картинки, что в конечном итоге лишило ее широты взгляда и привело к состоянию кризиса.

Время не бежит. Оно не бежит *от* нас, поскольку, будучи живым событием опыта, узлом схватываний актуальных происшествий, действительно вносящих различие, чувственную окраску и ценность в мир, мы тем самым реализуем в нем потенциальность вечных объектов. Оно не бежит осмысления его *нами*, живым примером чего является уайтхедовская доктрина темпоральности — пусть такое осмысление и носит характер бесконечной череды аппроксимаций. Оно не бежит *за* нами, поскольку — несмотря на тот факт, что актуальные сущности, входящие в сборку нас как событий, на своем физическом полюсе включены в линейные цепочки схватываний — мы как единства существования всегда имеем возможность замыкания, среза и переподключения серий становления. «В некотором смысле можно сказать, что всё во все времена находится везде. Ибо всякое место включает некоторый аспект самого себя, присущий любому иному месту» [Уайтхед А., 1990, с. 151].

Список литературы

Блаженный Августин. Исповедь. СПб.: Наука, 2013. 373 с.

Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.

Лютар Ж.-Ф. Хайдеггер и «евреи» / пер. с фр., послесл. и прим. В.Е. Лапицкого. СПб.: Аксиома, 2001. 187 с.

Манекин Р.В. М. Хайдеггер и А.Н. Уайтхед о пространстве и времени: опыт компаративного анализа. 2010. URL: <http://manekin.narod.ru/ph/pr-vr.htm#31> (дата обращения: 30.01.2018).

Молчанов В. Предпосылка тождества и аналитика различий // Логос 1991–2005. Избранное: в 2 т. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. Т. 2. С. 47–79.

Субири Х. О сущности / пер. с исп. Г.В. Вдовиной. М.: Ин-т философии, теологии и истории Св. Фомы, 2009. 456 с.

Уайтхед А. Избранные работы по философии / пер. с англ., сост. И.Т. Касавин; общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 717 с.

Уайтхед А.Н. Процесс и реальность [Ч. I, гл. II. Категориальная схема] / пер. М.В. Локосовой // Во-

просы философии. 2017. № 1. С. 168–179. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1566&Itemid=52#_edn8 (дата обращения: 30.01.2018).

Ford L.S. Locating Atomicity // *Process Studies* (Supplement). 1999. Iss. 1–2. P. 1–58.

Lyotard J.-F. *Le Différend*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1983. 216 p.

Lyotard J.-F. *The Inhuman. Reflections on Time*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. 224 p.

Robinson K. Deleuze, Whitehead and the Reversal of Platonism // Deleuze, Whitehead, Bergson. *Rhizomatic Connections* / ed. by K. Robinson. L., UK: Palgrave Macmillan, 2009. P. 128–144.

Shaviro S. *Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics*. Cambridge, MA.: The MIT Press; London, 2009. 192 p.

Stengers I. Thinking with Deleuze and Whitehead: a Double Test // Deleuze, Whitehead, Bergson. *Rhizomatic Connections* / ed. by K. Robinson. L., UK: Palgrave Macmillan, 2009. P. 28–44.

Vieira Teixeira M.T.M. Epochal Time and the Creativity of Thinking: Henri Bergson and Alfred North Whitehead // *Concrescence – The Australasian Journal of Process Thought*. 2009. P. 77–85.

Whitehead A.N. *Adventures of Ideas*. N.Y.: The Free Press, 1933/1967. 307 p.

Whitehead A.N. *Process and Reality*. N.Y.: The Free Press, 1929/1978. 413 p.

Получено 01.02.2018

References

Ford L.S. (1999). Locating Atomicity. *Process Studies* (Supplement). Iss. 1–2, pp. 1–58. (In English).

Latour B. (2015). *Paster: Voyna i Mir* Mikrobov, s prilozheniem Nesvodimogo [The Pasteurization of France with addition of Irreductions]. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., 316 p. (In Russian).

Lyotard J.-F. (2001). *Heidegger i «Evrei»* [Heidegger and «the Jews»]. St. Petersburg, Aksioma Publ., 187 p. (In Russian).

Lyotard J.-F. (1991). *The Inhuman. Reflections on Time*. Stanford, Stanford University Press, 224 p. (In English).

Lyotard J.-F. (1983). *Le Différend* [The Differend]. Paris, Minuit Publ., 216 p. (In French).

Manekin R.V. (2010). *M. Heidegger i A.N. Whitehead o prostranstve i vremeni: opyt komparativnogo analiza* [M. Heidegger and A.N. Whitehead about Space and Time: an Essay in Comparative Analysis]. Available at: <http://manekin.narod.ru/ph/pr-vr.htm#31> (accessed 30.01.2018). (In Russian).

Molchanov V. (2006). *Predposylka tozhdestva i analitika razlichiy* [The Presupposition of Identity and

the Practice of Differences]. Logos 1991–2005. Izbrannoe: v 2 t. [Logos 1991–2005. The Selected: in 2 vols.]. Moscow, Territorija Budushhego Publ. House, vol. 2, pp. 47–79. (In Russian).

Robinson K. (2009). Deleuze, Whitehead and the Reversal of Platonism. *Deleuze, Whitehead, Bergson. Rhizomatic Connections*. London, UK, Palgrave Macmillan, pp. 128–144. (In English).

Shaviro S. (2009). *Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics*. Cambridge, MA., The MIT Press, London, 192 p. (In English).

Saint Augustine. (2013). *Ispoved' [Confessions]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, 373 p. (in Russian).

Stengers I. (2009). Thinking with Deleuze and Whitehead: a Double Test. *Deleuze, Whitehead, Bergson. Rhizomatic Connections*. London, UK, Palgrave Macmillan, pp. 28–44. (In English).

Vieira Teixeira M.T.M. (2009). Epochal Time and the Creativity of Thinking: Henri Bergson and Alfred North Whitehead. *Concrescence – The Australasian Journal of Process Thought*. Pp. 77–85. (In English).

Whitehead A.N. (1933/1967). *Adventures of Ideas*. New York, The Free Press, 307 p. (In English).

Whitehead A.N. (1990). *Izbrannye Raboty po Filosofii [Selected works on Philosophy]*. Moscow, Progress Publ., 717 p. (In Russian).

Whitehead A.N. (1929/1978). *Process and Reality*. New York, The Free Press, 413 p. (In English).

Whitehead A.N. (2017). *Process i real'nost' (Ch. I, gl. II. Kategorial'naya skhema) / per. M.V. Lokosovoy [Process and Reality (Pt. I, ch. II. Categorical Scheme) / transl. by M.V. Lokosova]. Voprosy filosofii [Issues of Philosophy]*. No. 1, pp. 168–179. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1566&Itemid=52#_edn8 (accessed 30.01.2018) (In English).

Zubiri X. (2009). *O sushchnosti [On Essence]*. Moscow, St. Thomas Institute of philosophy, Theology and History Publ., 456 p. (In Russian).

Received 01.02.2018

Об авторах

Цырлина Яна Эдуардовна

старший преподаватель кафедры истории философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: inferiae@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3006-7137

Мышкин Олег Степанович

аспирант кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: olegmyshkin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6850-3929

About the authors

Yana E. Tsyrlina

Senior Lecturer of the Department of History of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: inferiae@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3006-7137

Oleg S. Myshkin

Ph.D. Student of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnical University,
29, Komsomolsky av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: olegmyshkin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6850-3929

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Цырлина Я.Э., Мышкин О.С. Tempus (non) fugit. О различии подходов к решению проблемы времени в современной континентальной философии (на примере Ж.-Ф. Лиотара) и в философии процесса А.Н. Уайтхеда // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 26–35. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-26-35

For citation:

Tsyrlina Ya.E., Myshkin O.S. Tempus (non) fugit. Different approaches to the problem of time in modern continental philosophy (by the example of J.-F. Lyotard) and in Whitehead's process philosophy // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 26–35. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-26-35

УДК 37:[1:316]

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-36-44

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО КРИЗИСА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Маслянка Юлия Владимировна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются ключевые проблемы института образования личности как в России, так и в глобальном мире. Показано, что в условиях социальных трансформаций актуализируется традиционная дихотомия «знания – ценности», обостряется полемика между позитивизмом и сциентизмом, с одной стороны, и интегральным философским подходом к реальности — с другой. При этом требование «научной объективности» не означает нейтрального отношения к знаниям, уравнивающего мифологическое, религиозное и научное мировоззрение, материализм и идеализм. Особое внимание уделяется воспитательному аспекту образовательного процесса. Показано, что глубокий кризис современности является следствием вырождения доминирующего в глобальном обществе буржуазного способа производства и характерной для него абстрактно-всеобщей системы ценностей и смыслов. На смену ей приходит новая, конкретно-всеобщая система ценностей, не просто отрицающая традиционные и буржуазные ценности, но включающая их в себя, наполняя новым, действительно общечеловеческим содержанием. В этом контексте перед участниками образовательного процесса, учителями и учениками, стоит нелегкая задача сохранения и углубления многовековой традиции образования–воспитания как фундаментальной ценности нашей культуры. Здесь можно выделить два основных направления приложения наших усилий. Во-первых, это сохранение и развитие фундаментальной науки как основы общественного прогресса и процветания, особенно в постиндустриальную эпоху. Во-вторых, это восстановление и развитие системы воспитания молодежи, формирование современного, отвечающего запросам «общества знания», мировоззрения, осмысленного и ответственного отношения к природе, обществу, собственной жизни.

Ключевые слова: система образования, воспитание личности, знания, ценности, ценностно-смысловой кризис, постмодернизм, традиционное общество, постбуржуазная система ценностей.

THE SYSTEM OF EDUCATION IN THE CONDITIONS OF THE VALUE-SEMANTIC CRISIS: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Yulia V. Maslyanka

Perm State University

The author of this article investigates the overriding problems of the institution of personal education, both in Russia and in the global world. The article shows that in the conditions of social transformations the traditional dichotomy of «knowledge – value» is actualized. The controversy is escalating between positivism and scientism, on the one hand, and the integral philosophical approach to reality, on the other hand. At the same time, the requirement of «scientific objectivity» does not mean a neutral attitude to knowledge, equalizing the mythological, religious and scientific worldview, materialism and idealism. Particular attention is paid to the educational aspect of the educational process. It is shown that the deep crisis of our time is a consequence of the degeneration of the bourgeois mode of production, which dominates in global society, and the abstract-universal system of values and meanings inherent in it. It is replaced by a new specifically universal system of values, not just denying traditional and bourgeois values but incorporating them into itself, filling it with a new, truly universal content. In this context, the participants of the educational process, teachers and students, face the difficult task of preserving and deepening the centuries-old tradition of education-upbringing as the fundamental value of our culture. Here we can distinguish two main areas of application of our efforts. First, it is the

preservation and development of fundamental science as the basis of social progress and prosperity, especially in the post-industrial era. Second, it is the restoration and development of the system of educating young people, the formation of a modern, world-view-oriented, sensible and responsible attitude to nature, society, and our own life, meeting the demands of the «knowledge society».

Keywords: education system, personality education, knowledge, values, value-semantic crisis, postmodernism, traditional society, post-bourgeois system of values.

Важным аспектом кризиса отечественной системы образования является разрушение ее воспитательного компонента. Его недооценка ведет к тяжелым последствиям не только на уровне самой образовательной системы, но и на уровне общества в целом. Еще античные авторы, выдвигая идеал гармонически развитой личности, говорили об ответственном отношении к знаниям, ответственном их применении на благо общества. Вспомним великих древнегреческих философов, знаменитых учителей и учеников, заложивших основы европейской науки, образования и культуры, — Сократа, Платона и Аристотеля. Все они выступали с резкой критикой софистики, этического релятивизма и плюрализма (в его упрощенном, вульгарном понимании), подрывающих сами основы научной рациональности и гуманитарной культуры. До сих пор проблема связи (соотношения) знаний и ценностей остается дискуссионной. На одном полюсе — представления о ценностной нейтральности действительных знаний о мире и возможности обладания таковыми, на другом — представление о глубокой внутренней связи знаний и ценностей, чреватое уходом в субъективизм и релятивизм. Данные представления соотносятся с введенным В. Дильтеем разграничением наук о природе, оперирующих фактами и дающих объективное знание о мире, и наук о духе, характеризующихся субъективизмом. Взятые на вооружение современным позитивизмом и претендующей на статус научной аналитической философией, указанное разграничение приобретает все более заметный антигуманитарный и антифилософский характер. В данном контексте все чаще противопоставляются частные (естественные и общественные) науки и науки философские. Первые, имея дело с эмпирическими данными, дают нам якобы объективное, ценностно нейтральное знание о мире и человеке. Философское же знание, предполагающее обобщения и субъективные интерпретации, с этих позиций не может быть объективным. При этом предлагается характерный софизм. Поскольку философское знание о мире и человеке всегда ценностно окрашено (представляет собой определенную смысловую модель реальности), постольку для сохранения объективно-

сти необходимо признать равноправие всех мировоззренческих установок — мифологической, религиозной и научной; идеалистической и материалистической [Поросенков С.В., 2006, с. 7]. Такой подход к пониманию научной объективности сегодня широко распространен и в зарубежной, и в отечественной гуманитарной науке, в частности, в философии, социологии, религиоведении, представляющих особый интерес в контексте формирования мировоззренческой позиции личности.

Мы уже писали о том, что отождествление принципов научной объективности (т.е. непредвзятости) и мировоззренческой (т.е. ценностной) нейтральности — это чрезвычайно опасная тенденция в развитии современной науки и образования [Маслянка Ю.В., 2013, с. 69]. Если на уровне сбора и первичного обобщения фактического материала эти принципы в известном смысле совпадают: ученый должен максимально точно фиксировать социальные факты, абстрагируясь от собственных взглядов, предпочтений, собственного «кровного интереса», — то на уровне более широких обобщений, выводов и прогнозов эти принципы начинают расходиться. Так, требование нейтрального отношения к религии в известном смысле оправдывает себя, когда мы фиксируем факты. Например, резкое снижение уровня религиозности в СССР уже в первые послереволюционные годы и особенно низкий показатель религиозности населения в 60-е, 70-е, первой половине 80-х гг. XX в. или факт резкого повышения уровня религиозности в конце перестройки и особенно в 90-е гг. прошлого века. Однако на уровне объяснения, прогнозирования процессов религиозности и секуляризации мы неизбежно даем научную оценку как самому феномену религии, так и происходящему в обществе в целом. Повышение уровня религиозности в России в последние годы большинство ученых и обычных граждан связывают с затянувшимся социально-экономическим кризисом, социальной нестабильностью, ростом неравенства, крушением социалистических идеалов и ценностей. Дальнейшая реализация либеральной социально-экономической политики в ее наиболее грубом и примитивном варианте и, как следствие, дальнейшая экономи-

ческая деградация будут способствовать росту этно-конфессионального напряжения, сепаратизма, конфликтов с претендующей на статус государственной Русской православной церковью. Попытка уйти от оценок как в этой, так и в других областях жизни ведет к разрушению самих принципов научного анализа, объяснительного мышления, к дезориентации и, как следствие, к социальной усталости и бездействию.

Трудности в разрешении проблемы «знания — ценности» зачастую связаны с неадекватной трактовкой содержания и диалектики как самих этих понятий, так и стоящих за ними фундаментальных понятий — объективное, субъективное. Большинство исследователей исходит из того, что знания и ценности соотносятся с объективным и субъективным содержанием нашего сознания соответственно. Важнейшим признаком знаний, в отличие от ценностей, является то, что они могут быть охарактеризованы в категориях «истинно / ложно». «Оценка — это сопоставление некоего фрагмента объективной действительности с априорной ценностной установкой субъекта... Может ли подобное отношение соответствия быть истинным или ложным? Оно может быть полным или частичным, точным или приближенным, может полностью отсутствовать, но охарактеризовать это соответствие как истинное или ложное нельзя. В познавательном отношении, в отличие от ценностного, первичен объект, и мысль человека должна соответствовать этому объекту» [Щербаков Д.А., 2009, с. 207]. Соглашаясь в общем с такой интерпретацией, мы вместе с тем видим, что она чревата субъективизмом и ценностным релятивизмом. Развиваясь преимущественно в рамках кантовской традиции, классическая аксиология, как представляется, несет в себе ее основной порок — жесткое и механистичное противопоставление субъективного и объективного, свободного, самостоятельного субъекта и фатально детерминированного объекта. Отказываясь от объективистских теорий ценности, современная аксиология неизбежно впадает в крайность субъективизма и волюнтаризма, ставя под сомнение не только возможность, но и необходимость целостного мировоззрения личности [Нагой Ф.Н., 2017, с. 26].

Адекватное решение проблемы, как представляется, может быть получено в рамках современного марксизма, уходящего от сугубо натуралистических и «реляционных» (как «совокупности всех общественных отношений») трактовок природы человека и природы ценностей. И знания, и

ценности — это атрибуты человеческого бытия, человека как наиболее сложного материального существа, обладающего вместе с тем сознанием. Знания как *отражение* объективного мира имеют субъективную (идеальную) сторону, но не сводятся к ней. Иначе человек не смог бы действовать — приспосабливаться к реальности и преобразовывать ее. Знания представляют собой диалектическое единство объективного и субъективного, где объективное доминирует, довлеет над субъективным в конечном счете.

Ценность — это «значимость», значение для человека тех или иных вещей, явлений или процессов, его собственной жизни, мира в целом. Ценность чего-либо дана человеку в сознании, но не сводится к субъективности как таковой. Ценность, «значимость» тех или иных вещей, явлений или процессов — это выявление их качества, места в иерархически выстроенной системе мира, в которой сам человек выступает как высшее материальное существо, «универсальная шкала сложности». Ценность тех или иных вещей или процессов выявляется в ходе практической, преобразовательной деятельности человека как материального существа. Преобразуя природу, подчиняя себе ее могущественные силы, человек преобразует и себя, раскрывая собственные потенциально бесконечные сущностные силы. Углубление в природу (объективный мир) представляет собой одновременно и углубление в собственную природу человека, «углубление в себя» как в объективно-практическом, так и в ценностно-смысловом планах. Способ развития путем «углубления в себя», развития «из себя и в себя» был открыт Гегелем применительно к «логической идее». В марксизме такой способ развития характеризует материю как субстанцию и ее высшее выражение — социальную форму материи.

Таким образом, все знания ценностно окрашены, но окрашены в большей или меньшей степени. Очевидно, что знание каких-либо частных, локальных явлений или процессов несет меньшую ценностную нагрузку. Ценность таких знаний имеет в известном смысле латентный характер и проявляется в определенных конкретно-исторических условиях, в контексте научного знания как целого. Чем более обобщенными, широкими являются наши знания, тем более они ценностно окрашены: ценностный компонент выходит здесь как бы на поверхность, раскрывается. Знание *всеобщего*, важнейшего содержания действительности, знание сущности мира и человека по определению не может быть ценностно

нейтральным. В нашей культуре такие знания и установки называют философскими, мировоззренческими.

В современной научной и учебной литературе в структуре мировоззрения выделяют следующие уровни: наиболее общие знания о мире и человеке, затем формирующиеся на их основе убеждения и ценности личности и, наконец, программы действий (определенные паттерны поведения). Такая структура демонстрирует глубокую взаимосвязь знаний личности, ее убеждений, ценностных ориентаций и образа жизни. Знания становятся силой, действенным инструментом преобразования природы и общества, когда они опираются на убежденность, имеют ценность для личности. Это возможно, если знания критически осмыслены, глубоко отрефлексированы через призму реального жизненного опыта личности, если знания адекватно отражают и включены в образ жизни человека. Идеал гармонически развитой личности предполагает не только и не столько всесторонность (широту) знаний, сколько глубокое внутреннее единство знаний, последовательно реализующихся в повседневной жизни человека. Вспомним, что цельную личность характеризует единство мыслей, слов и действий. В этом контексте исключительное значение приобретает реализация *холистического подхода* к реформированию и развитию отечественной системы образования. Мы присоединяемся к Н.П. Орловой [Орлова Н.П., 2008, с. 185], которая отмечает, что сформировавшийся в рамках отечественной философско-педагогической традиции (В.Ф. Одоевский, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский, П.Ф. Каптерев и др.) холистический подход к образованию как целостному процессу образования–воспитания личности является, безусловно, более глубоким и продуктивным, чем парциальный, узкопрофессиональный подход. При этом сферу образования–воспитания необходимо рассматривать как атрибутивную сферу общества (государства), обеспечивающую его самосохранение и развитие. Прогрессивно развивающееся общество характеризуется глубоким внутренним единством, находящим отражение в единой идеологии. Идеология является прогрессивной (научной), если она адекватно отражает сущность мира и человека, сущность и логику истории, формирует адекватные ориентиры индивидуального и общественного развития. С нашей точки зрения, такой идеологией является социалистическая, или социал-демократическая (на Западе), левая идеология, которая ставит во главу угла обществен-

ные интересы, интересы *всех и каждого*. Получившая определенные искажения в период культа личности Сталина и позднем Советском Союзе, социалистическая и коммунистическая идеология была дискредитирована недостаточно компетентным руководством страны. Бездарные реформы 90-х гг. отбросили нашу страну с магистрали исторического развития, породив мифы об «исключительной эффективности частной собственности», о «вечности рынка» (непреходящем характере товарной экономики). Как в позднем Советском Союзе, так и в постсоветской России не получили должного внимания и разработки чрезвычайно глубокие прогнозы К. Маркса о *вырождении товарной экономики* в процессе перехода от машинного к автоматизированному, или всеобщему научному, труду [Орлов В.В., Васильева Т.С., 2005, с. 210]. Под лозунгом деидеологизации в общественное сознание фактически внедрялась буржуазная идеология, ставящая во главу угла частный интерес и частную выгоду, грубо и механистично противопоставляющая интересы личности и интересы общества. В рамках буржуазной идеологии общество предстает как механистическое скопление не связанных между собой индивидов, свободных индивидуальностей, как «союз эгоистов» (М. Штирнер).

Хотя буржуазная идеология основательно внедрилась в сознание и жизнь нашего общества, она не стала и не может стать продуктивным источником смыслов, привлекательных социальных идеалов и ориентиров в XXI в. Буржуазная идеология не может сегодня стать интегратором российского общества, по крайней мере, в силу двух причин: 1) исторических условий развития нашей страны — коллективизм русского народа, опыт строительства социализма; 2) она становится анахронизмом теперь уже и в масштабах глобального общества, о чем, в частности, пишут представители теории мир-системного анализа (А.Г. Франк, И. Валлерстайн, С. Амин и др.).

Не разбирая здесь подробно экономических основ либерально-буржуазной идеологии, отметим лишь, что в последние полвека она сохраняет свое влияние в глобальном мире благодаря своему могущественному союзнику — «*постмодернистской символической культуре*», подвергающей деконструкции любые рациональные смыслы и успешно вуалирующей глубокий кризис современной буржуазной цивилизации.

Сегодня постмодернизм является доминирующей тенденцией нашей культуры, пронизывающей социальные, политические, моральные прак-

тики. Как определенный тип миропонимания, постмодернизм характеризуется релятивизмом и эклектизмом. Его оружие не рациональные аргументы и последовательная критика предшествующей традиции, а тотальный релятивизм, уравнивающий все мировоззренческие модели, социальные и культурные практики. Разрушение ценностных иерархий, отражающих сложную структуру действительности, неизбежно ведет к разрушению самого морального сознания. Мы живем в эпоху индивидуализма и эгоизма, когда под предлогом равноправия всех мировоззренческих установок и ценностей частный интерес и частная выгода ставятся де-факто выше общественного интереса и совместных форм деятельности. «Если в эпоху модерна такие моральные ценности, как порядочность, героизм, любовь к труду, целомудрие, гуманность и др. высоко ставились людьми, то в эпоху постмодерна они потеряли свою значимость. Ныне героизм никого не трогает (молодые люди не выражают особого восторга, когда им рассказывают о героях Великой Отечественной войны), труд как созидание презирается, порядочность воспринимается как неудача, целомудрие представляется как комплекс неполноценности, продается естественная красота человека, а обладатель этой красоты становится богатым и уважаемым человеком, творцы же подлинных ценностей могут оказаться в маргиналах» [Гобозов И.А., 2003, с. 72].

В условиях доведенного до предела социального атомизма и индивидуализма человек утрачивает свою глубинную коллективистскую идентичность, ощущая пустоту. Известный австрийский психолог и философ, создатель логотерапии (смыслотерапии) В. Франкл пишет об этом так: «Сегодня мы, по сути, имеем дело уже с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена Фрейда, а с фрустрацией потребностей экзистенциальных. Сегодняшний пациент уже не столько страдает от чувства неполноценности, как во времена Адлера, сколько от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты, — поэтому я и говорю об экзистенциальном вакууме» [Франкл В., 1990, с. 24]. Показательно то, что глубочайший нравственный кризис разразился в самом сердце общества изобилия. Завершена Вторая мировая война, на Западе реализуется модель государства всеобщего благоденствия, но все большее число людей и особенно среди молодежи охвачено ощущением глубокой смыслоутраты. Как и многие мыслители своего времени, Франкл видит

причину этого в разрушении традиционного общества, веры в некую устойчивую тотальную систему ценностей и, соответственно, в трудностях самоидентификации, формирования осмысленной модели себя в мире. Рассуждение здесь строится в русле идей М. Вебера. Традиционный тип действия, по Веберу, не предполагает критической оценки тех или иных норм, ценностей, он внутренне не рефлексивен. Во многом близки ему аффективный и ценностно-рациональный типы действия, которые мы можем назвать традиционными в широком смысле слова. Новый, целерациональный тип действия, напротив, внутренне рефлексивен, требует постоянной тяжелой личной работы. Однако большинство людей оказалось к этому не готово. Польский психолог К. Обуховский определяет новейшую тенденцию как революцию субъектов и связывает драму современного человечества с искушением предметизации. В традиционной культуре («культуре людей-предметов») условием хорошего самочувствия и даже гордости индивида было следование определенным стандартам, социальным ролям, которое в новых условиях часто лишено всякого смысла. «Глупость политиков, тупость идеологов, атмосфера, а может просто всеобщее образование, которого требовали новые технологии, привели к тому, что люди утратили шанс полагаться на данные им культурные модели» [Обуховский К., 2003, с. 249].

Таким образом, базовый конфликт как современной культуры, так и системы образования–воспитания исследователи видят в столкновении традиции и модернизации, «культуры людей-предметов» и «культуры людей-субъектов» (по Обуховскому). Такая трактовка, с нашей точки зрения, не лишена определенного смысла, но явно не достаточна. Борьба старого и нового (конфликт отцов и детей), различных способов производства общественной жизни, «переоценка всех ценностей» (Ф. Ницше), проявления нигилизма — многократно повторялись в истории человечества. Не следует, с нашей точки зрения, излишне жестко и механистично противопоставлять современную ситуацию предшествующим эпохам как тотальному традиционализму. Во все времена индивиды приносили что-то новое в существующий способ производства и осмысления жизни, развивали и углубляли существующую систему ценностей. Другое дело, что в современном обществе эти изменения приобретают более глубокий и динамичный характер. На первый план выходит тенденция *индивидуализации историческо-*

го процесса, связанная с формированием нового типа общественного производства. Однако не стоит недооценивать и другой стороны, которая в конечном счете определяет поступательный ход истории, — это *рост родового содержания исторического процесса*, общечеловеческого содержания наших открытий, изобретений, взаимодействий. В этом контексте показательны те определения и характеристики, которые были даны К. Марксом новому типу труда: «Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» [Маркс К., 1961, с. 116]. Это, во-первых, совместный, кооперированный труд и, во-вторых, труд, аккумулирующий в себе труд предшественников [Маркс К., 1961, с. 116]. Колоссальная производительная сила этого труда связана не с мыслью как таковой, а с качественно новым уровнем развития всеобщих родовых сил человека, аккумулированных в науке и технологии и подчиняющих себе все более мощные, а в перспективе бесконечные силы природы.

Глубокий кризис современного общества (ставший общепризнанным со второй половины XX в.) связан, с нашей точки зрения, с разложением буржуазного общества, лежащего в его недрах типа труда и производственных отношений и соответствующей им системы ценностей. Мы живем в эпоху архитектонических сдвигов в самих основах нашей цивилизации, в период сосуществования и ожесточенной борьбы, по-видимому, трех несовместимых способов производства общественной жизни: 1) добуржуазного, традиционного с характерной для него религиозной моралью; 2) буржуазного с индивидуалистической моралью; 3) постбуржуазного с коллективистской моралью. Причем парадокс истории состоит в том, что после распада/развала СССР и относительно устойчивого биполярного мира, а также краха модели Welfare state на Западе основная борьба сегодня идет не на магистральной исторической линии — между буржуазной и постбуржуазной моралью. Сотрясающие глобальный мир финансово-экономические кризисы, дестабилизация ситуации на Ближнем Востоке, волна терроризма, захлестнувшая страны Запады, демонстрируют опасную тенденцию «реверсивного хода истории», возврата к прежним архаичным моделям миропонимания и действия.

Российское общество находится сегодня в такой же тяжелой ситуации. Мы разделяем позицию тех исследователей, которые связывают углубление социально-экономического и духовного кризиса в нашем обществе с парадоксальной менталь-

ностью, или, другими словами, эклектичным, парадоксальным мировоззрением. В мировоззрении современного российского общества они выделяют следующие мало связанные между собой фрагменты: 1) православно-русский; 2) коллективистско-социалистический; 3) индивидуалистско-капиталистический; 4) криминально-мафиозный [Юревич А.В., 2015, с. 42]. Указанные фрагменты представляют собой, по сути, самостоятельные (за исключением, наверное, последнего) и во многом противоположные типы миропонимания и социального действия. Такая ситуация, с одной стороны, говорит о вырождении доминирующего буржуазного типа миропонимания и системы ценностей, с другой — требует выработки нового типа миропонимания и новой, постбуржуазной, системы ценностей. Однако в фокусе внимания как политических элит, так и общества в целом по-прежнему остается дихотомия традиционной патерналистской системы ценностей и либерально-плюралистической системы ценностей позднего буржуазного общества.

Мы уже писали о том, что система ценностей добуржуазного и буржуазного общества может быть определена как *абстрактно-всеобщая* [Маслянка Ю.В., 2009, с. 178], поскольку ценности знаний, труда, патриотизма, равенства, братства, справедливости и пр. носят в ней во многом абстрактный, декларативный характер. Эти ценности могут быть реализованы и осмыслены людьми в различной степени, в зависимости от их сословной/классовой принадлежности. Являются ли реальными ценности знаний, любви к труду, равенства и патриотизма для народных масс в классовых обществах? Однако и представители господствующих классов не являются носителями этих ценностей в их подлинном смысле. В конечном счете индивиды равны только перед Богом как абстрактные духовные существа. Поэтому религия и выполняет во всех классовых обществах стабилизирующую и компенсирующую функции, являясь метафизическим фундаментом и оправданием любой классовой идеологии.

Новая, формирующаяся на основе всеобщего труда и интеллекта, система ценностей и смыслов будет носить, с нашей точки зрения, *конкретно-всеобщий* характер. Это означает, что ценности интеллектуального развития, любви к труду, патриотизма/интернационализма, человеколюбия постепенно будут наполняться реальным содержанием. Первостепенными задачами государства (общественного управления) станут обеспечение всех граждан качественным образованием, пра-

вом на достойный и творческий труд, предполагающим свободную реализацию способностей и потребностей индивида. Элементы новой системы производства и системы ценностей уже сегодня формируются в развитых странах, хотя им и противостоит господствующая в глобальных масштабах система организации труда.

Не являясь неким изолированным институтом, российская система образования несет в себе и выражает все общественные противоречия современности. Несмотря на перманентные реформы и политические инициативы, специалисты фиксируют неуклонное снижение качества подготовки выпускников, особенно в естественно-научных областях. Разрушение системы воспитания молодежи привело к амотивированности, неумению и нежеланию прилагать усилия для достижения отдаленных интеллектуальных целей, дезориентации и апатии молодого поколения, увлечению ложными, пустыми ценностями. Усложняют ситуацию попытки формального переноса на отечественную почву успешных, «работающих» на Западе образовательных моделей и практик. Так, внедрение компетентностного подхода, преследовавшего, безусловно, благие цели — формирование гибкой личности, способной принимать решения и действовать в условиях высокой степени неопределенности и социальных рисков, — сопровождается рядом серьезных проблем [Брызгалова Е.В., 2017, с. 95]. Одна из них — формирование «беззнаний» формы компетенций», когда недостаток предметных знаний компенсируется успешными личностными демонстрациями. Например, отсутствие хорошо дифференцированных, содержательных аргументов по тому или иному вопросу становится менее значимым по сравнению с навыками ведения публичных дискуссий. Другая, едва ли не основная для отечественного образования и культуры — проблема коммерциализации и прагматизации образовательного процесса, вытесняющего на периферию учебных планов те предметы, которые связаны с формированием целостной научной картины мира и ценностных ориентаций личности. Происходит это, с одной стороны, в силу того, что рыночная стоимость фундаментальных знаний, а также личностных и метапредметных компетенций трудноопределима. С другой, эти знания и компетенции не востребованы рыночной экономикой, по крайней мере, в массовых масштабах [Самохвалова В.И., 2015, с. 103]. Прагматизм разрывает интеграционные связи науки, порождая узкую специализацию и фрагментацию знаний, что, в

конечном счете, тормозит развитие научной мысли и общества в целом.

В сложившихся условиях перед участниками образовательного процесса, учителями и учениками, стоит нелегкая задача — сохранить и углубить многовековую традицию образования–воспитания как фундаментальной ценности нашей культуры. Здесь можно выделить два основных направления приложения наших усилий. Во-первых, это сохранение и развитие фундаментальной науки как основы общественного прогресса и процветания, особенно в постиндустриальную эпоху. Во-вторых, это восстановление и развитие системы воспитания молодежи, формирование современного, отвечающего запросам «общества знания», мировоззрения, осмысленного и ответственного отношения к природе, обществу, собственной жизни. Реформы, которые идут сегодня в высшей и средней школе, с нашей точки зрения, отнюдь не способствуют решению этих задач. Мы присоединяемся к подавляющему большинству специалистов, полагающих, что проблемы образования не могут быть решены локально, внутри самой системы образования и средствами этой системы. Решать их необходимо на уровне системы общественных отношений в целом, на уровне общественной, государственной идеологии. С нашей точки зрения, ценности фундаментальной науки, труда на благо общества (= патриотизма), братства и справедливости могут быть реализованы только на базе мощной государственной (общенародной) собственности, на базе научно обоснованной стратегии развития экономики, государственного планирования и регулирования, на общенародных, демократических началах.

Список литературы

- Брызгалова Е.В.* Проблемы интеграции естественно-научного и философского знания в современном образовании: социальные аспекты // *Философия и общество*. 2017. № 2. С. 87–123.
- Гобозов И.А.* Философия как постижение эпохи // *Философия и общество*. 2003. № 3. С. 58–77.
- Маркс К.* Капитал. Т. III // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 25, ч. I. 545 с.
- Маслянка Ю.В.* Роль научной философии в становлении и развитии социологии религии // *Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр.: в 2 т. / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2013. Вып. 21, т. 1. С. 62–82.*
- Маслянка Ю.В.* СМЫСЛ и «бес-СМЫСЛЕННОЕ время». Проблема смысла жизни в современной философии / *Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 215 с.*

Нагой Ф.Н. Теории ценностей и проблема целостности мировоззрения личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 20–28.

Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Речь, 2003. 296 с.

Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 264 с.

Орлова Н.П. Философский анализ трансформаций российской высшей школы на рубеже XX–XXI вв. // Философия образования. 2008. № 3(24). С. 183–189.

Поросенков С.В. Философия религии. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2006. 114 с.

Самохвалова В.И. Культура на рынке. Итоги монетизации норм, ценностей, смыслов // Философия и общество. 2015. № 3–4. С. 94–118.

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

Щербakov Д.А. Знания и ценности: параллельные миры или органическое единство? // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 7(101). С. 206–212.

Юревич А.В. Психологическое состояние современного российского общества: новые оценки // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 32–45.

Получено 07.11.2017

References

Bryzgalina E.V. (2017). *Problemy integratsii estestvenno-nauchnogo i filosofskogo znaniya v sovremenном obrazovanii: sotsial'nyye aspekty* [Problems of integration of natural-scientific and philosophical knowledge in modern education: social aspects]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society]. No. 2, pp. 87–123. (In Russian).

Frankl V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Moscow, Progress Publ., 368 p. (In Russian).

Gobozov I.A. (2003). *Filosofiya kak postizheniye epokhi* [Philosophy as a comprehension of an epoch]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society]. No. 3, pp. 58–77. (In Russian).

Marx K. (1961). *Kapital. T. III* [Capital. Vol. III]. Marx K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Works: in 50 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., vol. 25, part I, 545 p. (In Russian).

Maslyanka Yu.V. (2013). *Rol' nauchnoy filosofii v stanovlenii i razvitiit sotsiologii religii* [The Role of Scientific Philosophy in the Formation and Development of the Sociology of Religion]. *Novyye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Perm, Perm State University Publ., iss. 21, vol. 1, pp. 62–82. (In Russian).

Maslyanka Yu.V. (2009). *SMYSL i «bes-SMYSLENNNOYe vremya»*. *Problema smysla zhizni v sovremennoy filosofii* [Sense and «mindless time». The problem of the meaning of life in modern philosophy]. Perm, Perm State University Publ., 215 p. (In Russian).

Nagoy F.N. (2017). *Teorii tsennostey i problema tselostnosti mirovozzreniya lichnosti* [Theories of values and problem of integrity of the person's worldview]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. Iss. 1, pp. 20–28. (In Russian).

Obukhovskiy K. (2003). *Galaktika potrebnostey. Psikhologiya vlecheniy cheloveka* [Galaxy needs. Psychology of human drives]. St. Petersburg, Rech' Publ., 296 p. (In Russian).

Orlov V.V., Vasileva T.S. (2005). *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of Economics]. Perm, Perm State University Publ., 264 p. (In Russian).

Orlova N.P. (2008). *Filosofskiy analiz transformatsiy rossiyskoy vysshey shkoly na rubezhe XX–XXI vv.* [Philosophical analysis of the transformations of the Russian higher school at the turn of the 20th–21st centuries]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. No. 3(24), pp. 183–189. (In Russian).

Porosenkov S.V. (2006). *Filosofiya religii* [Philosophy of religion]. Perm, Perm. State. Tech. University Publ., 114 p. (In Russian).

Samokhvalova V.I. (2015). *Kul'tura na rynke. Itogi monetizatsii norm, tsennostey, smyslov* [Culture in the market. Results of monetization of norms, values, meanings]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and society]. No. 3–4, pp. 94–118. (In Russian).

Shcherbakov D.A. (2009). *Znaniya i tsennosti: parallel'nye miry ili organicheskoye edinstvo?* [Knowledge and values: parallel worlds or organic unity?]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. No. 7(101), pp. 206–212. (In Russian).

Yurevich A.V. (2015). *Psikhologicheskoye sostoyanie sovremennogo rossiyskogo obshchestva: novyye otsenki* [Psychological state of modern Russian society: new estimates]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology]. No. 2, pp. 32–45. (In Russian).

Received 07.11.2017

Об авторе

Маслянка Юлия Владимировна
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: maslyanka_uv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3508-5513

About the author

Yulia V. Maslyanka
Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: maslyanka_uv@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3508-5513

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Маслянка Ю.В. Система образования в условиях ценностно-смыслового кризиса: философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 36–44.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-36-44

For citation:

Maslyanka Yu. V. The system of education in the conditions of the value-semantic crisis: philosophical analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 36–44.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-36-44

УДК 123.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-45-52

СВОБОДА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СУЩНОСТНЫЕ СИЛЫ ЧЕЛОВЕКА

Чернова Татьяна Геннадьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье предпринята попытка рассмотрения свободы и ответственности как сущностных сил человека, выражающих производящий способ его бытия. Свобода укоренена в сущности человека как внутренняя активность, т.е. как стремление выйти за рамки освоенного и познанного, расширить относительную независимость от обстоятельств, преодолеть историческую ограниченность. Онтологические предпосылки свободы содержатся в самоорганизации материи, переводящей себя с одного уровня на другой. Человек как существо, обладающее универсальным и всеобщим содержанием, несущее в себе основное богатство содержания всех предшествующих ступеней развития, концентрирует в себе творческую мощь мира — быть причиной самого себя. Преобразование человеком глубинных уровней организации материи — это внешний аспект человеческого существования, но для материи в целом это внутренний аспект ее развития. Материя через человека углубляется в саму себя, в свою сущность и через ступени его (человека) развития выходит на новые более высокие уровни, а человек через преобразование природы развивается в свое собственное бытие, в свою сущность. Поскольку в развитии мира можно обнаружить направленность на проявление человека, а в человеческой истории — направленность, углубление в свою сущность, постольку человек несет ответственность за развитие событий.

Ключевые слова: свобода, ответственность, сущность человека, сущностные силы, исторический процесс.

FREEDOM AND RESPONSIBILITY AS INTRINSIC FORCES OF A PERSON

Tatiana G. Chernova

Perm State University

The author analyzes the problem of freedom and responsibility as intrinsic forces of a person, expressing one's productive mode of being. Freedom is implanted in a human being as their internal activity, i.e. determination to go beyond the borders of the acquired and learned, to broaden relative independence from circumstances, to overcome historical limits. Ontological backgrounds of freedom are contained in self-organization of matter transferring itself from one level to another. A human, as a being having universal and general content, bearing in himself the main richness of content of all previous development steps, accumulates in himself a creative power of the world — to be the cause of himself. A human transforms the deep levels of the organization of matter, which is an external aspect of human existence, but for matter in general it is an internal aspect of its development. Through the person, matter goes deep into itself, in the essence, and through steps of his (person's) development comes to new higher levels, while the person develops his own life, his essence through transformation of the nature. Since in the development of the world it is possible to find orientation towards manifestation of the person, and in human history — orientation to deepening into the essence, the person bears responsibility for the course of events.

Keywords: freedom, responsibility, intrinsic forces, continuum, essence of the person.

Особенность человека заключается в специфике, в уникальности способа его бытия — в производстве самого себя, своего бытия и тем самым своей сущности. Поэтому в структуре человеческой сущности главными будут те стороны, которые обеспечивают этот производящий способ бытия.

Человек — это единственное в мире существо, творящее самого себя, свою сущность, т.е. развивающее свои сущностные силы в процессе создания условий своего существования и создающее условия для перехода на более высокую ступень своего развития. Такая творческая сущность че-

ловека есть концентрация творческой сущности мира. Материя, как субстанция, есть причина самой себя, она творит себя, т.е. переводит себя на следующие ступени развития. Исчерпав основные способы развития на определенной ступени (прямой субстратный синтез, приспособление к среде и т.д.), материя переводит себя на следующую ступень, оставляя при этом нереализованный фонд возможностей. В.В. Орлов пишет, что «в состав высшей формы материи включается лишь ничтожно малая часть предшествующей формы материи и, следовательно, подавляющая часть возможностей развития остается принципиально не реализуемой в природе» [Орлов В.В., 1985, с. 120]. Обнаруживается некое противоречие — природа порождает возможности, которые сама не реализует. На определенном этапе развития должен появиться фактор, разрешающий данное противоречие. Появление такого фактора обусловлено конвергентным характером развития материи. Последовательность основных форм материи (с количественной стороны) связана с резким уменьшением распространенности высшего (его количества, объема), развитие образует своего рода конус и должно привести к появлению высшей формы материи, которая согласно закономерности аккумуляции (т.е. с качественной стороны) последовательность основных форм материи связана с ростом богатства содержания) должна обладать универсальным содержанием, делающим ее способной взаимодействовать с любыми формами материи и реализовывать заложенные в ней возможности. Такой формой материи является человек, или социальная форма, обладающая универсальным и всеобщим содержанием [Орлов В.В., 1985, с. 121–122].

На определенном этапе природные способы развития исчерпаны материей, ее дальнейшее развитие возможно только при участии человека и через человека, через его способность к бесконечному преобразованию и познанию мира. Способ развития человека отличается от способа развития мира, он — опосредованный, т.е. человек развивает себя через преобразование природы, через освоение ее сил; он не может не преобразовывать природу, это фундаментальное условие его существования, он живет природой.

Человек, как вершина развития мира, самое сложное в мире существо, обладающее универсальным и всеобщим содержанием, он несет в себе основное богатство содержания всех предшествующих ступеней развития и концентрирует в

себе творческую мощь мира — быть причиной самого себя. Человек, как и материя, тоже причина самого себя, он тоже развивает себя, переводит на следующие исторические ступени.

На этапе человека материя начинает «закручиваться» на себя, т.е. человек, чтобы выжить, начинает осваивать и ставить под контроль силы природы, осваивая те возможности, которые материей заложены, но не реализованы, он движется вниз по ступеням, которые материя уже прошла, подготовив движение человека, и чем глубже в структуру мира он опускается, тем более мощными силами овладевает, а это условие перехода самого человека на более высокую ступень собственного исторического развития. Онтологические предпосылки свободы содержатся в самоорганизации материи. Материя закономерно порождает человека как внутреннее условие появления новых ступеней развития. Человек выступает в мире как свободная творческая сила; развивая потенции, заложенные в природе, он развивает и свои собственные физические и духовные потенции. Н.М. Урманцев пишет: «Самоорганизация универсума не может быть чем-то внешним по отношению к человеку. Человек находится в ее русле, реализует высшие формы самоорганизации, является их проводником, сам во многом определяет эти формы» [Урманцев Н.М., 2007, с. 73].

Поскольку дальнейшее развитие мира возможно только при участии человека, постольку в человеке должна корениться внутренняя активность, т.е. свобода, стремление выйти за границы освоенного и познанного. В силу этого должны быть механизмы, обеспечивающие постоянное развитие человека. Такие механизмы можно обнаружить во взаимоотношениях человека и природы. Человек не может ослабить свое воздействие на природу, он должен накапливать опыт и знания для решения проблем, с которыми он столкнется в будущем, с такими неизбежными как, например, затухание Солнца, дальнейшее расширение или, наоборот, сжатие Вселенной. Но человек не может и переусердствовать в отношении природы, иначе он срубит «сук, на котором сидит», т.е. столкнется с экологическим кризисом. Однако экологические кризисы — видимо, неизбежность в развитии человека, поскольку он не может отследить последствия всей своей деятельности на всех уровнях организации мира (физическом, химическом, биологическом, социальном). И чем более мощные силы природы человек будет осваивать, проникая в глубинные структу-

ры материи, тем сложнее будет экологическая обстановка. Но, с другой стороны, экологический кризис — это своего рода тоже механизм развития. Выход из кризиса труден, «но, если он будет найден, мы приобретем опыт, которого бы иначе не имели и который, возможно, окажется решающим, когда, например, угаснут естественные круговороты биогенных элементов» [Барг О.А., 1993, с. 211]. То есть встретившись с кризисом, человек должен найти способы с ним справиться, приобретая тем самым необходимый опыт для решения неизбежных проблем, с которыми он обязательно встретится в будущем и который в других условиях он бы не получил.

В человеческой сущности содержатся внутренние механизмы саморазвития. Одним из таких механизмов является диалектическое взаимодействие способностей и потребностей, как внутренний импульс саморазвития человеческой природы, который выступает своего рода «пружиной», не позволяющей человеку остановиться на достигнутом. Задействуя свои способности, человек создает предмет, удовлетворяющий какую-либо потребность, при потреблении данного предмета потребности возрастают, расширяются, вступает в действие закон возрастания потребностей, сформулированный К. Марксом, а в более простой форме замеченный еще П. Гольбахом и Г. Гегелем. Так уж устроен человек, что, потребляя предмет, ему хочется, чтобы он (предмет) был лучше, удобнее, красивее, совершеннее. Для удовлетворения возросших потребностей необходимо развить способности, т.е. поставить под контроль какую-то новую силу природы; это необходимое условие возрастания способностей, на этой основе человек не только в состоянии удовлетворить выросшие потребности, но и ищет новые возможности для использования освоенной силы природы, создает предмет, который еще не был в потреблении. Новый предмет доводится до потребителей, и весь этот круг начинается заново — и так до бесконечности.

Свобода укоренена в сущности человека как существа производящего и разумного, познающего. Создание условий существования, которых нет в готовом виде, предполагает свободу человека, осваивающего новые силы природы, новые свойства вещества природы, отбирающего пригодные для питания растения и поддающихся приручению животных. Свобода проявляется в целенаправленной и избирательной деятельности человека. Каждый новый шаг человека в освоении сил приро-

ды — это выход за рамки освоенного и познанного, расширение относительной независимости от обстоятельств, это новый шаг в свободу, преодоление исторической ограниченности. Свобода есть специфически человеческий способ бытия.

Ф. Энгельс писал: «Первые выделявшиеся из животного царства люди были во всем существенном так же несвободны, как и сами животные; но каждый шаг вперед на пути культуры был шагом к свободе» [Энгельс Ф., 1961, с. 116]. Несмотря на то что уровень первобытного мышления еще невысок, многие достижения человечества приходится на первый исторический период: приручение домашних животных, отбор пригодных в пищу растительных культур, овладение огнем, изобретение жизненно важных орудий труда и др.

Естественно, что первобытный человек должен был удовлетворять в первую очередь базовые, витальные потребности, однако он не остановился только на изготовлении жизненно важных предметов, на знании единичных вещей: у человека появляется потребность раздвинуть горизонт повседневного существования, потребность знать, что такое мир, природа, которые его окружают, т.е. появляется потребность в мировоззрении.

Первые типы мировоззрения — мифологическое и религиозное — основывались на образно-фантастическом отражении действительности, однако уже здесь проявилось стремление первобытного человека преодолеть пропасть между мечтой и действительностью, дерзкая попытка поставить под контроль силы природы, которые практически еще не были подвластны человеку. В магии человек пытается контролировать происходящее, используя могущественные, фантастические силы, он считает, что если сделать все правильно, то результат непременно наступит: «так зарождалась догадка о субъективном могуществе человека при наличии у него знаний и специальной техники» [Чанышев А.Н., 1981, с. 18].

Каждый новый этап развития человека, его сущности — это и новый этап развития свободы, человек становится все более свободным в экономическом, политическом, духовном аспектах, создается все больше возможностей для свободного выбора, хотя, конечно, этот процесс имеет противоречивый характер.

Усложнение сущностных сил человека от эпохи к эпохе, рост богатства их содержания и свободы развития, возрастание степени их индивидуализации — свидетельство направленного исторического процесса на самого человека; разви-

тие его сущностных сил идет в направлении создания условий, когда действительным смыслом человеческого существования станет свободное развитие человеческой индивидуальности. Речь идет не об абстрактной свободе, а о том, что свобода выступает как возможность самореализации: человеческая сущность может быть условием нормальной жизнедеятельности человека. Свободное развитие человеческой индивидуальности предполагает всесторонне развитие всех сущностных сил, когда все члены общества, «занимаясь экономической, политической или духовной деятельностью, являются не механическими исполнителями, но поистине творческими деятелями, свободно ищущими пути и формы своей самореализации...» [Кайдалов В.А., 1992, с. 70].

К. Марксом в «Экономических рукописях 1857–1859 годов» и в «Капитале» были выделены три крупные ступени в развитии труда — ручной, машинный, автоматизированный — и соответствующие им экономические отношения. Ручному труду, связанному с присвоением относительно простых сил природы, соответствуют отношения личной зависимости; машинному — становление которого относится к периоду, когда человек ставит себе на службу сложные силы природы: физические и химические, проникает в микромир — соответствуют отношениям вещной зависимости человека от человека; а автоматизированному труду, связанному с еще более сложными силами природы, должны соответствовать отношения, исключающие зависимость человека в любой форме (личной и вещной) и предполагающие развитие свободной человеческой индивидуальности.

Отношения личной зависимости соответствуют очень низкому уровню развития сущностных сил человека, его производительных сил, для этого этапа характерна сращенность целесообразной деятельности с объективными условиями труда, что способствовало тому «...что одна часть общества обращается с другой его частью просто как с неорганическим и природным условием своего собственного производства» [Маркс К., 1968, с. 478]. В таких типах общества (рабовладельческом и феодальном) развитие человеческой свободы ограничено. Однако, с одной стороны, это историческая необходимость, а с другой — прогресс свободы осуществлялся и в этих обществах. Даже в рабовладельческом обществе самые бесправные его члены — рабы имели определенную возможность улучшить свое положение, по крайней мере, в передовых хозяйствах их использова-

ли по способностям, поэтому некоторые из них занимались даже управленческой деятельностью. Еще больше свободы было у крепостного крестьянина. Несмотря на крепостную зависимость, крестьянин развивается как относительно свободное существо, он, конечно, лично не свободен, но у него есть возможность хотя бы в рамках трудовой деятельности проявлять свободу, у него есть свой надел земли, свои орудия труда и он может самостоятельно распоряжаться частью произведенного продукта.

Развитие сущностных сил человека, в первую очередь способности осваивать все новые более сложные силы природы, приводит к формированию машинного труда, при котором происходит разрыв объективных и субъективных условий труда и впервые в истории «человек обособляется как индивид» [Маркс К., 1968, с. 486]. Непосредственный работник, лишенный средств производства, становится собственником своей рабочей силы, особого товара, который он должен продать собственнику средств производства. Собственность на рабочую силу становится основой индивидуальной свободы человека в капиталистическом обществе. Однако, по Марксу, эта личная независимость основана на вещной зависимости. Личная независимость, это еще недостаточно развитая свобода, это свобода выбора того или иного капиталиста, которому необходимо продать свою рабочую силу, чтобы не умереть с голоду. Такую свободу легко потерять в условиях общественной стихии — конкуренции, безработицы, кризисов, исчезновения традиционных отраслей производства, кардинального изменения типа труда с совершенно новыми требованиями к подготовке рабочей силы, легко потерять в обществе, в котором главная цель капиталиста — получение прибыли, а не развитие и свобода человека. Буржуазные революции совершаются под лозунгом «Свобода, братство и равенство», капиталист уже не требует у государства закрепления чьего бы то ни было зависимого положения, ему нужна свободная рабочая сила, но как средство, орудие, инструмент, который используется для достижения определенных целей. И если достижение этих целей требует развития индивида, он развивается, но в определенных пределах. Капитал, конечно, не блокирует всякое социально-культурное развитие трудящихся, но он пытается направить это развитие в определенное русло, в каком оно не подрывает условия его господства.

Развитие свободной человеческой индивидуальности требует иных общественных отношений, иных отношений в производстве, политической и духовной сферах, иного уровня демократизации общества. В основе отношений, исключая личную и вещную зависимость, лежит третий исторический тип труда — определенный К. Марксом как *всеобщий научный*, или, если определять его с технологической точки зрения, *автоматизированный труд*.

Формирование этой формы труда, которое началось с конца 70-х гг. в высокоразвитых индустриальных странах, создает условия для свободного всестороннего развития каждого человека. В современном наукоемком производстве задействована рабочая сила научно-технического типа: это работники с высоким образовательным уровнем и высокой профессиональной подготовкой, знающие научные основы производства, самостоятельно мыслящие, ответственные, с высокой степенью мобильности и свободы. Использование такой рабочей силы в производстве требует иных производственных отношений, изживания отношений иерархии. Современный собственник средств производства не может эксплуатировать работников так, как это было на этапе классического капитализма (машинный тип труда), он апеллирует к работнику как личности, индивидуальности, создает условия для раскрытия творческого потенциала работников, их организаторских способностей, поскольку вынужден передавать производственные полномочия на более низкий уровень, такими работниками нельзя командовать. В современном производстве свободное развитие творческих потенциалов каждого человека становится экономической необходимостью [Чернова Т.Г., 2014]. Питер Друкер пишет: «Ответственность за производительность целиком возлагается на самого работника. Работники умственного труда должны сами собой управлять (они, так сказать, сами себе менеджеры). Им необходима независимость... Непрерывная инновационная деятельность должна стать неотъемлемой частью умственной работы и включаться в производственное задание работника умственного труда; он должен отвечать за внедрение нововведений... Работнику умственного труда надо, с одной стороны, постоянно учиться, а с другой — постоянно учить... Надо, чтобы работники умственного труда хотели работать на данную организацию и предпочитали этот вариант всем

прочим возможностям» [Друкер П.Ф., 2001, с. 190–191].

Изменение отношений в производстве обуславливает изменение всех других отношений в обществе и требует нового уровня демократизации общества в целом. Производительные силы научно-технического типа складываются в рамках капиталистических производственных отношений, однако производственные отношения, основой которых является частная собственность на средства производства, уже сегодня становятся тормозом развития таких производительных сил.

Природа сущностных сил человека, неуклонная тенденция к их усложнению и возрастанию определяют внутреннюю логику развития человека, его сущности, а следовательно, и его истории. Эта логика, как мы отмечали выше, заключается в том, что человек, проникая в глубинные структуры мира, поднимает самого себя на более высокую ступень развития, прокладывает дорогу к своему безграничному существованию, расширяет степень своей свободы.

В каждую историческую эпоху человеческая сущность принимает определенную форму, которую она впоследствии перерастает. Сущность истории как объективного процесса и состоит в постоянном преодолении человечеством исторической ограниченности своей сущности [Васильева Т.С., 1996, с. 122]. С этих позиций последовательность исторических ступеней представляет собой не простую цепь изменений, а развитие собственно социальной субстанции — родовых и индивидуальных сущностных сил. Исторический процесс имеет необходимый и направленный характер, он направлен вглубь родовой и индивидуальной сущности человека.

Понимание истории как необходимого процесса не исключает человеческой свободы и ответственности, напротив, налагает на человека ответственность за развитие событий. Чрезмерная свобода, как и отказ от свободы, — это безответственность. Общество, в котором господствует абсолютная свобода, не пригодно для существования человека, свобода в таком обществе оборачивается произволом и безответственностью, поскольку в условиях исторической анархии любое действие получает право на существование.

История есть не что иное, как деятельность людей, преследующих свои собственные цели, однако это не исключает необходимости в истории, которая предстает в виде определенным образом развитых на данном этапе сущностных сил

человека, которые и будут определять масштаб возможностей развития человека и те цели, которые он будет ставить

Человек может в некотором смысле игнорировать сложившиеся объективные закономерности, но до определенного предела: законы общественного развития, действуя как тенденции, в то же время являются и законами ограничителями человеческого своеволия, они, как и законы природы, в конечном счете обладают принудительной силой. Если то или иное общество слишком долго игнорирует объективные тенденции, то в жизни такого общества рано или поздно проявятся кризисные явления, оно не будет стабильно, для него будет закрыт путь прогресса, по крайней мере, до того времени, пока существующие в обществе отношения, в первую очередь производственные отношения, не будут приведены в соответствие со сложившимися объективными тенденциями, а точнее, с сущностными силами самого человека, как они реализовались в данный период. Нет необходимости далеко ходить за примерами, можно вспомнить историю собственной страны. В Советском Союзе народно-хозяйственный механизм представлял сложное образование. У нас было наукоемкое производство, с использованием сложной техники и высокоразвитой рабочей силы, но в то же время еще в достаточной степени сохранялось производство, основанное на ручном труде. Общественная собственность была господствующей формой собственности, однако «в отраслях с высокоразвитой научно-технической базой и высококачественным трудом и в отраслях, основанных в значительной мере на ручном труде, она (собственность. — Т.Ч.) существенно различается» [Орлов В.В., Васильева Т.С., 1991, с. 102]. Ручному труду, по Марксу, соответствует частная собственность на средства производства. Поэтому отношения собственности должны были быть приведены в соответствие с реальным уровнем развития производительной силы человека. До определенного момента советское общество развивалось довольно быстрыми темпами, но затем темпы его развития замедлились, проявились некоторые кризисные явления, возникла необходимость в реформах. Для дальнейшего прогрессивного развития этого общества необходимо было реформировать социализм, одной из важнейших задач которого было «сочетать различные формы общественной собственности на орудия и средства производства с частной, индивидуальной, семейной, мелкогрупповой, допускать при сохранении ведущей роли общественной собственности

смешанные ее формы: государственно-кооперативную, государственно-частную и др.» [Орлов В.В., Васильева Т.С., 1991, с. 102]. Однако, как известно, вместо реформирования социализма произошел переход на предшествующую ступень исторического развития — капиталистическую. В нашем обществе нет однозначной оценки реформ, многие политики, общественные деятели, ученые как внутри страны, так и за рубежом (М. Фридмен, В. Леонтьев, Дж.Ю. Стиглиц) дали негативную оценку этим преобразованиям. Известный американский социолог М. Кастельс, хорошо знающий Россию, отмечает, что экономика здесь «потерпела крушение вследствие спекулятивных маневров номенклатуры ради собственной выгоды, вследствие безответственных рекомендаций о введении абстрактной политики свободного рынка со стороны Международного валютного фонда, некоторых западных советников и политически неопытных экономистов, которые внезапно оказались на командных местах» [Кастельс М., 2000, с. 490].

Объективные тенденции развития современной цивилизации показывают ее движение (в лице высокоразвитых стран) в сторону постиндустриального (информационного) общества, от формирования которого в результате проведенных реформ мы в действительности отброшены. В России пока нет достаточно масштабной и эффективной поддержки наукоемкого производства, науки, образования, здравоохранения, без чего невозможен переход в постиндустриальную эпоху. По мнению М. Кастельса, перед Россией вообще встала угроза превращения в сырьевой придаток западных стран на всю обозримую перспективу. Реформы, в результате которых произошло не улучшение ситуации, а ее ухудшение, нельзя назвать позитивными. Как нам представляется, авторы-реформаторы должны нести ответственность за негативные последствия таких преобразований. Народ тоже должен нести политическую ответственность за свои действия или бездействие в политической жизни страны. «Если народ считает, что правительство постоянно его обманывает, но ничего не делает для его замены, то такой народ не заслуживает другого правительства» [Гобозов И.А., 2014, с. 20]. У значительной части людей атрофировано чувство ответственности, широко распространились потребительские настроения. «Ради возможности больше предаваться досугу... массы готовы доверить элите бремя Частной ответственности, принимая соб-

ственную пассивность как должное» [Бязрова Дж.Б., 2001, с. 85].

Объективная необходимость, являющаяся выражением сущностных сил человека, так, как они реализовались на определенном этапе, является критерием оценки свободной деятельности человека. Позитивной является та свободная деятельность человека, которая в существенной мере соответствует его «природе» и способствует социальному прогрессу. И, соответственно, негативной является свободная деятельность человека, которая противоречит объективному ходу истории, общественной потребности. Поэтому «свобода состоит не просто в возможности принимать решения о том, как действовать, а в принятии решений на основе знания своих сил и объективной необходимости, а тем самым и будущих последствий выбранного образа действий» [Семенов Ю.И., 2002, с. 96]. Свобода сопряжена с ответственностью.

Список литературы

Барг О.А. Живое в едином мировом процессе. Пермь, 1993. 227 с.

Бязрова Дж.Б. Прогресс. Человек. Свобода // Философия и общество. 2001. № 1(22). С. 76–86.

Васильева Т.С. Сущность и смысл истории. Пермь, 1996. 135 с.

Гобозов И.А. Свобода: Иллюзия и действительность // Философия и общество. 2014. № 3(75). С. 5–20.

Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. М.: Вильямс, 2001. 272 с.

Кайдалов В.А. Деятельность, творчество, культура // Новые идеи в философии. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. Вып. 1. С. 66–70.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 607 с.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. 560 с.

Орлов В.В. Человек, мир, мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. 220 с.

Орлов В.В., Васильева Т.С. Труд и социализм. Пермь, 1991. 204 с.

Семенов Ю.И. Диалектический материализм: его место в истории философской мысли и современное значение // Философия и общество. 2002. № 3(28). С. 74–102.

Урманцев Н.М. Свобода общества и человека: аспекты самоорганизации // Философия и общество. 2007. № 4(48). С. 68–82.

Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высш. школа, 1981. 374 с.

Чернова Т.Г. О соотношении свободы и необходимости // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 20–24.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 1–338.

Получено 19.01.2018

References

Barg O.A. (1993). *Zhivoe v edinom mirovom protsesse* [Living in a single world process]. Perm, 227 p. (In Russian).

Byazrova J.B. (2001). *Progress. Chelovek. Svoboda* [Progress. Man. Freedom]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. No. 1(22). P. 76–86. (In Russian).

Castells M. (2000). *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Informational epoch: economics, society and culture]. Moscow, HSE Publ., 607 p. (In Russian).

Chanyshv A.N. (1981). *Kurs lektsiy po drevney filosofii* [Course of lectures on Ancient philosophy]. Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 374 p. (In Russian).

Chernova T.G. (2014). *O sootnoshenii svobody i neobkhodimosti* [On the relation between freedom and necessity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. No. 2(18), pp. 20–24. (In Russian).

Drucker P.F. (2001). *Zadachi menedzhmenta v XXI veke* [Management Challenges for 21st Century]. Moscow: Vil'yams Publ., 272 p. (In Russian).

Engels F. (1961). *Anti-Duyring* [Anti-Duhring]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., vol. 20, pp. 1–338. (In Russian).

Gobozov I.A. (2014). *Svoboda: illyuziya i deystvitel'nost'* [Freedom: Illusion and reality]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. No. 3(75), pp. 5–20. (In Russian).

Kaydalov V.A. (1992). *Deyatel'nost, tvorchestvo, kul'tura* [Activity, creativity, culture]. *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. Perm, Perm State University Publ., iss. 1, pp. 66–70. (In Russian).

Marx K. (1968). *Ekhonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov* [Economic manuscripts of 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., vol. 46, part 2, 560 p. (In Russian).

Orlov V.V. (1985). *Chelovek, mir, mirovozzrenie* [Man, world, worldview]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 220 p. (In Russian).

Orlov V.V., Vasileva T.S. (1991). *Trud i sotsializm*. [Labor and socialism]. Perm, Perm State Univ. Publ., 204 p. (In Russian).

Semyenov Yu. I. (2002). *Dialekticheskiy materializm: ego mesto v istorii filosofskoy mysli i sovremennoe znachenie* [Dialectical materialism: its place in the history of philosophical thought and contemporary value]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. No. 3(28), pp. 74–102. (In Russian).

Urmantsev N.M. (2007). *Svoboda obshchestva i cheloveka: aspekty samoorganizatsii* [Freedom of society and man: aspects of self-organization]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. no. 4(48), pp. 68–82. (In Russian).

Vasil'eva T.S. (1996). *Sushchnost' i smysl istorii* [The essence and meaning of history]. Perm, 135 p. (In Russian).

Received 19.01.2018

Об авторе

Чернова Татьяна Геннадьевна
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ChernovaTG@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0608-0075

About the author

Tatiana G. Chernova
Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ChernovaTG@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0608-0075

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чернова Т.Г. Свобода и ответственность как сущностные силы человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 45–52. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-45-52

For citation:

Chernova T.G. Freedom and responsibility as intrinsic forces of a person // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 45–52. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-45-52

УДК 141.82:330.82

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-53-62

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПЛАНИРОВАНИЯ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ильиных Константин Александрович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Экономическая система развивается от кризиса к кризису. После Великой депрессии страны капиталистического и социалистического блоков активно применяли методы государственного планирования развития экономики, первые — в рамках индикативного и стратегического планирования, вторые — в рамках директивного планирования, основанного на принципе демократического централизма. В капиталистических странах рос государственный сектор, развивались методы внутрифирменного планирования, сформировалась контрактная система, позволяющая государству напрямую вмешиваться в рыночный процесс. Кризис 1970 г. положил конец кейнсианскому методу регулирования экономики в капиталистических странах, социалистические страны начали планомерно или в результате «шоковой терапии» переходить к рыночной экономике. Началось господство неолиберализма, ознаменовавшее отказ от государственного вмешательства в дела рынка, сворачивание государственных программ планирования. Кризис 2008 г. стал ударом для неолиберальной парадигмы, стремительно теряющей сторонников (Джеффри Сакс, Джозеф Стиглиц, Пол Кругман, Джордж Сорос), затянувшееся восстановление экономики вызвало по всему миру неоконсервативную реакцию. Анализ особенностей планового периода регулирования мировой экономики в капиталистических и социалистических странах, сравнение достижений этого периода (опыт СССР, «экономические чудеса» золотого века капитализма) с достижениями неолиберальной парадигмы показывает сравнительно низкую эффективность последней как с экономической, так и с гуманистической точки зрения. Причина неэффективности рыночного способа регулирования экономики сокрыта в фундаментальных принципах капитализма, описанных Марксом. В связи с автоматизацией производства происходит разложение абстрактного труда, измеримого рабочим временем, а поскольку абстрактный труд является субстанцией меновой стоимости, разрушаются стоимостные отношения, лежащие в основе рынка. Как показал опыт XX в., действенная альтернатива рынку — усиление роли планирования. Но, чтобы избежать ошибок прошлого, функции управления должны быть переданы гражданскому обществу посредством методов прямой демократии.

Ключевые слова: планирование, неолиберализм, «экономическое чудо», «золотой век» капитализма, опыт планирования СССР, неоконсервативная реакция, абстрактный труд, меновая стоимость.

CONTRADICTION BETWEEN PLANNING AND NEOLIBERALISM IN CONTEMPORARY SOCIETY

Konstantin A. Ilinykh

Perm State University

The economic system develops through crises. After the Great Depression, capitalist and socialist countries applied state planning methods of economic development. Indicative and strategic planning was utilized by capitalist countries; directive planning based on the principle of democratic centralism was employed by socialist countries. In capitalist countries, the public sector was increasing, methods of corporate planning were developing; a contract system was formed so that government could directly intervene in market process. The 1970s energy crisis terminated the Keynesian method of economic regulation in capitalist countries; socialist countries began moving towards the market economy by shock therapy or state planning. Dominance of the neoliberal paradigm marked an end to government intervention in the market economy and state planning programs. The 2008 financial crisis challenged neoliberalism and deprived it of some influential advocates:

Jeffrey Sachs, Paul Krugman and George Soros. Prolongation of economic recovery has led to neoconservative reaction across the globe. The analysis of the period when capitalist and socialist countries' economies were regulated by state planning as well as comparison of this period achievements (economic miracles of the golden age of capitalism, USSR planning experience) with neoliberalism achievements demonstrates comparatively poor performance of neoliberalism from both economic and humanitarian perspectives. The reason for the ineffectiveness of neoliberalism is hidden deep in the fundamental principles of capitalism derived by Marx. Development of machines eventually leads to automation of production, which diminishes labor measured by labor time, or abstract labor. Since abstract labor is a substance of exchange value, market relations and capitalist mode of production itself deteriorate. Abstract labor erosion is a sign of the crisis of capitalism as a system. The 20th century demonstrates that planning is a practical alternative to the market. However, to avoid mistakes of the past, government functions should be delegated to civil society by developing direct democracy.

Keywords: planning, planning, neoliberalism, economic miracles, golden age of capitalism, USSR planning experience, neoconservative reaction, abstract labor, exchange value.

Финансовый кризис 2008 г. заставил усомниться в неолиберальной научной парадигме, отрицающей необходимость постоянного вмешательства государства в экономику, и по всему миру началась неоконсервативная реакция: выход Англии из Евросоюза, приход к власти неоконсерваторов с популистскими лозунгами (Трамп) и центристов (Макрон), учитывающих интересы рабочих. Произошедшее не случайно — XX в. наглядно показал, что человечество развивается от кризиса к кризису. После Великой депрессии экономика капиталистических стран повсеместно стала регулироваться кейнсианскими методами, подразумевающими активную фискальную и монетарную политику государства и применение механизма *планирования*. Кризис 70-х гг. положил конец кейнсианской экономике, привел к сворачиванию программ планирования, обратил надежды людей на финансовый сектор экономики, способный профинансировать любые начинания свободного рынка. Но, как показал исторический процесс, пафос отрицания успешно применявшихся методов регулирования экономики оказался не оправдан, а планирование, независимо от того, применялось оно в капиталистических или социалистических государствах, доказало на практике свою эффективность.

Планирование в капиталистических странах имеет следующие особенности:

1. *Развитие методов директивного планирования в целях повышения эффективности управления коммерческими предприятиями.* Если стратегический план фирмы еще подразумевает определенную степень свободы исполнителей, то краткосрочные и среднесрочные планы фирмы носят для работников и структурных подразделений фирмы директивный характер, невыполнение несет штрафные санкции, невыполнение пре-

мируется. Крайней формой директивного планирования является проектный менеджмент, в рамках которого для выполнения какого-либо ограниченного по времени проекта детально прописываются мероприятия по исполнителям, времени исполнения и расходуемым ресурсам. Гэлбрейт [Гэлбрейт Дж., 2004] связывает развитие внутрифирменного планирования с развитием техники: производство вовлекает в себя все большее количество необходимых операций, в том числе и по сбыту продукции, требуется больший объем капиталовложений, удлиняется время производства. К планированию подталкивает и конкуренция. Корпорации начинают вкладывать большие средства в маркетинг и рекламу: поскольку сытого потребителя нужно убедить приобрести товар, особое значение приобретает контроль над спросом. Прибыль корпораций, производящих капиталоемкую продукцию с длинным производственным циклом, сильнее реагирует на кризисы, поэтому корпорации заинтересованы в поддержании стабильного совокупного спроса, который может обеспечить лишь государство.

2. Следовательно, появляется тенденция к *планированию рыночных отношений в рамках индикативного и стратегического планирования*. При индикативном планировании формируется система индикаторов, которые характеризуют состояние и развитие экономики страны. В качестве индикаторов используется разветвленная система статистических показателей социально-экономической деятельности, характеризующих динамику, структуру и эффективность экономической и финансовой деятельности, денежного обращения, рынка товаров и ценных бумаг, движения цен, занятости, уровня жизни населения и т.д. Задавая с помощью индикаторов общее направление развития экономики на ближайшее будущее, государство дает предпринимателям сигналы о том, куда движется экономи-

ка, учитывая эти сигналы, производители обосновывают свои инвестиции. Частные предприятия ориентируются на индикативный план, подстраиваясь под самого мощного «игрока» в рыночной системе — государство, даже если это для них не обязательно.

На определенном этапе развития индикативное планирование приобретает форму стратегического планирования, в рамках которого определяются приоритетные цели и ставятся задачи на долгосрочный период, ответственность за реализацию которых берет на себя государство. В соответствии с поставленными задачами производится финансирование и разрабатываются конкретные мероприятия, стратегический план с помощью системы ключевых показателей эффективности детализируется до регионов, отраслей и конкретных государственных предприятий. Многие развитые и развивающиеся страны вопреки неолиберальной парадигме до сих пор функционируют в соответствии с разработанными стратегическими планами. В России, например, действует «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации», полным ходом идет разработка Стратегии развития России до 2035 г. В Германии имеется Стратегия устойчивого развития, осуществляемая Государственным комитетом по вопросам устойчивого развития. Стратегии развития есть у Польши, Евросоюза (Европа – 2020). Франция и США реализуют стратегическое планирование в форме государственных программ.

3. *Использование компромиссных для рыночной экономики вариантов прямого государственного вмешательства в экономику — контрактной системы.* Контракты (например, государственные закупки) подчиняют внутрифирменные планы корпораций достижению установленных между государством и фирмой договоренностей.

4. *Обширный государственный сектор*, свойственный постиндустриальному обществу, который не подчиняется рыночному регулированию, поэтому его работу необходимо тщательно планировать, в том числе и путем применения жестких директивных методов. Доля государственных расходов в ВВП Германии на 2014 г. составляет 45,3 %, Франции — 57,3 %, Швеции — 51,5 %, Великобритании — 43,8 %, Японии — 42,1 %, США — 38,1 % [General...]. По мнению исследователей Е. Балацкого и Н. Екимова, доля государственной собственности в здоровой экономике должна находиться в промежутке от 38 % до 62 % [Сулашкин С., 2013]. В России же доля государ-

ственных расходов в ВВП, на 2014 г. составляет всего 35,6 % и с 2000 г. не поднималась выше 38 %. По прогнозам доля расходов государства в ВВП упадет до 31,7 % к 2020 г. [Russia General...].

Экономические чудеса XX века

Время с 1947 по 1975 г. считают «золотым веком» капитализма, во Франции этот период называют «славным тридцатилетием», а в Швеции — «рекордными годами». Рост общего благосостояния, зарплат, практическая реализация идей социального государства, увеличение доли среднего класса, темпов роста промышленного производства, ВВП, демографический взрыв — сформировалось общество потребления. Распространенным явлением для «золотого века» капитализма были «экономические чудеса» в таких странах, как Япония, Германия, Италия, Испания, Швеция, Греция, Южная Корея, Бразилия, Мексика, Тайвань, Сингапур и др.

Политика дирижизма во Франции привела к стабилизации среднегодового темпа роста ВВП на уровне 4,6 %, темпов роста промышленного производства — на уровне 5,3 % [Черников Г., 2009]. Политика дирижизма заключалась в применении прямых методов административного вмешательства в экономику, предпринимательской деятельности государства, стратегическом планировании. Де Голль говорил: «План — это высший институт нации» [Черников Г., 2009]. Результатом политики дирижизма стала проведенная в кратчайшие сроки индустриализация страны, рост производительности сельскохозяйственного сектора, активное развитие сферы услуг. Темпы роста Франции в «славное тридцатилетие» превышали темпы роста США и Великобритании. Франция стала главным сельскохозяйственным экспортером Западной Европы. В 1972 г. товарный экспорт Франции опередил экспорт Великобритании и закрепился на 4-м месте [Черников Г., 2009].

Японское послевоенное экономическое чудо. Япония вошла в «славное тридцатилетие» проигравшей, оккупированной страной, а вышла из него одним из лидеров высокотехнологичного сектора и одним из крупнейших мировых экспортеров. Темпы роста ВВП Японии в «золотой век» достигали 11 % в год [Малахова О.А., 2011]. Хотя многие эксперты главным фактором возрождения Японии называют участие американских менеджеров и экономистов, существует более фундаментальная причина — государство активно вмешивалось в экономическую жизнь общества

посредством индикативного планирования, проведения земельной и бюджетной реформы, инвестиций в науку и образование, регулирования сферы занятости (введение пожизненных контрактов). Немаловажную роль сыграл менталитет японцев, которому близок коллективизм.

Экономическое чудо Италии связывают с возрождением промышленной буржуазии, открытием нефтяных месторождений, но и государство активно участвовало в экономической жизни страны, в частности нефтехимическая отрасль фактически оказалась в руках специально созданного государственного предприятия — Национального правления жидкого топлива. Темпы роста ВВП Италии в 1951–1963 гг. достигали 5,8 %, в 1964–1973 гг. — 5 %. *Экономическое чудо Испании* произошло вопреки плану Маршалла, поскольку страна из-за диктаторского режима Франсиско Франко не получила финансовой помощи от США. Грамотные действия правительства, направлявшего инвестиции в сталелитейную, судостроительную, текстильную отрасли, в туризм, и стабилизационный план обеспечили стране средний годовой прирост ВВП в 6,6 % годовых [Похищение..., 2015].

«Рейнское чудо», или «Виртшафтсвундер», в ФРГ было заслугой социального государства (термин был закреплен в Конституции), осуществлявшего концепцию социального рыночного хозяйства Эрхарда. Концепция предполагала возрождение рыночной экономики на базе конкуренции, но с сильным государством, которое обеспечивало социальную справедливость, давало налоговые преференции малым и средним предприятиям, доказавшим свою эффективность. Заработная плата росла на 5 % каждый год, стремительно снижался уровень безработицы, выплачивались пособия по безработице, запрещались необоснованные увольнения, было организовано тотальное жилищное строительство с участием государства и концернов, огромную роль играли профсоюзы [Иванчук Д.В., 2015].

Термином *«Чудо на реке Ханган»* обозначают стремительный подъем экономики Южной Кореи после окончания Корейской войны. Экономический рост сопровождался сменой диктаторских и авторитарных режимов, но независимо от того, правил страной военный диктатор или президент, позиция государства по экономическим вопросам оставалась неизменной — в стране формировался регулируемый государством капитализм. Государственная политика осуществлялась посредством пятилетних планов, направленных на раз-

витие тяжелой промышленности, инфраструктуры, науки и образования.

Защитники рыночной экономики успехи «золотого века» капитализма называют доказательством окончательной победы капитализма над левым проектом. Но во многом эти успехи были связаны с реализацией проекта социального государства, осуществляющего индикативное планирование экономики. «Золотой век» капитализма на самом деле был «золотым веком» планирования, пусть и интегрированного в рыночную экономику.

Опыт планирования в СССР

Советский экономист Ведута так характеризует планирование в СССР: «В течение многих лет планирование совершенствовалось и в нем отрабатывалось сочетание директивности и демократичности. Рыночники, противопоставляя планированию “свободу”, похоже не замечали, что давным-давно составление народно-хозяйственных планов начиналось снизу, в трудовых коллективах. Затем проекты планов предприятий, согласованные с потребителями, проходили детальную увязку по всем ступеням иерархии управления, утверждались на правительственном уровне и только после этого становились директивными, обязательными к выполнению всеми. Различного рода “проекты века” и прочие грандиозные задачи выдвигались, обсуждались и вносились в планы квалифицированными учеными, крупнейшими научными образованиями» [Ведута Е.Н., 1999, с. 158].

Таким образом, главный принцип плановой экономики СССР — принцип демократического централизма, согласно которому централизованное руководство сочетается с самостоятельным управлением предприятий трудящимися, заинтересованности предприятий в реализации плана. На каждом предприятии были свои плановые отделы, которые разрабатывали планы производственных предприятий на основе указаний и информации от вышестоящих органов и с учетом собственных предложений. Министерства и ведомства на своем уровне на базе планов предприятий и государственных задач составляли комплексные планы развития отраслей. Свои планы были и у союзных республик. Сводный народно-хозяйственный план утверждался Верховным Советом СССР, в процессе реализации плана могли осуществляться его корректировки. В основе плана лежала целостная система показателей, отражающая основные задачи плана, составляемая в отраслевом и территориальном разрезе. Балансовый метод планирования обеспечивал пропорци-

ональность и взаимосвязь планового развития всех звеньев экономики, увязку потребностей и ресурсов в масштабе всего народного хозяйства.

Планирование в СССР прошло несколько этапов. После краткого периода военного коммунизма осуществлялась новая экономическая политика (НЭП), которая допускала существование при строгом контроле государства частного капитала. В государственном секторе формировалось централизованное директивное планирование, в частном секторе использовались методы индикативного планирования, к которым капиталистические страны придут только после Великой депрессии. После свертывания НЭП формируется централизованная система планирования. В СССР впервые в истории был создан первый плановый государственный орган, полностью ответственный за планирование — Госплан, благодаря которому был разработан долгосрочный план развития страны — ГОЭЛРО. Управление страной осуществлялось посредством пятилеток, задававших основные показатели социально-экономического развития страны. Пятилетние, годовые и долгосрочные планы были взаимоувязаны посредством единых целей и задач, единства структуры, показателей, общей методологией. Основной курс был взят на развитие тяжелой промышленности. Созданная плановая система стабильно функционировала до середины 80-х гг., успешно показав себя в военное время. После смерти Сталина проводились неудачные попытки ее модернизации (введение совнархозов, целевых программ), не получило должного развития планирование на долгосрочный период. В итоге неизменная плановая система начала давать сбой, нарушения были как со стороны властных органов, которые постоянно вносили изменения в уже утвержденные планы, так и на местах — субъекты планирования завышали показатели, стремясь к текущей выгоде. В целях ускорения развития экономики начинается перестройка путем внедрения рыночных методов хозяйствования, которая на практике только ухудшила показатели экономического роста и усугубила дефицит. Причины разрушения СССР хорошо сформулированы в работе Н.И. Ведуты [Ведута Е.Н., 1999]:

– Низкий изначальный уровень развития общества, из-за которого были необходимы силовые методы укрепления власти. Незрелость институтов гражданского общества сделала возможным культ личности, подавление инакомыслия.

– Возвращение к товарному производству, внедрение рыночного механизма, поощрявшего максимизацию прибыли и самофинансирование

предприятий, произведенное при Горбачеве, противоречило сущности общественной собственности на средства производства при социализме, социалистическое производство поздними экономистами начинает рассматриваться как товарное, что противоречит важнейшим положениям марксистско-ленинского учения. Поэтому неудивительно, что система рухнула.

– Игнорирование объективной категории равновесных цен при принятии решений о производстве товаров привело к дефициту отдельных групп товаров, возникновению теневой экономики.

– Несбалансированное развитие экономики, в результате которого основные усилия были направлены на производство средств производства (товары группы А), а не на удовлетворение потребностей граждан (товары группы Б).

Некоторые авторы видят причину упадка СССР в том, что плановая система не справилась с задачей обновления производственных мощностей, модернизации производства и, следовательно, повышения производительности труда. Поэтому максимальные темпы роста экономики приходится на период до 1960-х гг., когда производственные мощности исправно работали. В рыночной экономике стремление к прибыли побуждает капиталиста как можно чаще обновлять машины. Например, в США машины в среднем служат 16–20 лет, затем заменяются на более современные, а в СССР срок службы машин составлял до 33 лет и более. Производство старались не останавливать, это привело бы к невыполнению плановых заданий [Попов В.В., 2007].

Общее снижение темпов экономического роста в 1960–1990 гг. не отрицает того, что в 1917–1960 гг. система планирования показывала неординарные результаты:

– Проведена форсированная политика повышения грамотности населения. Если в России 1914 г. выпуск из высших учебных заведений составлял 10,7 тыс. человек, а в СССР 1928 г. — 28,7 тыс. человек, то в 1956 г. выпуск увеличился до 259,9 тыс. человек, то есть вырос в 24,3 раза [Достижения..., 1957, диаграмма 26]. Численность специалистов с высшим образованием выросла за тот же период со 136 до 2633 тыс. человек, т.е. в 19,4 раза [Достижения..., 1957, диаграмма 27]. Численность научных работников увеличилась с 10,2 тыс. человек в 1914 г. до 239,9 тыс. человек в 1956 г., т.е. в 23,5 раза [Достижения..., 1957, диаграмма 26].

– Среднегодовой темп роста национального дохода по расчетам из официальной статистики

СССР в 1929–1932 гг. составлял 16,3 %, в 1932–1937 гг. — 16,1 %, в 1940–1950 гг. — 5,1 %, в 1950–1956 гг. — 11,3 %. Национальный доход СССР за период с 1913 по 1956 г. вырос примерно в 17 раз [Достижения..., 1957, с. 22]. Показатель национального дохода сопоставим с показателем ВВП, поэтому можно сравнить темпы роста национального дохода СССР и темпы роста ВВП стран, демонстрировавших «экономические чудеса». В экономической науке принято говорить о чуде Японии, Южной Кореи, Сингапура, но ни одно из этих чудес не приблизилось по темпам экономического роста к темпам СССР в 1929–1937 гг. Примечателен тот факт, что СССР избежал Великой депрессии. Темп роста политического противника СССР — США достиг пика в 1932–1937 гг. — 9,6 %, что было связано с быстрым восстановлением экономики после кризиса (не без использования методов планирования), но в остальные годы не превышал 4,8 % [Достижения..., 1957, с. 22].

– Среднегодовой темп роста производительности труда в промышленности в период НЭПа достигал 8,8 %, а в 1933–1937 гг. приблизился к 12,7 %, в 1940–1950 гг. из-за Второй мировой войны упал до 3,1 %, в 1951–1956 гг. в среднем приближался к 7,5 % [Достижения..., 1957, с. 26]. За период с 1913 по 1956 г. производительность труда выросла примерно в 9 раз [Достижения..., 1957, с. 28]. В 1956 г. по сравнению с данными до революции более чем в 2 раза выросла продолжительность жизни, в 14 раз выросло число врачей, в 69 раз — число книг [Достижения..., 1957, с. 33]. Основные фонды промышленности выросли в 30 раз [Достижения..., 1957, с. 43], что свидетельствует об успешной индустриализации страны. В 1930 г. газеты объявили СССР первой страной, где была полностью ликвидирована безработица [Достижения..., 1957, с. 247], росли социальные выплаты и льготы (с 2 млрд. руб. в 1927–1928 гг. до 169 млрд. руб. в 1956 г.) [Достижения..., 1957, с. 328].

У Советского Союза было несколько возможных путей модернизации в рамках существующей системы планирования. Первый путь заключался в планомерном переходе на рыночную экономику с сохранением институтов планирования. По данному пути пошел Китай, приток иностранного капитала позволил стране в кратчайшие сроки провести индустриализацию, захватить иностранные рынки посредством дешевой продукции, а закрепившись на них, начать производить высококачественную продукцию, которая сегодня

конкурирует с ведущими западными брендами. Россия после «шоковой терапии» эту возможность потеряла. Советский экономист Л.Б. Вид считал, что освобождение централизованного планирования от решения частных задач позволило бы сконцентрировать внимание Госплана на крупных проблемах, на перспективном планировании, правильном определении приоритетов развития и точек роста [Вид Л.Б., Иванов Е.А., 1990].

Второй, более сложный, путь заключался в модернизации централизованного планирования посредством автоматизации процессов управления с помощью экономической кибернетики, средств математики, электронной вычислительной техники, введения качественных показателей деятельности предприятий и работников, которые бы стимулировали предприятия чаще обновлять производственные мощности, а работников — повышать производительность труда. В частности, Ведута рекомендует делить фонд оплаты труда предприятий на две части — нормативный, устанавливаемый в соответствии с принятыми нормами оплаты труда, и премиальный, величина которого зависит от количественного и качественного экономического эффекта.

Оба варианта могли стимулировать экономический рост СССР, который в 1960–1980-е гг. брал на себя все больше мировых обязательств, тратил огромные средства на противостояние Западу в холодной войне. Требовалась реформа системы планирования, но в итоге произошел полный отказ от нее. После распада СССР Россия осталась без института планирования, который в развитых государствах даже при рыночной экономике играет большую роль.

Неолиберализм

В 1970-е гг. в научной и политической среде начинает набирать популярность неолиберализм, экономическое учение, которое отрицает необходимость государственного участия в экономике и исповедует свободный ничем неограниченный рынок в условиях глобализации и тем самым входит в противоречие с планированием, доказавшим свою эффективность в капиталистических и социалистических странах. Основоположники неолиберализма — Фридман, Хайек, Поппер. В основе неолиберализма лежат ценности достоинства человеческой личности и свободы, но согласно неолиберализму эти ценности могут гарантироваться только свободным рынком. Свободный рынок приводит к образованию экономической элиты, но с повышением богатства элиты

повышается благосостояние всего общества. Государство должно защищать права и свободы индивидов, содержать армию, обеспечивать функционирование институтов (образование, наука, здравоохранение), работу рынков, сохраняя свое влияние на минимальном уровне. Неолиберализм отрицает *планирование* и контроль, поскольку они являются препятствиями для установления свободного общества.

Зачастую неолиберализм всерьез рассматривают как политический проект, нацеленный на восстановление власти экономической элиты, систему оправдания и легитимации достижения этой цели [Fuchs Ch., 2013, с. 17]. Согласно исследованию Харви [Harvey D., 2007], неолиберализм является реакцией общества классового компромисса, сформировавшегося после кризиса 1930 г., на очередной кризис 1970-х гг. Чтобы избежать кризиса легитимации власти, несмотря на предшествовавший кризису 1970-х гг. «золотой век» капитализма, управленческая система (государство) складывает с себя ответственность за управление обществом путем внедрения неолиберальных принципов регулирования экономики и неолиберальной идеологии, хотя действенной альтернативой было усиление государственного контроля над экономикой для стабилизации экономической ситуации.

Дэвид Харви выделяет несколько теоретических противоречий неолиберальной теории:

– Расплывчатая позиция об ограничении власти монополий. Считается, что монополии допустимы, пока не ограничивают вхождение новых игроков на рынок, но на практике это оказывается невыполнимым, поэтому в вопросе монополий допускается ограниченное вмешательство государства при помощи рыночных методов.

– Предположение о том, что все рыночные игроки обладают одинаковой информацией о рынке, должно обеспечивать здоровую конкуренцию, но это предположение не соблюдается на практике, что приводит к возникновению монополий. Кроме того, неолиберализм сам ограничивает распространение информации с помощью прав интеллектуальной собственности. Компания, обладающая исключительными правами на изобретения, может безнаказанно устанавливать монопольные цены на товары.

– Согласно постулатам неолиберальной теории конкуренция является движущей силой прогресса, поскольку стимулирует бизнес создавать новые изобретения. Но в современном мире предложение высокотехнологичных товаров со-

здает спрос на них, а потому неконтролируемый прогресс может привести к дестабилизации социальных институтов. Новые технологии (геновая инженерия) должны быть подконтрольны обществу, а не предприятиям, которые хотят извлечь из них прибыль.

– Политические противоречия между индивидуализмом и правом на осознанную коллективную жизнь. С одной стороны, неолиберализм поощряет свободу выбора индивидов, с другой — запрещает им делать выбор, направленный на создание сильных коллективных институтов (профсоюзов) или политических партий, которые ставят целью заставить государство вмешиваться в рыночную экономику. Демократию неолиберализм воспринимает как угрозу, которая способна привести к диктатуре и популизму. Власть согласно неолиберализму должна принадлежать элите и экспертам.

– Неолиберализм сталкивается с противоречиями и на практике. В случае кризисов развитые страны (например, США) стремятся поддерживать ведущие банки, хотя концепция неолиберализма предполагает, что банк должен расплачиваться за свои ошибки, теряя прибыль.

Неолиберализм, по мнению Харви, породил результат, противоположный целям его основателей. Глобализация, сместившая производство в развивающиеся страны, где рабочие не организованы, и ограничения, накладываемые государством на профсоюзы в развитых странах, привели к падению уровня заработной платы, потере рабочими льгот и социальных гарантий. Повсеместно к власти приходят популисты, идет реабилитация национализма, иногда в крайних формах — происходит неоконсервативная реакция. Но у политики неолиберализма есть положительный результат. Гражданское общество становится реальной оппозицией государственной власти, начинает восприниматься как ее альтернатива. Противостояние между неолиберальным государством и гражданским обществом будет способствовать развитию последнего, как в свое время противостояние пролетариата и буржуазии способствовало развитию рабочего движения.

О «достижениях» неолиберализма красноречиво говорит статистика. Совокупный мировой темп экономического роста упал с 3,5 % в 1960-х гг. до 1 % в 2000-х гг. [Harvey D., 2007, p. 154]. Это означает, что рост, которые показывали в период господства неолиберализма страны-лидеры — США (3–4 % рост [Котц Д.М., 2003]) и Китай (10 % рост [Harvey D., 2007, p. 122]), был достиг-

нут за счет перераспределения богатства. В России в 90-е гг. доход на душу населения падал на 3,5 % ежегодно. Безработица в странах Латинской Америки выросла с 29 % в 1980-х гг. до 44 % в 1990-х гг. [Harvey D., 2007, p. 154]. Миланович, ведущий экономист Исследовательского отдела Всемирного банка, проанализировав неравенство в 91 стране за 1988–1993 гг., приходит к выводу о росте коэффициента Джини, используемого для определения уровня неравенства, с 0,63 до 0,68 [Глобализация..., 2012, с. 20]. Коэффициент Джини, характеризующий здоровую экономику, не должен быть выше 0,35. Глобализация вновь сделала безнаказанной предельную эксплуатацию труда: Харви приводит свидетельства работников иностранных предприятий Индонезии, Китая, Мексики, Кореи, Африки и др., которые напоминают об ужасах, описанных Марксом и Энгельсом в «Капитале» и в «Положении рабочего класса в Англии». Причем капитализм в первую очередь, как и кризис, наносит удар по женщинам и детям. Бывшие сторонники неоллиберализма становятся его критиками (Джеффри Сакс, Джозеф Стиглиц, Пол Кругман, Джордж Сорос), они призывают вернуться к кейнсианскому способу регулирования экономики. Против неоллиберализма активно высказывался Гэлбрейт, видевший в нем причину возрастающего неравенства в обществе. По его мнению, сильнее всех пострадала от неравенства Россия, которая по уровню неравенства опустилась до уровня Гаити, Чили и Панамы [Глобализация..., 2012, с. 20]. Известный экономист Нуриэль Рубини видит в росте неравенстве крах англосаксонской модели невмешательства государства в экономику. «Азиатская» модель роста, которая подразумевает планомерное освоение рынков от государственного вмешательства, по мнению Рубини, не является действенной альтернативой, поскольку привела к тем же последствиям [Глобализация..., 2012, с. 11].

Книга Харли, посвященная краткой истории неоллиберализма, вышла за год до финансового кризиса 2008 г., который стал поворотным в истории господства неоллиберальной экономики. К 2017 г. стало понятно, что экономика, функционирующая по принципам неоллиберализма, не в состоянии показать значительный экономический рост и ведет к росту социального напряжения. За неэффективностью рынка кроются глубинные причины, искать которые следует в предельных абстракциях производственных отношений, разработанных Марксом. В связи с автоматизацией производства происходит разложение абстрактно-

го труда, измеримого рабочим временем, а поскольку абстрактный труд является субстанцией меновой стоимости, разрушаются стоимостные отношения, лежащие в основе капитализма. Сегодня это ведет к неэффективности рыночного метода регулирования экономики, а в перспективе — к гибели стихийного способа производства. Как показал опыт XX в., действенная альтернатива — усиление роли планирования. Но, чтобы избежать ошибок прошлого, функции управления должны быть переданы гражданскому обществу посредством методов прямой демократии.

Список литературы

- Ведута Е.Н.* Социально эффективная экономика / под общ. ред. д-ра экон. наук Е.Н. Ведута. М.: Изд-во РЭА, 1999. 254 с.
- Вид Л.Б., Иванов Е.А.* Новая философия планирования. М.: Экономика, 1990. 160 с.
- Глобализация как фактор социальных перемен в современном мире: сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобал. и регионал. проблем; отв. ред. С.Я. Веселовский. М., 2012. 224 с.*
- Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество: пер. с англ. М.: АСТ: ООО «Транзиткнига»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 602 с.
- Достижения советской власти за сорок лет в цифрах: стат. сб. М.: Госстатиздат, 1957. 371 с.*
- Иванчук Д.В.* Немецкое «экономическое чудо» и социально-государственное строительство в ФРГ в 1950-е годы // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2015. № 2–1(32–1). С. 86–90.
- Котц Д.М.* Неоллиберализм и экономическое развитие США в 90-е годы // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». 2003. № 1. URL: http://vasilieva.narod.ru/6_1_03.htm (дата обращения: 26.10.2017).
- Малахова О.А.* «Японское экономическое чудо» — прошлое или будущее? // Проблемы современной экономики: матер. Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2011 г.). / под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 61–64.
- Попов В.В.* Почему снижались темпы роста советской экономики в брежневский период? // Неприкосновенный запас. 2007. № 2(52). С. 64–76. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/pob.html> (дата обращения: 26.10.2017).
- Похищение Европы.* Какую роль сыграл план Маршалла в восстановлении послевоенной экономики // Lenta.ru. 2015. 21 мар. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/21/europa/> (дата обращения: 26.10.2017).
- Сулашкин С.* Государственная и частная собственность // Центр Сулашкина, 27 июня 2013 г.

URL: <http://rusrand.ru/analytics/gosudarstvennaja-i-chastnaja-sobstvennost> (дата обращения: 26.10.2017).

Черников Г. Славное тридцатилетие. Голлистская модель модернизации экономики Франции после Второй мировой войны показала себя весьма эффективной // Эксперт. 2009. 28 дек. URL: http://expert.ru/expert/2010/01/slavnoe_tridcatiletie/ (дата обращения: 26.10.2017).

Fuchs Ch. Capitalism or information society? The fundamental question of the present structure of society // *European Journal of Social Theory*. 2013. Vol. 16, iss. 4. P. 413–434. URL: <http://fuchs.uti.at/wp-content/infocejest.pdf> (accessed: 31.10.2017).

General government spending. OECD Data. URL: <https://data.oecd.org/gga/general-government-spending.htm#indicator-chart> (accessed: 23.01.2018).

Harvey D. A Brief History of Neoliberalism. Oxford: Oxford University Press, 2007. 247 p.

Russia General Government Total Expenditure, % of GDP. Quandl. URL: https://www.quandl.com/data/ODA/RUS_GGX_NGDP-Russia-General-Government-Total-Expenditure-of-GDP (accessed: 23.01.2018).

Получено 09.11.2017

References

Chernikov G. (2009). *Slavnoe tridtsatiletie. Gollistskaya model' modernizatsii ekonomiki Frantsii posle Vtoroy mirovoy voyny pokazala sebya ves'ma effektivnoy* [Glorious Thirty. De Gaullist model of France economy modernization after World War II was very effective]. *Ekspert* [Expert]. Dec. 28. Available at: http://expert.ru/expert/2010/01/slavnoe_tridcatiletie/ (accessed 26.10.2017). (In Russian).

Dostizheniya sovetской vlasti za sorok let v tsifrah. *Statisticheskiy sbornik* [Achievements of Soviet Government over the Period of 40 Years in Figures]. Moscow, Gosstatizdat Publ, 1957, 371 p. (In Russian).

Fuchs Ch. (2013). Capitalism or information society? The fundamental question of the present structure of society. *European Journal of Social Theory*. Vol. 16, iss. 4, pp. 413–434. Available at: <http://fuchs.uti.at/wp-content/infocejest.pdf> (accessed 31.10.2017). (In English).

Galbraith Jh. (2004). *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The New Industrial State]. Moscow, St. Petersburg, AST Publ., Tranzitkniga Publ., Terra Fantastica Publ., 602 p. (In Russian).

General government spending. OECD Data. Available at: <https://data.oecd.org/gga/general-government-spending.htm#indicator-chart> (accessed 23.01.2018). (In English).

Globalizatsiya kak faktor social'nykh peremen v sovremennoy mire: sb. obzоров i ref. [Globalization as Factor of Social Changes in Contemporary Society:

Collection of Reviews and Papers]. Moscow, RAS ISSS Publ., 2012, 224 p. (In Russian).

Harvey D. (2007). *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford, Oxford University Press, 247 p. (In English).

Ivanchuk D.V. (2015). *Nemetskoe «ekonomicheskoe chudo» i social'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v FRG v 1950-e gody»* [German «Economic Miracle» and Social-State Development in FRG in 1950s]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of sciences. Togliatti State University]. No. 2–1(32–1), pp. 86–90. (In Russian).

Kotc D.M. (2003). *Neoliberalizm i ekonomicheskoe razvitie SShA v 90-e gody* [Neoliberalism and USA Economic Development in 1990s]. *Mezhdunarodny zhurnal «Problemy teorii i praktiki upravleniya»* [International Journal «Problems and Practices of Management»]. No. 1. Available at: http://vasilievaa.narod.ru/6_1_03.htm (accessed 26 October 2017). (In Russian).

Malahova O.A. (2011). «Yaponskoe ekonomicheskoe chudo» — proshloe ili budushchee? [Is «Japanese Economic Miracle» Past or Future?]. *Problemy sovremennoy ekonomiki: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Problems of Modern Economy: Materials of International Scientific Conference]. Chelyabinsk, Dva komsomol'tsa Publ., pp. 61–64. (In Russian).

Pokhishchenie Evropy. *Kakuyu rol' sygral plan Marshalla v vosstanovlenii poslevoennoy ekonomiki* [The Kidnaping of Europe. The Role of Marshall Plan in the Recovery of Post-War Economy]. *Lenta.ru*. 2015, Mar. 21. Available at: <https://lenta.ru/articles/2015/03/21/europa/> (accessed 26.10.2017). (In Russian).

Popov V.V. (2007). *Pochemu snizhalis' tempy rosta sovetской ekonomiki v brezhnevskiy period?* [Why were Growth Rates of Soviet Economy Decreasing during Brezhnev Period?]. *Neprikosnovenny zapas* [Emergency store]. No. 2(52), pp. 64–76. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/po6.html> (accessed 26.10.2017). (In Russian).

Russia General Government Total Expenditure, % of GDP. Quandl. Available at: https://www.quandl.com/data/ODA/RUS_GGX_NGDP-Russia-General-Government-Total-Expenditure-of-GDP (accessed 23.01.2018). (In English).

Sulashkin S. (2013). *Gosudarstvennaya i chastnaya sobstvennost'* [Public and Private Ownership]. Sulashkin Center, Jun. 27. Available at: <http://rusrand.ru/analytics/gosudarstvennaja-i-chastnaja-sobstvennost> (accessed 26.10.2017). (In Russian).

Veduta E.N. (1999). *Social'no effektivnaya ekonomika* [The Socially Effective Economy]. Moscow, PRUE Publ., 254 p. (In Russian).

Vid L.B. Ivanov E.A. (1990). *Novaya filosofiya planirovaniya* [New Philosophy of Planning]. Moscow, Ekonomika Publ., 160 p. (In Russian).

Received 09.11.2017

Об авторе

Ильиных Константин Александрович
аспирант кафедры философии,
начальник отдела стратегического планирования
Управления стратегического развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: asalariado@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7294-9715

About the author

Konstantin A. Ilinykh
Ph.D. Student of the Department of Philosophy,
Head of Strategic Planning Branch
of Strategic Development Department

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: asalariado@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7294-9715

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ильиных К.А. Противостояние планирования и неолитерализма в современном обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 53–62.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-53-62

For citation:

Ilinykh K.A. Contradiction between planning and neoliberalism in contemporary society // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 53–62. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-53-62

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 378.1:004.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-63-78

**ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
К ПРИМЕНЕНИЮ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ***Авакян Инна Борисовна**Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (филиал, г. Сызрань)*

Статья содержит результаты научного исследования по актуальной проблеме развития — готовности преподавателя к применению инновационных технологий как важного аспекта инновационной готовности педагогических коллективов высших учебных заведений. Цель исследования — оценка готовности преподавателя к применению инновационных технологий в условиях педагогических коллективов высших учебных заведений. В процессе исследования был использован комплекс методов, в том числе математико-статистические методы обработки полученных данных. В качестве психодиагностического инструментария были использованы 15 методик, в том числе и авторские. Респондентами выступали преподаватели девяти высших учебных заведений России. Исследование позволило выявить наличие благоприятного социально-психологического климата в представленных педагогических коллективах вузов, что создает в условиях активного взаимодействия, атмосферы творческого поиска возможность внедрять инновации в образовательный процесс вуза, а также внутреннюю готовность к внедрению инновационных технологий (потребность в самовыражении, самореализации, самоактуализации, в новизне, в риске, в преодолении рутины, ощущение собственной готовности участвовать в инновационных процессах). Исследование внутренней готовности педагогических коллективов к инновациям, степени преобладания новаторов, передовиков на кафедрах вуза, психологических барьеров в инновационной деятельности, влияние инновационных технологий на качество образовательной деятельности позволило выявить высокий, нормальный, оптимальный уровни инновационной готовности данных педагогических коллективов. В ситуации высокой степени неопределенности в системе высшего профессионального образования готовность преподавателей высшей школы к применению инновационных технологий в условиях оптимизации социально-психологического климата педагогических коллективов приобретает особую значимость, поскольку выступает главным и необходимым фактором развития инновационного потенциала современных образовательных учреждений. Результаты исследования, представленные в данной статье, свидетельствуют о необходимости продолжать исследования в области педагогической психологии.

Ключевые слова: готовность преподавателя к инновациям, инновационная деятельность, интерактивные формы обучения, активные методы обучения, потребность в новизне, педагогический коллектив, социально-психологический климат.

ASSESSMENT OF THE READINESS OF UNIVERSITY
AND COLLEGE PROFESSORS TO APPLY INNOVATIVE TECHNOLOGIES*Inna B. Avakyan**The military educational and scientific center of the Air Force
«The Air Force Academy. prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» (Branch, Syzran)*

The article contains the results of the research on the acute problem of the development of teachers' readiness for the application of innovative technologies as an important aspect of innovative readiness in the conditions of the socio-psychological climate of academic staff of higher educational institutions. The main goal of the study is to assess readiness of a professor to apply innovative technologies in the context of the socio-psychological climate of academic staff of higher educational institutions. In the process of research, a set of methods that enrich and supplement each other was used, including mathematical and statistical methods for processing data. The psychodiagnostic toolkit included 15 methods, including those developed by the author. The respondents were university and college professors of nine higher educational institutions of Russia. The conducted research made it possible to identify the existence of a favorable socio-psychological climate amidst the faculty members of higher educational institutions, which creates opportunity, in conditions of active interaction and the atmosphere of creative search, to develop readiness for the acquirement, introduction of innovations in the educational process of the university, as well as a different level of innovative readiness of the academic staff i.e. internal readiness to introduce innovative technologies (the need for self-expression, self-fulfillment, self-actualization, novelty, risk, overcoming routine, a sense of one's own willingness to participate in innovation processes), the presence of obstacles in the process of introducing and disseminating innovative technologies. The study of the internal readiness of pedagogical collectives for innovation, the degree of predominance of innovators, leaders in the departments of the university, psychological barriers in innovation, the influence of innovative technologies on the quality of educational activity made it possible to reveal high, normal, optimal levels of innovative readiness of the professors. In the situation of the elevated uncertainty in the system of higher professional education, the problem of the readiness of the teacher of higher education to apply innovative technologies in the context of optimizing the socio-psychological climate of the faculty members acquires special significance and urgency, since it is the main and necessary factor in the development of the innovative potential of the contemporary educational institutions. The results of the research presented in this article testify to the need for further research and scientific developments in the field of educational psychology.

Keywords: teacher's readiness for innovation, innovative activity, interactive forms of education, active teaching methods, need for novelty, teaching staff, socio-psychological climate.

Современная система высшего образования претерпевает кардинальные изменения, которые касаются содержания образовательных программ, использования новых педагогических технологий и других инноваций. Это требует от преподавателя высшего учебного заведения эрудиции, гибкости мышления, проявления творчества, способности к самоанализу, к самосовершенствованию, самоактуализации и, безусловно, готовности к нововведениям.

Важно признать, что сегодня высшее профессиональное образование оказалось в ситуации высокой степени неопределенности, что делает необходимым целенаправленное повышение уровня научно-методической готовности преподавателей вузов к инновационной деятельности.

Однако в процессе такой инновационной деятельности возникают сложности, которые требуют психологической перестройки преподавателя,

формирования у него внутренней готовности к преодолению психологических барьеров в процессе внедрения различных интерактивных методов обучения. Организация учебного процесса в инновационном режиме предполагает соответствующий стиль педагогической деятельности, основанный на сотрудничестве преподавателя и обучающегося, и технологии инновационной деятельности.

В связи с этим мотивационный показатель инновационной готовности преподавателя вуза выступает в качестве основного, он обеспечивает отказ от старых стереотипов педагогической деятельности, установок, привычек, позволяет совершенствовать уровень готовности преподавательского состава к внедрению интерактивных форм обучения [Авакян И.Б., 2017, с. 5]. Не менее важными показателями в структуре инновационной готовности преподавателя выступают такие, как

когнитивный и эмоциональный, которые показывают уровень его информированности и умение анализировать результаты собственной профессиональной деятельности [Авакян И.Б., 2017, с. 5].

Таким образом, инновационная готовность преподавателя к применению инновационных технологий — это психическое состояние, включающее в себя понимание целей инновационной деятельности, высокую мотивацию, оценку и уверенность в результативности инновационной деятельности.

Как видим, в процессе развития готовности к внедрению интерактивных форм обучения необходимо учитывать ряд педагогических условий, среди которых наиболее важные: личностные особенности преподавателей, вектор их профессиональной направленности, ориентированность на внедрение нововведений, мотивация к самообразованию.

Проблема инноваций в системе образования актуализируется в исследованиях С.Д. Полякова, В.А. Слестина и Л.С. Подымова, В.С. Лазарева, Л.М. Ванюшкина, И.В. Бестужева-Лады, А.В. Хуторского, Л.В. Козак, И.В. Толстоухова, Т.А. Фугелова, М.П. Прохорова, А.А. Семченко и др.

По мнению А.И. Пригожина, основными причинами сопротивления новшествам являются стереотипность в поведении, привычка, страх неопределенности, которые рассматриваются как психологический аспект данной проблемы [Пригожин А.И., 1989, с. 98].

Исследуя проблему инноваций в педагогической деятельности, В.В. Байлук выделяет факторы (объективные и субъективные), препятствующие инновациям. К ним он относит отсутствие готовности к новому, стереотипы мышления, недооценку собственных достижений, неприятие новизны в науке, приверженность определенным концепциям и убеждениям [Байлук В.В., 1983, с. 201].

Анализ научной литературы по проблемам интерактивного обучения, как элемента инновационной технологии, показывает, что внедрение и использование интерактивных форм обучения рассматривается в двух аспектах. С одной стороны, как психологическая проблема — самоактуализация, самосовершенствование преподавателя, его самореализация в профессиональной деятельности [Гоноболлин Ф.Н., 1962, с. 63; Зинченко Ю.П., Володарская И.А., 2007, с. 27; Кузьмина Н.В., 1990, с. 55]. С другой стороны, это педагогическая проблема — поиск наиболее эффективных (инновационных) методов и форм обучения [Орлов А.А., 1996, с. 9; Никишина И.В., 2007, с. 42; Мартынен-

ко О.О., 2006, с. 12; West V.A., Farr J.L., 1990, p. 3; Yuan F., Woodman R.W., 2010, p. 323].

Важную роль в теоретической разработке и внедрении интерактивных форм обучения сыграли исследователи М.А. Косолаповой, В.И. Ефанова, В.А. Кормилина, Л.А. Бокова, Т.Н. Добрыниной, Ю.В. Гущина и др.

Т.С. Панина и Л.Н. Вавилова актуализируют значимость интерактивного режима обучения, основанного на диалоге, кооперации и сотрудничестве всех субъектов обучения [Панина Т.С., Вавилова Л.Н., 2008, с. 5]. Исследования Т.С. Паниной и Л.Н. Вавиловой привели нас к пониманию того, что применение интерактивных методов обучения способствует повышению активности, мотивации обучающихся, что обеспечивает высокую эффективность профессионального образования [Панина Т.С., Вавилова Л.Н., 2008, с. 12].

Л.И. Савва рассматривает применение интерактивных методов обучения как важное направление модернизации высшего образования и как необходимое условие развитие индивидуальности обучающихся [Савва Л.И., 2015, с. 265]

В исследованиях О.Б. Даутовой, А.В. Торховой наиболее профессионально важными качествами преподавателя высшего учебного заведения являются увлеченность профессией, широкий кругозор, эрудиция, справедливость, интеллектуальность, чувство юмора, внимательность к людям [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198].

А.В. Хуторской, который анализирует препятствующие нововведениям факторы, серьезной проблемой в системе образования считает феномен сопротивления. В зависимости от отношения к нововведениям он выделяет два типа людей: консерваторы — зрелые, твердые люди, которые не стремятся к достижениям; инноваторы — коммуникабельные, активные, независимые люди с высокой способностью к социальной адаптации, не доверяют авторитетам. Вторые отличаются гибкостью мышления, мобильностью, активностью [Хуторской А.В., 2005, с. 15].

Такой же позиции придерживается Н.Ю. Бардина, которая выделяет такие препятствующие факторы инновационной деятельности преподавателя, как педагогический консерватизм, отсутствие методических разработок [Бардина Н.Ю., 2015, с. 51].

По мнению А.М. Новикова, эффективность инноваций в первую очередь зависит от личностного отношения педагогов и от особенностей предлагаемого новшества, а также от инновационного потенциала образовательного учреждения, компе-

тенции и позиции руководителя — зачинателей инновационной работы. Взаимосвязь вышеуказанных компонентов делает возможным реализацию нововведений [Новиков А.М., 2002, с. 52].

Проблемы эффективной реализации инновационных технологий в высшей школе рассматриваются и в исследованиях зарубежных ученых. В частности, А. Ферналекен в основе профессиональной ориентации преподавателей выделял три параметра: позиционирование преподавателя себя как «транслятора знаний» или как «педагога»; готовность преподавателя к изменениям, реформам или неприятие изменений; определение профессии преподавателя как работы или как призвания [Vernaleken A., 2006, S. 7].

Харри Кульман рассматривает проблемы развития личности педагога, педагогического профессионализма, эмоциональной стабильности педагогов, качества образования, организационного развития, предлагает подходы к внедрению новшеств в систему образования Германии [Kullman H., 2009, S. 15–30].

В исследованиях Б.Д. Парыгина социально-психологический климат рассматривается как преобладающая и относительно устойчивая атмосфера или психический настрой коллектива, проявляющийся как в отношениях людей друг к другу, так и в их отношении к общему делу [Парыгин Б.Д., 1999, с. 446].

В.В. Бойко, А.Г. Ковалев, В.Н. Панферов утверждают, что для определения психического состояния членов коллектива более подходит понятие «психологический климат», а определение «социально-психологический климат» отражает отношения членов коллектива друг с другом как психологические условия жизнедеятельности [Бойко В.В. и др., 1983, с. 9].

В результате анализа научной литературы нами выявлено общее и различное во взглядах ученых на феномен социально-психологического климата. Так, Е.С. Кузьмин, Б.Р. Ломов, Р.Х. Шакуров, Б.Д. Парыгин и др. социально-психологический климат рассматривают как систему межличностных отношений. Различное видят, главным образом, в структурном, функциональном составе социально-психологического климата, в его сущностном понимании. Так, Б.А. Березин, И.П. Волков, А.М. Гольшев, В.И. Зацепин, И.Е. Киселев и др. отождествляют социально-психологический климат, психологический климат и морально-психологический климат, вкладывая в них идентичный смысл. Тогда как В.В. Бойко, Г.А. Виноградова, О.И. Зотова, А.Г. Ковалев, А.Н. Лутошкин

и др. понятия «социально-психологический климат», «психологический климат» разделяют [Виноградова Г.А., 2010, с. 16].

Теоретический анализ исследований по проблеме социально-психологического климата педагогических коллективов позволяет определить собственный подход к пониманию такого явления, как «социально-психологический климат в педагогическом коллективе» (интегральная и динамическая характеристика социально-психологических аспектов жизни педагогического коллектива).

Важно понимать, что социально-психологический климат создает условия для успешного внедрения инновационных преобразований в системе высшего образования. Основными признаками благоприятного социально-психологического климата являются открытость общения, способность свободно мыслить, способность к профессиональному и интеллектуальному росту, творчеству, умение способствовать развитию организации, оптимизм, доверие, взаимная поддержка, межличностные симпатии, теплота и внимание в отношениях, уверенность, бодрость и т.д.

Как видим, социально-психологический климат педагогических коллективов высших учебных заведений — важное условие развития психологической готовности преподавателя к инновационной деятельности.

Наше исследование проводилось с 2014 по 2017 г. на базе 9 высших учебных заведений России: Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт), Уральский государственный педагогический университет, Сызранский филиал Самарского государственного технического университета, Сызранский филиал Самарского государственного экономического университета, Вольский военный институт материального обеспечения — филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Сызрань), Ульяновский государственный университет, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева. Общее количество участников исследования составило 2036 человек. От 25 до 35 лет — 410 человек, от 36 до 45 — 663, от 46 до 55 — 591, от 56 до 65 — 372 человека. Образование — высшее. Количество женщин — 1252, мужчин — 784. Педагогический

стаж от 5 до 10 лет — 386 человек, от 11 до 20 лет — 672, от 21 до 30 лет — 601, от 31 до 40 лет — 377 человек.

Для достижения цели были использованы 15 методик, наиболее важные из которых:

1. Экспресс-методика «Оценка социально-психологического климата в коллективе» (А.Ю. Шалыто и О.С. Михалюк).

2. Методика «Оценка психологического климата в педагогическом коллективе» (А.Н. Лутошкин).

3. Инновационные технологии в системе вузовского преподавания (И.Б. Авакян).

4. Оценка методической готовности преподавателя вуза к применению интерактивных форм обучения в образовательном процессе (И.Б. Авакян).

5. Опросник психологической диагностики инновационной готовности персонала организации (В.В. Пантелеева, Т.П. Кнышева).

Особенности социально-психологического климата педагогических коллективов вузов изучались на основе результатов исследования по методике «Оценка психологического климата в педагогическом коллективе» (по А.Н. Лутошкину) и экспресс-методике «Оценка социально-психологического климата в коллективе» (по А.Ю. Шалыто и О.С. Михалюк).

Исходя из индивидуальных показателей преподавателей вузов мы определили среднюю величину уровня социально-психологического климата для каждого педагогического коллектива. Согласно полученным значениям исследуемые педагогические коллективы имеют уровень благоприятного социально-психологического климата с разной степенью выраженности (рис. 1, 2).

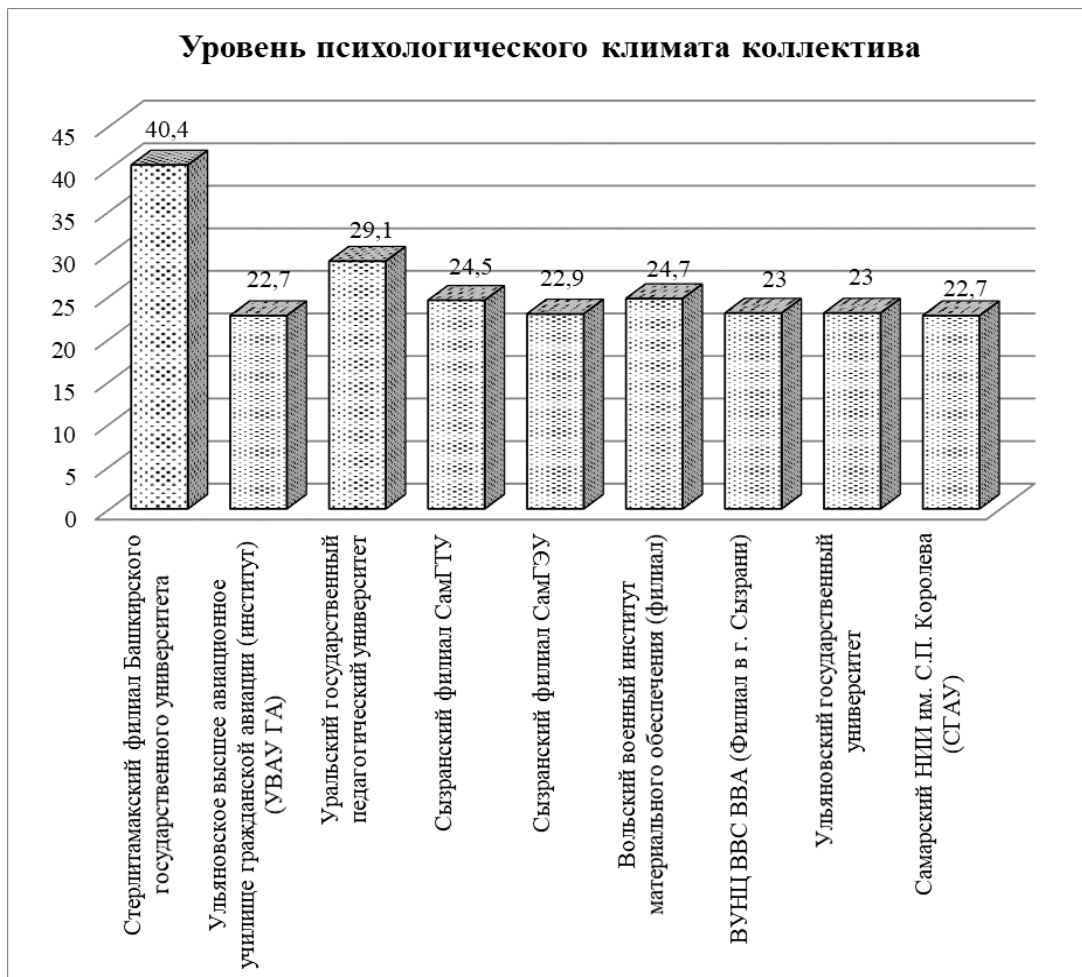

Рис. 1. Соотношение уровней психологического климата в педагогических коллективах разных вузов

Результаты исследования уровня психологического климата, представленные на рис. 1 (согласно методике А.Н. Лутошкина), находятся в диапазоне от 22 и более баллов, что свидетельствует о высокой степени благоприятности социально-психологического климата в рассматриваемых педагогических коллективах. Данные коллективы

характеризуются такими показателями социально-психологического климата, как бодрый, жизнерадостный тон настроения, доброжелательность в отношениях, взаимная симпатия, понимание и активное взаимодействие в совместной деятельности.

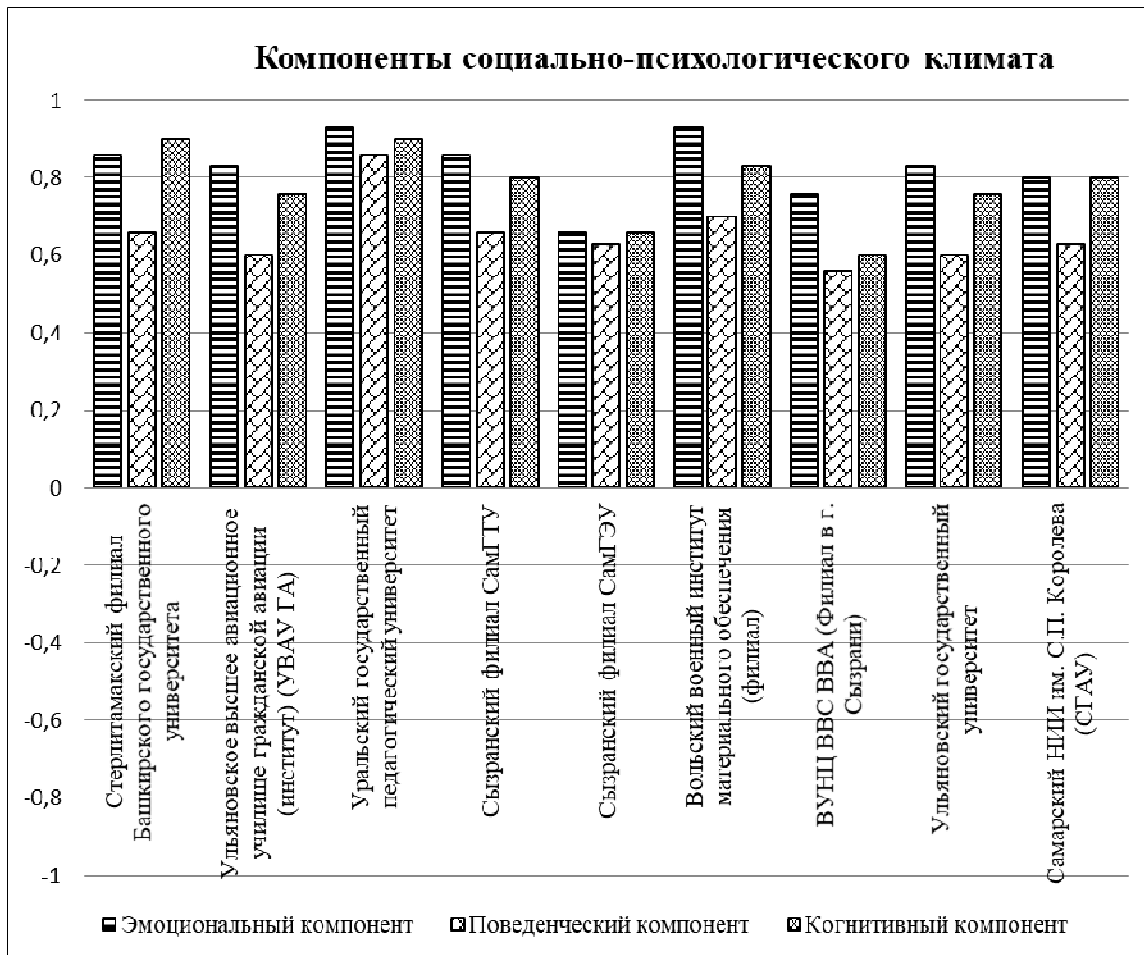

Рис. 2. Соотношение компонентов социально-психологического климата педагогических коллективов вузов по экспресс-методике «Оценка социально-психологического климата в коллективе» (по А.Ю. Шалыто и О.С. Михалюк)

Средние оценки, полученные по компонентам социально-психологического климата, представленные на рис. 2, располагаются в интервале от +1 до +0,33, что признается как положительное значение и указывает на наличие в данных коллективах благоприятного психологического климата.

Результаты исследования выбора методов обучения в учебном процессе вузов, представленные на рис. 3, согласно методике И.Б. Авакян, выявили наибольший процент предпочтения активным методам обучения в педагогических коллективах Ульяновского высшего авиационного училища

гражданской авиации (институт), Ульяновского государственного университета, Вольского военного института материального обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева (выше 60 %), Это свидетельствует о наличии потребности к новизне, к самосовершенствованию, заинтересованности в формировании познавательных и профессиональных мотивов, интересов у обучающихся.

Остальные педагогические коллективы отдают предпочтение как активным, так и традиционным методам обучения практически в равной степени. Это свидетельствует о том, что когнитивный

компонент инновационной готовности данных педагогических коллективов, который характеризует знания, степень информированности по во-

просам инноватики, недостаточно отчетливо выражен. В то же время отмечается низкий уровень гибкости мышления, потребности в риске.

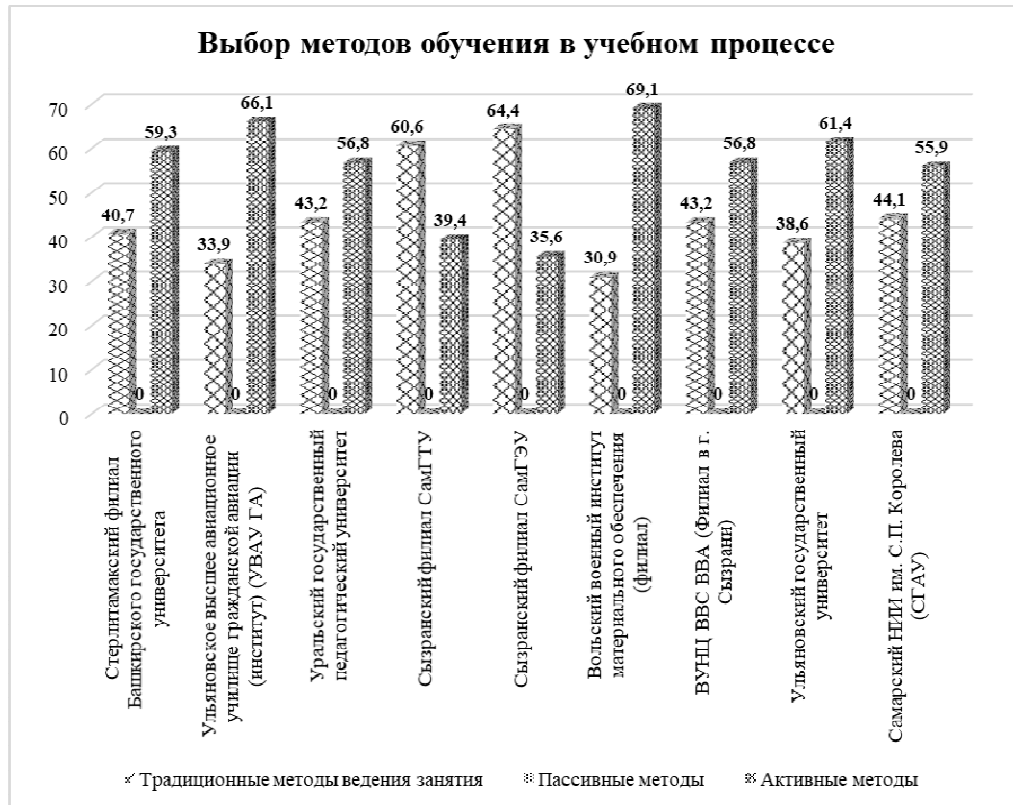

Рис. 3. Соотношение выбора методов обучения в учебном процессе различных вузов

Пассивные методы обучения в профессиональной деятельности педагогических коллективов вузов не применяются.

Сравнивая педагогические коллективы вузов между собой по наличию новаторов и передовиков (рис. 4), согласно методике И.Б. Авакян, следует отметить, что наибольший процент преобладания такого показателя инновационной готовности преподавателей имеют следующие вузы: Ульяновское высшее авиационное училище гражданской авиации (институт), Уральский государственный педагогический университет, Самарский НИИ им. С.П. Королева (СГАУ), Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Ульяновский государственный университет (от 12 до 13 %). Это подтверждает тот факт, что научно-педагогическая деятельность педагогических коллективов выше перечисленных ВУЗов имеет соответствующее психолого-педагогическое сопровождение, что выступает фактором инновационного развития преподавателей. Такой благоприятный социально-психологический климат в педагогических кол-

лективах дает вузам возможность быть субъектом собственного развития.

Средние значения этого показателя имеют педагогические коллективы Вольского военного института материального обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, филиала Самарского государственного технического университета, филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» (г. Сызрань), Сызранского филиала Самарского государственного технического университета (от 9 до 11 %). Это свидетельствует о развитии инновационной активности и о готовности представленных педагогических коллективов создавать и осваивать инновации.

Показатель «ниже среднего» у педагогического коллектива Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета. Это означает способность педагогического коллектива воспринимать инновации, что он находится в инновационном педагогическом поиске.

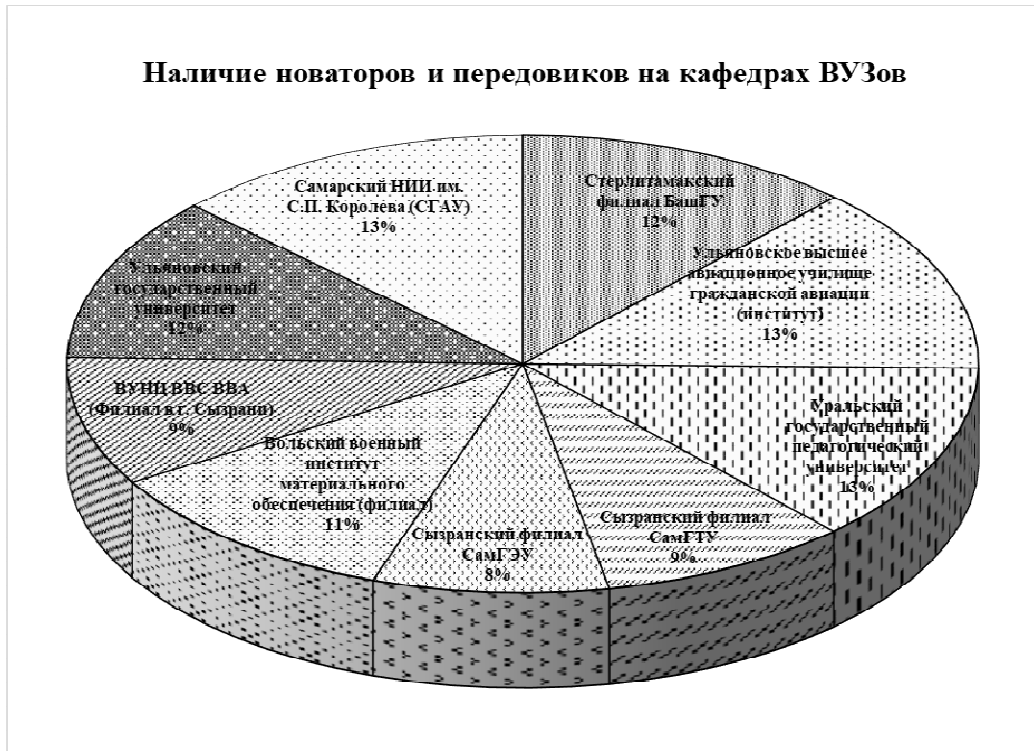

Рис. 4. Соотношение новаторов и передовиков в педагогических коллективах различных вузов

Рис. 5. Соотношение факторов эффективности применения интерактивных форм обучения в педагогических коллективах различных вузов

Исследование факторов эффективности применения интерактивных форм обучения в педагогических коллективах вузов, представленное на рис. 5, выявило наибольший процент выраженности «личностных качеств» в педагогических коллективах Уральского государственного педагогического университета, Вольского военного института материального обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева. Это свидетельствует о высокой научно-методической готовности к иннова-

ционной деятельности, о высоком уровне интеллектуальной активности, целеустремленности, притязаний данных педагогических коллективов.

Средние значения имеют педагогические коллективы Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» (ВУНЦ ВВС «ВВА» г. Сызрань), Самарского НИИ им. С.П. Королева (СГАУ).

Рис. 6. Соотношение профессиональных барьеров, препятствующих внедрению новшеств в педагогическую деятельность различных вузов

Результаты исследования наличия профессиональных барьеров при внедрении инноваций в педагогических коллективах вузов, представленные на рис. 6, согласно методике И.Б. Авакян, выявили наибольший процент выраженности такого барьера, как «отсутствие методических разработок для занятий в интерактивной форме» у педагогических коллективов Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, Ульяновского высшего авиационного училища гражданской авиации (институт), Сызранского филиала Самарского государственного технического университета, Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета, филиала Военного учебно-науч-

ного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» (г. Сызрань), Ульяновского государственного университета (выше 50 %). Это подтверждает тот факт, что в системе высшего образования в связи с инновационными преобразованиями возникла острая необходимость в научных исследованиях, на базе которых возможно создание методических разработок для внедрения инновационных технологий в педагогической деятельности.

Такие профессиональные барьеры, как «неумение применять интерактивные формы обучения на практике», «неверие в эффективность применения методов в процессе обучения», менее преобладающие в выше представленных педаго-

гических коллективах, свидетельствуют о том, что субъективные показатели инновационной готовности (психологические) педагогических кол-

лективов не доминируют в качестве профессиональных барьеров в процессе внедрения новшеств, т.е. находятся в зоне низких значений.

Рис. 7. Соотношение оценок эффективности применения интерактивных методов обучения в образовательном процессе различных вузов

Исследование эффективности применения интерактивных методов обучения в образовательном процессе различных вузов, представленные на рис. 7, согласно методике И.Б. Авакян, показало, что на уровне высоких значений (от 4,5 до 5 баллов) по реализации инновационных технологий на лекционных занятиях находятся все вузы. Это свидетельствует о том, что активность обучающихся на лекционных занятиях достаточно высокая, что характеризует их самостоятельность, творческую инициативу, высокую мотивацию к учебно-профессиональной деятельности и обеспечивает качество образовательного процесса.

На уровне «чуть выше среднего» (от 3,5 до 4,5 баллов) оценивается использование интерактивных методов обучения на семинарских занятиях в образовательном процессе представленных вузов. Такие результаты свидетельствуют об особенностях планирования, организации и проведения учебных занятий в вузах, что отражает их специфику профессионального образования.

На уровне средних значений (от 2,5 до 3,5 баллов) определены педагогические коллективы

представленных вузов по эффективности применения интерактивных методов обучения в лабораторном практикуме. Это отражает материально-технические возможности представленных высших учебных заведений при организации таких видов учебных занятий (оснащение учебных лабораторий современным оборудованием).

На уровне низких значений (до 2 баллов) оценивается эффективность применения интерактивных методов обучения в самостоятельной работе педагогическими коллективами представленных вузов. Это может быть обусловлено такими факторами, как большие трудозатраты преподавателя на их разработку и на создание соответствующей образовательной среды, низкая мотивация у некоторых обучающихся (принцип добровольности является доминантным в реализации интерактивных методов обучения, а отношение к процессу обучения у студентов разное), методы интерактивного обучения не всегда вписываются в установленные временные рамки традиционного обучения.

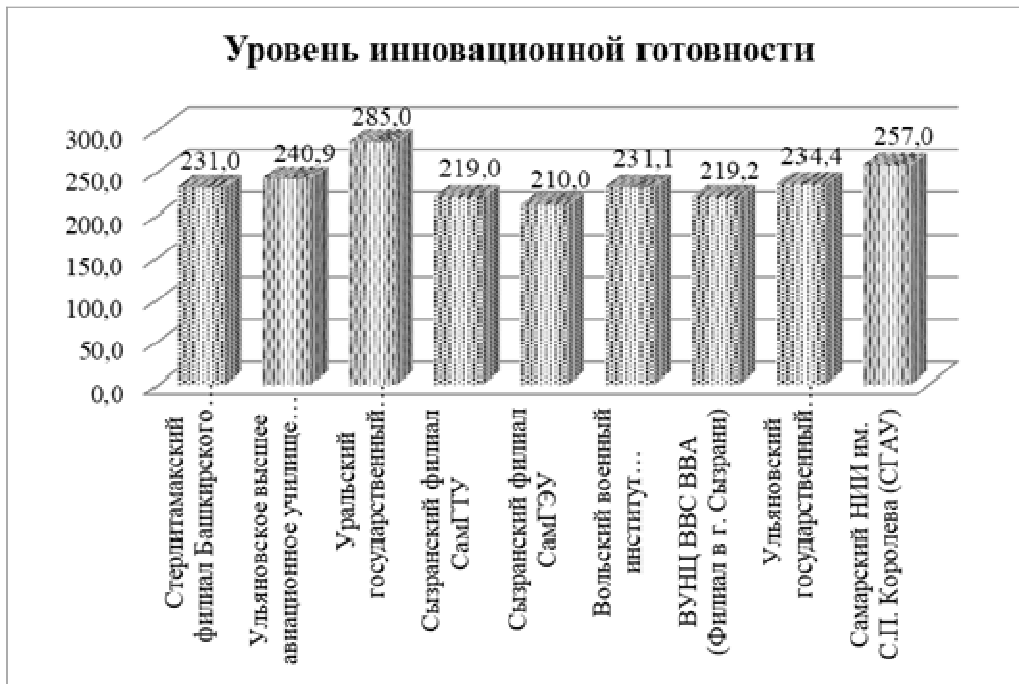

Рис. 8. Соотношение уровней инновационной готовности педагогических коллективов различных вузов

Показатели инновационной готовности, представленные на рис. 8, согласно методике В.В. Пантелеевой, Т.П. Кнышевой, в диапазоне от 266 до 302 баллов и более характерны для педагогического коллектива Уральского государственного педагогического университета, что означает высокий уровень готовности профессорско-преподавательского состава вуза к участию в инновационной деятельности. Это свидетельствует также о наличии выраженного интереса у работников к внедрению инновационных технологий в профессиональной педагогической деятельности, удовлетворенности собственным трудом, о преобладании внутренних мотивов к достижению успехов в инновационной деятельности.

Средние оценки (от 194 до 265 баллов) инновационной готовности показали педагогические коллективы Сызранского филиала Самарского государственного экономического университета, Сызранского филиала Самарского государственного технического университета, филиала Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия» (г. Сызрань), Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, Вольского военного института материального обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, Ульяновского государственного университета, Ульяновского высшего

авиационного училища гражданской авиации (институт), Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева. Это свидетельствует о невысокой выраженности всех компонентов инновационной готовности в целом.

Применение дискриминантного анализа позволило построить модели, с помощью которых исследуемые коллективы разделены с большей вероятностью по уровню (высокий, нормальный, оптимальный) инновационной готовности, т.е. готовности к применению инновационных технологий в образовательной деятельности. Согласно табл. 1 выявлены две канонические дискриминантные функции на уровне $p \leq 0,0001$, а также согласно табл. 2 — дискриминирующие группы по исследуемым переменным.

Таблица 1. Результаты применения критерия Лямда-Уилкса

Проверка функции(й)	Лямбда Уилкса	Chi-квадрат	Ст.св.	Знач.
от 1 до 2	0,068	786,752	62	0,0001
2	0,297	354,451	30	0,0001

Таблица 2. Коэффициенты канонической дискриминантной функции

Коэффициенты канонической дискриминантной функции	Функция	
	1	2
Уровень психологического климата	0,034	-0,044
Эффективность педагогических коммуникаций	-0,031	-0,028
Когнитивный компонент профессионально-педагогического саморазвития	-0,047	-0,014
Гностический компонент профессионально-педагогического саморазвития	-0,010	0,017
Организационный компонент профессионально-педагогического саморазвития	0,062	0,021
Способность к самоуправлению в педагогической деятельности	-0,014	0,274
Коммуникативные способности	-0,004	-0,248
Уровень саморазвития	0,087	0,026
Мотивация к успеху	-0,070	0,063
Интерактивные методы обучения на семинарских и практических занятиях	0,534	-0,249
Интерактивные методы обучения в лабораторном практикуме	-0,253	0,354
Интерактивные методы обучения в самостоятельной работе	0,777	-1,019
Качество образовательных результатов	-0,629	0,192
Качество лекций	0,666	-0,058
Качество семинаров	-0,664	-0,063
Эмоциональная готовность	0,103	0,062
Мотивационная готовность	-0,069	-0,015
Когнитивная готовность	0,022	-0,049
Личностная (инструментальная) готовность	-0,033	0,042
Организационная готовность	0,015	-0,047
Уровень инновационного фактора	-0,013	0,018
Целеустремленный	0,392	0,408
Эврист	0,019	1,118
Гибкий	-0,992	0,261
Требовательный	0,595	-0,343
Независимый	-0,322	-0,342
Принципиальный	-0,082	-0,683
Интеллигентный	-0,532	-1,179
Революционер	1,159	0,968
(Константа)	-6,465	-6,648

Выявленные коэффициенты классифицирующей функции позволили построить следующие классификационные модели для каждой группы на основании исследуемых переменных.

Группа с высоким уровнем инновационной готовности = -176,226 + Уровень психологического климата \times (-0,296) + Эффективность педагогических коммуникаций \times 0,141 + Когнитивный компонент профессионально-педагогического саморазвития \times 0,411 + Гностический компонент профессионально-педагогического саморазвития \times 0,980 + Организационный компонент профессионально-педагогического саморазвития \times (-0,472) + Способность к самоуправлению в педагогической деятельности \times 2,174 + Коммуникативные способности \times (-0,847) + Уровень саморазвития \times 0,289 + Мотивация к успеху \times 0,190 + Интерактивные методы обучения на семинарских и практических занятиях \times 6,313 +

Интерактивные методы обучения в лабораторном практикуме \times (-1,802) + Интерактивные методы обучения в самостоятельной работе \times (-5,578) + Качество образовательных результатов \times (-5,377) + Качество лекций \times 5,549 + Качество семинаров \times (-2,446) + Эмоциональная готовность \times 0,630 + Мотивационная готовность \times 0,092 + Когнитивная готовность \times 0,367 + Личностная (инструментальная) готовность \times (-0,220) + Организационная готовность \times (-0,488) + Уровень инновационного фактора \times 0,126 + Целеустремленный \times 1,920 + Эврист \times 0,099 + Гибкий \times 2,036 + Требовательный \times 3,330 + Независимый \times 0,892 + Принципиальный \times 1,496 + Интеллигентный \times (-6,930) + Революционер \times 10,391.

Группа с нормальным уровнем инновационной готовности = -168,445 + Уровень психологического климата \times (-0,522) + Эффективность педагоги-

ческих коммуникаций $\times 0,212$ + Когнитивный компонент профессионально-педагогического саморазвития $\times 0,574$ + Гностический компонент профессионально-педагогического саморазвития $\times 1,053$ + Организационный компонент профессионально-педагогического саморазвития $\times (-0,682)$ + Способность к самоуправлению в педагогической деятельности $\times 2,747$ + Коммуникативные способности $\times (-1,323)$ + Уровень саморазвития $\times (-0,009)$ + Мотивация к успеху $\times 0,600$ + Интерактивные методы обучения на семинарских и практических занятиях $\times 3,667$ + Интерактивные методы обучения в лабораторном практикуме $\times (-0,079)$ + Интерактивные методы обучения в самостоятельной работе $\times (-10,730)$ + Качество образовательных результатов $\times (-2,460)$ + Качество лекций $\times 2,749$ + Качество семинаров $\times 0,103$ + Эмоциональная готовность $\times 0,339$ + Мотивационная готовность $\times 0,343$ + Когнитивная готовность $\times 0,179$ + Личностная (инструментальная) готовность $\times (-0,005)$ + Организационная готовность $\times (-0,643)$ + Уровень инновационного фактора $\times 0,217$ + Целеустремленный $\times 1,130$ + Эврист $\times 2,237$ + Гибкий $\times 6,553$ + Требовательный $\times 0,250$ + Независимый $\times 1,510$ + Принципиальный $\times 0,474$ + Интеллигентный $\times (-7,121)$ + Революционер $\times 7,638$.

Группа с оптимальным уровнем инновационной готовности $= -141,322$ + Уровень психологического климата $\times (-0,293)$ + Эффективность педагогических коммуникаций $\times 0,319$ + Когнитивный компонент профессионально-педагогического саморазвития $\times 0,608$ + Гностический компонент профессионально-педагогического саморазвития $\times 0,968$ + Организационный компонент профессионально-педагогического саморазвития $\times (-0,735)$ + Способность к самоуправлению в педагогической деятельности $\times 1,461$ + Коммуникативные способности $\times (-0,169)$ + Уровень саморазвития $\times (-0,070)$ + Мотивация к успеху $\times 0,256$ + Интерактивные методы обучения на семинарских и практических занятиях $\times 5,195$ + Интерактивные методы обучения в лабораторном практикуме $\times (-1,903)$ + Интерактивные методы обучения в самостоятельной работе $\times (-5,447)$ + Качество образовательных результатов $\times (-3,789)$ + Качество лекций $\times 3,480$ + Качество семинаров $\times (-0,062)$ + Эмоциональная готовность $\times 0,122$ + Мотивационная готовность $\times 0,363$ + Когнитивная готовность $\times 0,424$ + Личностная (инструментальная) готовность $\times (-0,222)$ + Организационная готовность $\times (-0,413)$ + Уровень инновационного фактора $\times 0,122$ + Целеустремленный $\times (-0,499)$ + Эврист $\times (-2,955)$ + Гиб-

кий $\times 4,651$ + Требовательный $\times 2,261$ + Независимый $\times 2,881$ + Принципиальный $\times 3,597$ + Интеллигентный $\times (-2,001)$ + Революционер $\times 3,934$.

Выявленные результаты принадлежности групп к соответствующим уровням инновационной готовности сгруппированы на 100 %-ном уровне.

Подводя итог сравнительного анализа групп по коэффициентам классифицирующих функций, следует отметить, что все введенные переменные имеют положительное значение для развития инновационной готовности педагогических коллективов различных вузов.

Анализ выраженности дискриминационных переменных позволяет выделить преобладание некоторых показателей инновационной готовности в группах с высоким, нормальным и оптимальным уровнем, имеющих приоритетную тенденцию к её развитию: эффективность педагогических коммуникаций, когнитивный компонент профессионально-педагогического саморазвития, организационный компонент профессионально-педагогического саморазвития, уровень саморазвития, эмоциональная готовность, «целеустремленный», «революционер».

Применение дискриминантного анализа позволило в дальнейшем изучить особенности корреляционных связей в каждой рассматриваемой группе (с высоким, нормальным и оптимальным уровнем инновационной готовности в педагогических коллективах различных вузов) с большей вероятностью их дискриминационного различия.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что социально-психологический климат в педагогических коллективах представленных вузов создает достаточно благоприятное условие для развития готовности преподавателей к применению инновационных технологий. Методы математической статистики позволили выявить различный уровень инновационной готовности педагогических коллективов в пределах положительных значений, что свидетельствует о тенденции развития. Соотношение педагогических коллективов по уровню готовности к использованию инновационных технологий и социально-психологического климата показывает, что представленные в исследовании педагогические коллективы различных ВУЗов отличаются между собой по преобладанию «звезд», «искателей», «наблюдателей», что характеризует их профессионально-педагогическое саморазвитие в условиях инновационных преобразований.

Таким образом, важность проведенного нами исследования по данной проблеме определяется запросами практики. Полученные результаты могут быть использованы руководителями и педагогическими коллективами современных высших учебных заведений для успешной реализации программы внедрения инновационных преобразований, способствующих повышению уровня готовности преподавателей к инновационной деятельности в условиях оптимизации социально-психологического климата.

Исследование не исчерпывает всех аспектов проблемы, но существенно дополняет разделы изучения психологии педагогической деятельности и открывает перспективы для дальнейших исследований данной проблемы в педагогической психологии.

Список литературы

Авакян И.Б. Сравнительный анализ особенностей инновационной готовности педагогов и социально-психологического климата педагогических коллектив колледжей // *Инновации в образовании*. 2017. № 1. С. 65–84

Бардина Н.Ю. Способы преодоления проблем в инновационной деятельности высшего учебного заведения // *Экономика и право*. 2015. № 5. С. 32–35.

Байлук В.В. Социальный детерминизм. Категориальный анализ. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. 286 с.

Бойко В.В., Ковалев А.Г., Панферов В.Н. Социально-психологический климат коллектива и личность. М.: Мысль, 1983. 207 с.

Виноградова Г.А. Климат в педагогическом коллективе и субъективное благополучие личности педагога: монография. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2010. 100 с.

Гоноблин Ф.Н. Психологический анализ педагогических способностей // *Способности и интересы*. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. С. 63–72.

Зинченко Ю.П., Володарская И.А. Психолого-педагогическое сопровождение реализации инновационных образовательных программ. М., 2007. 120 с.

Кузьмина Н.В. Профессионализм преподавателя и мастера производственного обучения. М.: Высшая школа, 1990. С. 55–61.

Мартыненко О.О. Инновационное проектирование учебного процесса // *Высшее образование сегодня: реформы, нововведения, опыт*. М., 2006. № 2. С. 12–18.

Никишина И.В. Инновационные педагогические технологии и организация учебно-воспитательного и методического процессов в школе: использование интерактивных форм. Волгоград: Учитель, 2007. 91 с.

Новиков А.М. Организация опытно-экспериментальной работы на базе образовательно-

го учреждения // *Дополнительное образование*. 2002. № 4. С. 51–53.

Орлов А.А. Мониторинг инновационных процессов образования // *Педагогика*. 1996. № 3. С. 9–14.

Панина Т.С., Вавилова Л.Н. Современные способы активизации обучения. М.: Академия, 2008. 176 с.

Парыгин Б.Д. Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.

Пригожин А.И. Нововведения, стимулы и препятствия: социальные проблемы инноватики. М., 1989. 271 с.

Психолого-педагогическая подготовка современного преподавателя вуза на основе реализации компетентностного подхода: монография / ИП ОБ РАО; под общ. ред. О.Б. Даутовой, А.В. Торховой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. политехн. ун-та, 2014. 296 с.

Савва Л.И. Применение интерактивных методов обучения для развития индивидуальности магистров // *Инновационная наука*. 2015. № 11. С. 263–265.

Хуторской А.В. Типологии педагогических нововведений // *Школьные технологии*. 2005. № 5. С. 10–24.

Kullman H. Lehrerkooperation an Gymnasien. Duisburg, 2009. 485 S.

Vernaleken A. Zur Passung zwischen beruflichen Orientierungen von Lehrkräften und Schulprofil: Ihre Bedeutung für Arbeitserleben und Schulklima / Vom Fachbereich für Geistes- und Erziehungswissenschaften der Technischen Universität Carolo-Wilhelmina zu Braunschweig zur Erlangung des Grades Doktorin der Philosophie (Dr.phil.), genehmigte Dissertation. Braunschweig, 2006. 194 S.

West V.A., Farr J.L. Innovation at work // *Innovation and creativity at work: Psychological and Organizational strategies*: 63–80. Chichester U.K.: Wiley, 1990. P. 3–13.

Yuan F., Woodman R.W. Innovative behavior in the workplace: the role of performance and image outcome expectations // *Academy of Management Journal*. 2010. Vol. 53, № 2. P. 323–342.

Получено 30.10.2017

References

Avakyan I.B. (2017). Sravnitel'nyy analiz osobennostey innovacionnoy gotovnosti pedagogov i social'no psikhologicheskogo klimata pedagogicheskikh kollektiv kolledzhey [Comparative analysis of the features of the innovative readiness of teachers and the socially psychological climate of pedagogical colleges]. *Innovatsii v obrazovanii* [Innovation in education]. No. 1, pp. 65–84. (In Russian).

- Bardina N.Yu. (2015). *Sposoby preodoleniya problem v innovacionnoj deyatel'nosti vysshego uchebnogo zavedeniya* [Ways to overcome problems in the innovation activity of a higher educational institution]. *Ekonomika i pravo* [Economics and Law]. No. 5, pp. 32–35. (In Russian).
- Bayluk V.V. (1983). *Sotsial'nyy determinizm. Kategorial'nyy analiz* [Social determinism. Categorical analysis]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 286 p. (In Russian).
- Boyko V.V., Kovalev A.G., Panferov V.N. (1983). *Sotsial'no-psikhologicheskii klimat kollektiva i lichnost'* [Socio-psychological climate of the collective and the individual]. Moscow, Mysl' Publ., 207 p. (In Russian).
- Gonobolin F.N. (1962) *Psikhologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR. pp. 63–72. (In Russian).
- Khutorskoy A.V. (2005) *Tipologii pedagogicheskikh novovvedeniy* [Typologies of pedagogical innovations]. *Shkol'nye tekhnologii* [School Technology]. No. 5, pp. 10–24. (In Russian).
- Kullman H. (2009). *Lehrerkooperation an Gymnasien* [Teacher collaboration in secondary schools]. Duisburg, 485 p. (In German).
- Kuz'mina N.V. (1990) *Professionalizm prepodavatelya i mastera proizvodstvennogo obucheniya* [Professionalism of the teacher and the master of industrial training]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., pp. 55–61. (In Russian).
- Martynenko O.O. (2006) *Innovatsionnoe proektirovanie uchebnogo protsesssa* [Innovative design of educational process]. *Vysshee obrazovanie segodnya: reformy, novovvedeniya, opyt* [Higher education today: reforms, innovations, experience]. No. 2, pp. 12–18. (In Russian).
- Nikishina I.V. (2007) *Innovatsionnye pedagogicheskie tekhnologii i organizatsiya uchebno-vospitatel'nogo i metodicheskogo protsessov v shkole: ispol'zovanie interaktivnykh form* [Innovative pedagogical technologies and the organization of teaching, educational and methodical processes in school: the use of interactive forms]. Volgograd, Uchitel' Publ., 91 p. (In Russian).
- Novikov A.M. (2002) *Organizatsiya opytno-eksperimental'noy raboty na baze obrazovatel'nogo uchrezhdeniya* [Organization of experimental work on the basis of an educational institution]. *Dopolnitel'noe obrazovanie* [Supplementary education]. No. 4, pp. 51–53. (In Russian).
- Orlov A.A. (1996) *Monitoring innovatsionnykh protsessov obrazovaniya* [Monitoring of innovative educational processes]. *Pedagogika* [Pedagogy]. No. 3, pp. 9–14. (In Russian).
- Panina T.S., Vavilova L.N. (2008) *Sovremennye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow, Akademiya Publ., 176 p. (In Russian).
- Parygin B.D. (1999) *Sotsial'naya psikhologiya. Problemy metodologii, istorii i teorii* [Social Psychology. The problems of methodology, history and theory]. St. Petersburg, IPAE Publ., 592 p. (In Russian).
- Prigozhin A.I. (1989) *Novovvedeniya, stimuly i prepyatstviya: sotsial'nye problemy innovatiki* [Innovations, incentives and obstacles: social problems of innovation]. Moscow, 271 p. (In Russian).
- Psikhologo-pedagogicheskaya podgotovka sovremennoogo prepodavatelya vuza na osnove realizatsii kompetentnostnogo podhoda* [Psychological and pedagogical preparation of the modern teacher of the university on the basis of the implementation of the competence approach]. St. Petersburg, SPbPU Publ., 2014, 296 p. (In Russian).
- Savva L.I. (2015) *Primenenie interaktivnykh metodov obucheniya dlya razvitiya individual'nosti magistrrov* [Application of interactive teaching methods for the development of the individuality of masters]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative Science]. No. 11, pp. 263–265. (In Russian).
- Vernaleken A. (2006). *Zur Passung zwischen beruflichen Orientierungen von Lehrkräften und Schulprofil: Ihre Bedeutung für Arbeitserleben und Schulklima* [The fit between the professional orientations of teachers and school profile: their importance for work experience and school climate]. Braunschweig, Technical University of Braunschweig, 194 p. (In German).
- Vinogradova G.A. (2010) *Klimat v pedagogicheskom kollektive i sub'ektivnoe blagopoluchie lichnosti pedagoga* [The climate in the pedagogical collective and the subjective well-being of the teacher's personality]. Tol'yatti, TGU Publ., 100 p. (In Russian).
- West V.A., Farr J.L. (1990) Innovation at work. *Innovation and creativity at work: Psychological and Organizational strategies*: 63–80. Chichester U.K., Wiley, pp. 3–13. (In English).
- Yuan F., Woodman R.W. (2010) Innovative behavior in the workplace: the role of performance and image outcome expectations. *Academy of Management Journal*. Vol. 53, no. 2, pp. 323–342. (In English).
- Zinchenko Yu.P. Volodarskaya I.A. (2007) *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie realizatsii innovatsionnykh obrazovatel'nykh programm* [Psychological and pedagogical support of the implementation of innovative educational programs]. Moscow, MSU Publ., 120 p. (In Russian).

Received 30.10.2017

Об авторе

Авакян Инна Борисовна

кандидат психологических наук,
старший преподаватель

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (филиал, г. Сызрань),
446007, Самарская обл., Сызрань,
ул. Маршала Жукова, 1;
e-mail: avakjaninna@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-9259-8323

About the author

Inna B. Avakyan

Ph.D. in Psychology, Senior Lecturer

The military educational and scientific center of the Air Force «The Air Force Academy. prof. N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin» (Branch, Syzran),
1, Marshal Zhukov str., Syzran, Samara reg.,
446007, Russia;
e-mail: avakjaninna@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-9259-8323

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Авакян И.Б. Оценка готовности преподавателя высшей школы к применению инновационных технологий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 63–78.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-63-78

For citation:

Avakyan I.B. Assessment of the readiness of university and college professors to apply innovative technologies // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 63–78.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-63-78

УДК 159.922.2:002

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-79-87

УРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ ASMR-ТЕХНОЛОГИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕЕ ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Шкарин Дмитрий Леонидович

Центр развития тренинговых технологий (Екатеринбург)

В статье рассматривается новая медийная технология АСМР, получившая широкое распространение в интернет-среде после 2010 г. Автор дает краткое описание явления и определяет ключевые понятия, характеризующие данную технологию. Описываются дискуссии относительно АСМР и определяются основные спорные темы, окружающие это явление: сексуальная и аддиктивная подоплека технологии. Затем автор проводит уровневый анализ технологии АСМР: психофизиологические механизмы воздействия, психологические смыслы и ценности, социальное значение явления в современном медиа-контексте. В результате анализа сделано заключение: эффект технологии можно рассматривать как разновидность эффекта синестезии, в той её разновидности, где перекрещиваются связи между экстерорецепцией и интерорецепцией. Анализируются смысловые и ценностные поля, актуализируемые АСМР-воздействием. Последовательно рассмотрев содержание наиболее частых инструментов, используемых в АСМР, автор, приходит к выводу, что в результате воздействия актуализируются смысловые поля, относящиеся к раннему опыту пребывания в безопасной, комфортной социальной среде. Следующим шагом анализа является рассмотрение технологии АСМР в свете социально-философской проблематики intersubjectivity. Подчеркивается, что реципиент медиавоздействия получает дефицитный опыт признания, необходимый для полноценного обретения персональной идентичности. В ходе анализа социального значения технологии автор делает вывод, что АСМР является альтернативным ответом на агрессивную внешнюю массмедийную среду, которая наблюдается в современных СМИ. В качестве конструктивных рекомендаций предлагается воспользоваться находками технологии АСМР современным медиатеологам для создания более экологичной психосенсорной среды обитания. Подчеркивается ответственность СМИ за психологическое благополучие в обществе.

Ключевые слова: АСМР, интернет-технологии, медиавоздействие, массмедиа, брейнгазм, измененное состояние сознания, идентичность, самоидентичность, психосенсорное воздействие, транс, суггестия, гипноз, информационные технологии.

LEVEL ANALYSIS OF ASMR TECHNOLOGY AND ASCERTAINING ITS PLACE IN THE CONTEMPORARY SOCIAL CONTEXT

Dmitry L. Shkarin

Center of Development of Training Technologies (Ekaterinburg)

The article considers the new media technology of ASMR, widely spread in the Internet environment after 2010. The author gives a brief description of the phenomenon and defines the key concepts that characterize this technology. There is a description of the discussions on ASMR and the main controversial topics surrounding this phenomenon, including the sexual and addictive background of the technology. The author carries out a level analysis of the ASMR technology: psychophysiological mechanisms of influence, psychological meanings and values, the social significance of the phenomenon in the modern media context. The author concludes from the analysis that the effect of the technology can be regarded as a kind of synesthesia effect, in that version of it where the links between exteroceptions and interreceptions overlap. Then the author analyzes the semantic and value fields actualized by the ASMR. Having consistently considered the content of the most frequent tools used in ASMR, the author comes to conclusion that as a result of the impact the semantic fields related to the early experience of staying in a safe, comfortable social environment are restored. The next step in the analysis is the consideration of ASMR technology in the light of the social and philosophical issues of

inter-subjectivity. It is emphasized that the recipient of media influence experiences the feeling of deficit of recognition, necessary for the full-fledged acquisition of a personal identity. In analyzing the social significance of the technology, the author concludes that the ASMR is an alternative response to the aggressive external media environment that is observed in the modern media. The author gives positive recommendations suggesting using the findings of the ASMR technology by modern media technology to create a more environmentally friendly psycho-sensory habitat in modern society. The author highlights a big responsibility of the media for the psychological well-being of the society.

Keywords: ASMR, Internet technologies, media impact, mass media, braingasm, altered state of consciousness, identity, self-identity, psycho-sensory influence, trance, suggestion, hypnosis, information technologies.

В данной статье мы проанализируем технологию ASMR и вынесем суждение о значении этого явления в современном социальном контексте. ASMR — автономная сенсорная меридиональная реакция (ASMR, *autonomus sensory meridian response*). Будем использовать русскую транскрипцию этого термина — АСМР. Понятие АСМР введено в употребление в 2010 г., авторство названия принадлежит Дженнифер Аллен (Evelope Nomia), она же входит в число организаторов международного сообщества АСМР в социальной сети Facebook. Сам термин АСМР пока не получил официального статуса и научного определения, поэтому в статье мы будем апеллировать к исходному контексту его употребления в рамках самого сообщества. На блогах сообщества используется следующая дефиниция: «АСМР — это физическое ощущение, которое характеризуется приятным покалыванием, и, как правило, начинается в голове или коже головы» [Gibson С., 2014; ASMR...]. Соответственно в статье мы условимся считать термин АСМР собирательным обозначением ряда психофизиологических состояний, индуцируемых комплексом специфических воздействий: аудиовизуальных стимулов, подаваемых на пониженной громкости и адресно обращенных непосредственно к получателю. На данный момент времени речь идёт преимущественно о медийных воздействиях, хотя сеансы АСМР возможны и в живой среде. Лицо, осуществляющее воздействие, — АСМРтист (этот термин также взят нами из тезауруса самого АСМР-сообщества). Лицо, испытывающее воздействие, мы будем в дальнейшем называть реципиентом.

Сеансы воздействия снимаются на видео и оформляются в виде небольших видеороликов. Содержанием роликов, как правило, являются небольшие сцены, где АСМРтисты совершают разнообразные действия: рисуют, гадают, шуршат, шелестят всевозможными предметами и материалами, рассказывают сказки и истории, делятся полезными советами. При этом сеансы сопровождаются очень тихой речью, часто шепотом или с использованием нефонематических звуков. Ино-

гда действия проходят в форме ролевых игр, обращенных непосредственно к зрителю. Ролики выкладываются преимущественно на каналах YouTube, и лучшие из них имеют многомиллионные просмотры, а АСМРтисты получают многочисленных постоянных подписчиков. Реципиенты рассматривают свой опыт АСМР как вхождение в особые эмоциональные состояния приятной заторможенности и оцепенения, сопровождающиеся сенсорными покалываниями в виде мурашек на коже и вибрациями внутри головы; в каждом случае это очень индивидуально. Возникнув за рубежом, это движение в настоящее время получает широкое распространение в России, где его олицетворением является Мария GentleWhispering — наша соотечественница, которая проживает в США и ведет сеансы на двух языках — русском и английском [Gibson С., 2014; ASMR...].

Сам феномен АСМР до сих пор не получил развернутого социально-философского и социально-психологического анализа, несмотря на многочисленные дискуссии участников АСМР-сообществ и на внимание прессы и культурной общественности. Есть отдельные комментарии и со стороны научной общественности, в частности, специалистов научно-исследовательских центров, таких как Йельский и Шеффилдский университеты [Novella S., 2012; Лучко А., 2014]. Тематами обсуждения являются возможные причины АСМР-эффекта и описания самих состояний. Еще одной обсуждаемой темой является вопрос об эротическом подтексте АСМР-воздействия. Хотя многие АСМРтисты и реципиенты отрицают сексуальную подоплеку практики АСМР, распространенные в медиадискурсе, комментирующем данную практику, номинации «брейнгазм», «оргазм мозга», которые несут соответствующую коннотацию, косвенно свидетельствуют о присутствии в ней шлейфа эротизма [Лучко А., 2014]. И, наверное, самой острой дискуссионной темой является тема наркотического подobia АСМР-эффекта, на эту коннотацию наводят такие расхожие понятия, как «АСМР-мания», «АСМР-зависимость» [ASMR: Интернет-наркотики...].

Целью данной статьи является первичная интерпретация данного явления в научной терминологии. Мы проведем уровневый анализ феномена АСМР, рассмотрим психологическое и социальное значение этой технологии. Данный анализ поможет наметить специфические тенденции развития медиакommunikаций со стороны формы и содержания их воздействия, а также затронуть актуальные социально-философские темы, касающиеся взаимодействия современного человека и медиасреды.

Психофизиологический уровень анализа АСМР-технологии

Определимся с ключевым для ASMR-технологии термином «триггер». В обыденном словоупотреблении слово «триггер» (trigger) означает защёлку, спусковой крючок. Внутри АСМР-сообщества оно активно используется в качестве рабочего термина, определяющего любой стимул, способный вызывать реакцию приятного расслабления и успокоения, оказывать суггестивное воздействие на реципиента [ASMR...]. Внутри сообщества триггеры упорядочиваются по критериям модальности восприятия и знака вызываемой эмоции. В роликах с АСМР-воздействием задействованы две модальности: визуальная (плавные движения, улыбки, блестящие предметы) и аудиальная (журчание воды, шелест, интимные интонации). Часто используется бинауральная подача звука, создающая эффект погружения в объемное звуковое поле.

Суть АСМР-воздействия — вызвать у реципиента с помощью триггеров реакции, захватывающие и остальные сенсорные модальности помимо зрительной и аудиальной, что в совокупности создаёт требуемое комплексное состояние необычного расслабления (зачарованности, замороженности, трансового оцепенения).

Отметим, что хорошо известны и отрицательные триггеры, способные вызывать индивидуальные произвольные реакции раздражения, дрожи (исп. *gřima*), идиосинкразии, нестерпимого отторжения (например, скрип пенопласта, вид некоторых насекомых, резкий голос), имеющие, на наш взгляд, родственную АСМР основу. Далее мы рассмотрим психофизиологическую природу этих феноменов.

Так как многие эффекты АСМР описываются на языке внутрителесных ощущений (вибрации, дрожь, внутренние покалывания, тяжесть внутри головы, общая обездвиженность), то уместно сконцентрироваться на внутренней сенсорике —

интерорецептивных и проприорецептивных сенсорных процессах. Относительно психофизиологических оснований мы считаем убедительными две объяснительные схемы: двухкомпонентная структура эмоциональных состояний и явление синестезии.

Двухкомпонентная структура эмоциональных состояний подразумевает восприятие внешнего объекта эмоции и одновременно восприятие субъективного отношения к этому объекту, что возможно только за счёт отражения внутренних состояний их телесного и психического носителя. Л.М. Веккер, автор системной информационной теории психических процессов, указывал на парадоксальное полимодальное единство: внешнего компонента, базирующегося на экстерорецептивных восприятиях, и внутреннего компонента, опирающегося на интеро- и проприорецептивные ощущения. «Если обратиться к поиску проявлений двухкомпонентности в области модальных характеристик эмоциональных явлений, то эмпирические описания, начиная с вундтовских, содержат экспериментальные свидетельства того, что практически все модальности представлены в феноменологической картине эмоционального явления. Поэтому есть основания говорить об их полимодальности. Однако в рамках этой полимодальности с достаточной определенностью проступает картина полярности или бимодальности состава модальных компонентов эмоционального явления. На одном полюсе этой бимодальной структуры представлены проприо- и интерорецептивная модальность, на другом полюсе — разные формы модальностей экстерорецептивных: тактильных, слуховых и зрительных по преимуществу» [Веккер Л.М., 1981, с. 123].

Это положение само по себе содержит ключ к пониманию психофизиологической природы эффектов АСМР. Автономность реакции АСМР можно понимать как необходимую привязку второго, внутреннего компонента в бимодальной структуре эмоциогенных восприятий. Однако пока остаются за кадром два важных вопроса: с чем связана разная степень выраженности эффектов у разных людей, с одной стороны, и чем обусловлен разброс реакций на одни и те же триггеры, с другой.

Разная степень выраженности эффектов имеет своими истоками асимметричность самой двухкомпонентной структуры эмоционального восприятия, что обусловлено естественным смещением фокуса внимания на внешнюю действительность. «Общий алфавит интеро- и проприорецеп-

тивных модальностей в силу принципиальной направленности психики преимущественно на внешний мир является существенно более бедным, чем алфавит языка модальностей экстерорецептивных. Эта большая ограниченность и бедность имеет не только количественные, но и качественные проявления. Они выражаются в том, опять-таки ввиду основной объектной направленности психики, что интерорецептивные сенсорные образы существенно более диффузны и расплывчаты по сравнению с экстерорецептивными. Субъект в двухкомпонентной структуре эмоционального гештальта не только, так сказать, прикрыт “одеждой” объекта, представленного в ее когнитивном компоненте, но и завуалирован диффузностью, смутностью и расплывчатостью сенсорных образований, составляющих модальность субъектного компонента» [Веккер Л.М., 1981, с. 141–142].

Для нас важно это обстоятельство, потому что оно подчеркивает полимодальный характер эмоциональных реакций и проясняет возможную причину разной степени восприимчивости к ASMR-эффектам в связи с разным багажом и, соответственно, «словарем» репрезентаций интерорецептивных ощущений разных индивидов. Кроме того, оно наводит на мысль, что обогащенный словарь таких репрезентаций может увеличивать уровень их дифференцированности и способствовать повышению чувствительности к субъективному компоненту эмоций [Нагорная А.В., 2014; Гудков Д.Б., 2007]. И наоборот, фиксация исключительно на экстерорецептивной составляющей, диктуемая доминантой нашей объектоориентированной цивилизации, значительно снижает внутреннюю чувствительность и может приводить к полному растворению себя как субъекта во внешней действительности. Возможно, желание противостоять этому растворению и является одним из мотивов участия в ASMR-движении.

Таким образом, первая объяснительная схема находит вполне рациональные основания внутренних эффектов от просмотра ASMR-роликов, особенно если учесть наличие изначальной установки реципиента получить именно внутренний сенсорный отклик и обеспечить для себя состояние релаксации. Эта установка автоматически смещает фокус внимания в область интерорецепторики и резонирует с внешним потоком воздействий со стороны ASMR-тиста. Но это не значит, что отклик невозможен без предустановки.

Остается вопрос, почему у разных реципиентов обнаруживается широкий разброс качествен-

ных описаний эффектов на одни и те же триггеры. Понятно, что в отличие от сферы экстерорецепторики сфера внутренней рецепции не подвергается и не может быть подвержена сильной социально обусловленной унификации. Было бы проблематично привести интерорецептивный опыт разных людей в полное соответствие. Внутренняя среда не разделяется с другими, как внешняя среда, к тому же она не имеет развитого словаря вербальных репрезентаций соответствующего опыта. На наш взгляд, ответ надо искать именно в синестетической природе эффектов ASMR как частном виде внутреннего сенсорного отклика на внешний поток стимуляции.

Синестезия как явление изучена и представлена в научной литературе достаточно полно [Галеев Б.М., 1992], поэтому мы не будем уходить в историю вопроса и остановимся только на необходимых для нашего анализа моментах. В основе синестезий находятся ассоциативные связки между ощущениями разных модальностей. Основными вариантами образования связок являются метафоры (несмежные ассоциации) и метонимии (ассоциации по смежности). Используя наложение двух типов связок на сенсорные ощущения, О.А. Елисеева [Елисеева О.А., 2013] приводит показательные примеры интермодальных переносов («сочный звук») и полимодальных переносов («мягкий на вид ковер»). Синестезиям соответствует интермодальный метафорический перенос, который более неожидан и субъективен, чем метонимический. Для нас здесь важно подчеркнуть, что когда в эффектах ASMR срабатывает механизм синестезии, то ассоциации у разных людей имеют непредсказуемый, индивидуальный характер, «каждый впадает в свое особенное детство».

Таким образом, можно утверждать, что ASMR-отклик является частным вариантом синестезии по линии интермодальной связки между хорошо отобранной ASMR-тистом экстерорецептивной стимуляцией и интрорецепцией реципиента.

Психологический уровень анализа ASMR-технологии

Теперь рассмотрим явление ASMR с его смысловой стороны, которая раскрывается в содержании сценарных воплощений. Нас интересует, в чем заключаются смысл и ценность погружения в ASMR-состояние для его любителей. Мы считаем, что центральное смысловое ядро сеансов ASMR связано с возрастной регрессией. Триггеры ласкового голоса, проявления заботы и внимания, поглаживания и убаюкивания волшебными и за-

бавными историями создают атмосферу защищенности и спокойствия, уюта и благополучия. Естественно, что это способствует снижению уровня тревожности и стресса. Сознание фиксирует текущий момент настоящего, которое максимально комфортно, и стремится удержать его как можно более длительное время. Многие реципиенты указывают именно на эту черту АСМР-эффекта — желание, чтобы оно не прекращалось, нежелание выходить из комфортного оцепенения.

Можно предположить, что одним из ведущих мотивов погружения в состояние АСМР является желание почувствовать себя в атмосфере уюта и безопасности. Как правило, мотив активизируется при стрессовой перегрузке агрессивными стимулами, поступающими из внешней среды. Этот момент подробно обсуждается антропологом Десмондом Моррисом в книге «Людской зверинец», посвященной особенностям поведения людей в современной урбанистической среде: *«Если стимулы слишком сильны, вы можете ослабить свои поведенческие реакции, снижая способность реагировать на эмоции, поступающие извне»* [Десмонд М., 2004, с. 249].

Остановимся на вопросе о сексуальной подоплеке АСМР. На первый взгляд на него указывают такие фасцинативные триггеры, как приближение к экрану лица и отдельных частей тела, касания себя и камеры, ласковое обращение к реципиенту, звуковые нефонематические сигналы явно эротического характера, такие как причмокивания, поцокивания. Речь АСМР-тиста наполнена фасцинациями и нефоносемантическими заигрываниями [Соковнин В.М., 2005]. Однако, на наш взгляд, этот триггерный ряд больше отсылает не к сексуальному взаимодействию, но опять-таки к опыту взаимодействия матери и младенца, где семантическая роль речи минимальна и практически нет знакового, символического кодирования контакта.

Частое использование формы ролевой игры через экран еще более приближает АСМР-сеансы к опыту живого непосредственного контакта матери и ребенка, не требующие никаких социально обусловленных преград по типу условностей, знаковых конвенций и т.п. Мы отмечаем огромный психотерапевтический потенциал игры без знаковых замещений. Необязательный, игровой способ без аналитико-синтетического осмысления переживания создаёт предпосылки для понимания условности любого, в том числе и нормативного прочтения возникающих состояний, что в конечном счёте работает на освобождение субъекта от жёстких социокультурных установок,

программирующих протекание эмоционального потока [Пятинин А.Э., Шкарин Д.Л., 2000]. «Субъективно новое отношение к установленному эпизоду описывается в предикатах “эфемерность”, “хрупкость”, “непрочность”, при этом данные предикаты описывают не восприятие виртуальной реальности, а **восприятие поверхности как поверхности**» [Шкарин Д.Л., 1997].

В этой связи уместно вспомнить о магических триггерах, таких как заклинания, гадания, шепот, зеркала и свечи. Несмотря на то что функция этих атрибутов — глубинный настрой реципиентов на приобщение к определенному сообществу и причастность к общим, в том числе вполне серьезным целям, для стороннего наблюдателя (и вне заложенного в них смысла — для самих участников) носят игровой характер. Восприятие же происходящего как игры освобождает от серьезного отношения к исполняемым ритуалам. АСМР-тисты выглядят скорее как детские сказочники, нежели реальные заклинатели [Черепанова И.Ю., 1996].

В нашей статье мы не стали рассматривать всё многообразие тематических контекстов АСМР-сеансов. Во-первых, этот ряд открыт и постоянно расширяется за счёт введения новых тем. В основном расширение идет за счет включения разнообразных несложных манипуляций: рисование, шитье и т.д. Во-вторых, складывается впечатление, что определяющее значение в АСМР-сеансах имеет не столько тематическое содержание, сколько фоновый эмоциональный контекст, в который эти содержания погружены. Вероятно, именно введение реципиента в беззаботное, уютное, «анабиотическое» состояние и является основной задачей, которая лежит в основе технологии АСМР.

Социальное значение АСМР-технологии

Завершив обзор психофизиологической и психологической подосновы технологии АСМР, поговорим о ее возможном значении в современном социальном контексте. Мы считаем, что многие аспекты технологии АСМР имеют высокий психотехнический и социотехнический потенциал вследствие того, что отражают и компенсируют некоторые негативные тенденции, проявляющиеся в массмедиа и обществе в целом.

Первое, что обращает на себя внимание, это противопоставление триггерной основы АСМР-технологии интонационной стилистике современных массмедиа и, шире, общей среды обитания современного человека. Мы уже упоминали в начале нашей статьи о том, что помимо модаль-

ной классификации и двухкомпонентой структуры эмоционального состояния сенсорное воздействие также кодировано двоичным оценочным значением, соответственно триггеры различаются по знаку, отрицательному и положительному. Естественно, что чем больше отрицательных стимулов воздействует на восприятие человека со стороны внешнего пространства, тем сильнее компенсаторная мотивация погрузиться в экологичную, комфортную сенсорную среду.

Современная политическая, новостная и даже рекламная риторика явно не учитывает или сознательно нарушает законы сенсорного благополучия, излишне активизируя фоновое отрицательное сопровождение сообщений. Можно было бы долго перечислять нарушающие экологичность восприятия стимулы, которые во многом целенаправленно запускаются медиаканалами в сознание и главным образом в бессознательное реципиентов. При этом они оказываются в ситуации, пользуясь терминологией рекламистов, «вынужденного пленника». По наблюдению Г. Маркузе, «...экспансия всех форм коллективного труда, общественной жизни и развлечений вторглась во внутреннее пространство личности и практически исключила возможность такой изоляции, в которой предоставленный самому себе индивид может думать, спрашивать, находить ответы на свои вопросы. Этот вид уединения — единственное условие, которое на основе удовлетворенных жизненных потребностей и способно придать смысл свободе и независимости мышления» [Маркузе Г., 2003, с. 316].

Технологии АСМР, конечно, также являют собой форму экспансии во внутреннее пространство субъекта, с той лишь разницей, что эта экспансия, как мы полагаем, является защитой от более жесткой экспансии навязанного фонового агрессивного контента и открывает возможность для раскрытия внутренних переживаний и освоения внутреннего чувственного поля, являющегося основой субъектности. Или, другими словами, пространство АСМР становится парадоксальным освобождением территории приватности изнутри самих медиа, где нарушение границ приватности является главным отличительным свойством, отмечаемым во множестве социологических исследований современных массмедиа.

При этом отход от доминанты символических репрезентаций в пользу чувственных компонентов роднит технологии АСМР со всеми прочими медийными технологиями, что становится выражением общего духа информационного общества.

Об этой характеристике современной эпохи красноречиво свидетельствует Б.М. Марков, предваряя следующими наблюдениями сборник очерков Ю. Хабермаса «Вовлечение другого»: «В таких делах, какими являются отношения к другому и тем более чужому, рациональных аргументов не всегда достаточно. Не абсолютизируем ли мы профессорскую модель коммуникации? Сегодня сомнения в ее универсальности зарождаются в связи с интенсивным развитием экранной культуры, которая расценивается книжными интеллектуалами как эрзац бестиализирующих зрелищ времен Римской империи. По отношению к аудиовизуальным средствам коммуникации недостаточна и техника деконструкции. Сила современных экранных медиумов по сравнению с книгой состоит в том, что они опираются на образ и звук. Она проистекает не из идей, истин или сущностей, она не предполагает рефлексии, т.е. переключение внимания с формы знака на его значение. В масс-медиа образы представляют сами себя и не отсылают к тому, чему учат в университете. Отсюда изображения вещей или политиков в рекламных роликах воздействуют по-иному, чем интеллектуальные знаки. Зритель видит красивую вещь или внушающее доверие лицо политика, слышит бархатный обещающий неземные блага голос, попадает под воздействие завораживающего взгляда. Идолократия, иконофилия, фетишизм — это, конечно, не современные феномены. Поражает парадоксальное возрождение сегодня какой-то примитивной магической, оккультной, магнетопатической техники производства визуальных знаков, которые не имеют никакого смысла и не требуют рефлексии, зато эффективно вызывают те или иные психические реакции» [Марков Б.М., 2001, с. 7].

И, наконец, наиболее значимый момент в оценке социального значения технологии АСМР уходит вглубь социально-философской проблематики интересубъективности. Ситуация социального взаимодействия включает в себя две траектории — признания и утверждения себя перед другим и другого перед собой. Рецепция сеанса АСМР высвечивает очень важную деталь: прекращение собственного сознательного отклика на другого при одновременной тотальной захваченности вниманием, «кликом» другого. И дело не в виртуальности образа АСМР-иста, являющегося по сути говорящей электронной картиной неизвестной личности, хотя и обращающейся к реципиенту самым прямым, адресным (вплоть до вокативов) способом. В медийном исполнении яс-

нее схватывается то, что присутствует и в других обыденных явлениях жизни, не требующих медиопосредничества. Погруженность в собственное присутствие при берегающем и заботливом (пусть и иллюзорном) внимании, признании и обращении со стороны другого, собственная принимающая пассивность, активность другого, погружение в транс существования вне времени, словно стрижка в парикмахерской без необходимости ответной вербализации — ключ «переворачивания» ситуации конкуренции и борьбы за внимание, превращения ее в естественное соприсутствие без затратной волевой борьбы за самообнаружение и признание другого. Отсутствие необходимости отклика как раз и позволяет обостренно воспринимать свой сенсорный, досимволический отклик как источник исходной субъектности, обостренное чувство присутствия в противовес растворению собственной активности в повседневной жизни, подчиненной регламенту социальной необходимости.

«Культура неотделима от возникновения и развития отчуждения, она всегда существует только как компенсация, подмена настоящего его видимым воплощением. Культура воплощает в себе разрыв между целостностью и частями целого, превращающимися в принуждение. Время, язык, число, искусство — все это навязано культурой и давит нас, получив собственную, независимую от нас жизнь» [Зерзан Д., 2007, с. 184]. По сути, эта деталь и является квинтэссенцией технологии АСМР. Она пронизывает многие феномены, затронутые нами: и психофизиологическую потребность усиления заслоненного внешним объектом внутрисенсорного компонента субъектности восприятия, и погружение в парадосемантическую атмосферу коммуникации, и детскую непосредственность, и пассивную доступность, открытость присутствию другого без необходимости защиты и отклика. В некотором смысле все эти моменты можно было бы обобщить как сублимированную, симулятивную форму удовлетворения потребности живого чувства себя в современном мире функциональности.

Основные выводы из уровня анализа АСМР-технологии

Как явствует из проведенного нами анализа, за самой технологией АСМР-воздействия нет ничего мистического и не поддающегося рациональному объяснению. С точки зрения психофизиологии эффект АСМР расценивается нами как интермодальная связка поступающего извне эксте-

рорецептивного потока с интерорецептивными ощущениями. Поскольку этот тип связки составляет разновидность синестезии, то он имеет ярко выраженный индивидуальный характер. Но это не отменяет действенность и полимодальной связки, которая работает как чувственная метонимия, ассоциация по смежности. Это более типовой фонный отклик, и по интенсивности он может уступать интермодальному переносу. Но что объединяет оба типа отклика, так это его знак — отрицательный или положительный. И АСМР-эффект направлен на положительный полюс сенсорного отклика.

Здесь также обнаруживается значимость развития внутренней чувствительности для личности в целом, поскольку именно освоение внутреннего опыта укрепляет самоидентичность субъекта, не позволяя ему раствориться во внешнем опыте, тогда как именно объектная составляющая является доминантой современного общества. Свидетельством тому является современная индустрия развлечений, перегружающая сенсорнику современного человека и фактически поглощающая его сознание без остатка.

Мы отмечаем, что смысловое поле, актуализируемое технологией АСМР, затрагивает безопасную среду и позитивный опыт контакта в родительски-детских отношениях. В результате максимально имитируется атмосфера любви и заботы, актуализируется первичный опыт незнакового взаимодействия, опыт непосредственного контакта. Под воздействием положительных сенсорных стимулов сознание осуществляет регрессию в детское состояние, характеризующееся беззаботностью и максимальной степенью комфорта.

Исходя из вышесказанного, мы считаем, что полезно развести сам сенсорный эффект, которому, собственно, и соответствует термин АСМР (автономная сенсорная меридиональная реакция), и триггерную основу воздействия. Логичней было бы называть технологию не по эффектам восприятия, а по инструментальному наполнению. В этом смысле АСМР — технология медиавоздействия, родственная классическим процедурам наведения транса. В инструментальном плане в рамках этой технологии осуществляется целенаправленный поиск, отбор и синтез стимулов, направленных на получение безусловно положительных (по знаку) откликов в сенсорной системе реципиента.

Заключение

Анализ технологии АСМР показывает, что вопрос сенсорного благополучия является актуальной в современном обществе темой. Современные медиа ответственны не только за формы и содержание сообщений, но и за те психосенсорные отклики, которые они формируют у реципиентов. Нам представляется, что дальнейшее изучение данной технологии могло бы протекать по двум направлениям:

1. Изучение технологического инструментария и инвентаризация сенсорных стимулов, полезных для использования при создании медиасообщений.

2. Исследование реакций реципиентов на данные стимулы и создание адекватного словаря описания внутреннего сенсорного пространства.

Список литературы

Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 3: Субъект. Переживание. Действие. Сознание. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 324 с.

Галеев Б.М. Проблема синестезии в эстетике // Современный Лаокоон: эстетические проблемы синестезии. М.: Изд-во МГУ, 1992. С. 5–9.

Гудков Д.Б. Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

Елисеева О.А. Метонимические и метафорические способы описания характера концептуализации чувственного восприятия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5(23), ч. 1. С. 62–65.

Зерзан Д. Первобытный человек будущего. М.: Гилея, 2007. 224 с.

Лучко А. Что такое брейнгазм, и как его достичь. Эксперты рассказывают об ASMR / Look At Me. 2014. 23 янв. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/interweb/199771-asmr> (дата обращения: 29.03.2017).

Марков Б.М. В поисках другого // Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 5–44.

Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 331 с.

Моррис Д. Людской зверинец. СПб.: Амфора, 2004. 287 с.

Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: вербалика внутрителесных ощущений. М.: Ленанд, 2014. 320 с.

Пятинин А.Э., Шкарин Д.Л. Языковое творчество как психотерапевтический приём // Язык. Система. Личность: материалы Всерос. конф. Екатеринбург, 2000. С. 282–287.

Соковнин В.М. Фасцинология. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 400 с.

Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: КСП, 1996. 384 с.

Шкарин Д.Л. О трансформациях поверхности картин // Журнал практического психолога. 1997. № 5. С. 45–48.

ASMR / Reddit. URL: <https://www.reddit.com/r/asmr/> (accessed: 29.03.2017).

ASMR: Интернет-наркотики, которые никто не запретит / Дом фактов. 2016. 15 фев. URL: <http://domfactov.com/asmr-internet-narkotiki-kotoryie-nikto-ne-zapretit.html> (дата обращения: 29.03.2017).

Gibson C. A whisper, then tingles, then 87 million YouTube views: Meet the star of ASMR // The Washington Post. 2014. Dec. 15. URL: http://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/a-whisper-then-tingles-then-87-million-youtube-views-meet-the-star-of-asmr/2014/12/12/0c85d54a-7b33-11e4-b821-503cc7efed9e_story.html (accessed: 29.03.2017).

Novella S. ASMR / Neurologica. 2012. Mar. 12. URL: <http://www.webcitation.org/6Hm17Mom7> (accessed: 29.03.2017).

Получено 03.04.2017

References

ASMR: Internet-narkotiki, kotoryye nikto ne zapretit [Internet drugs that no one will prohibit]. *Dom factov* [The house of facts]. 2016, Feb 15. Available at: <http://domfactov.com/asmr-internet-narkotiki-kotoryie-nikto-ne-zapretit.html> (accessed 29.03.2017). (In Russian).

ASMR / Reddit. Available at: <https://www.reddit.com/r/asmr/> (accessed 29.03.2017). (In English).

Cherepanova I.Yu. (1996). *Dom koldun'i. Yazyk tvorcheskogo Bessoznatel'nogo* [The house of the witch. The language of the creative Unconscious]. Moscow, KSP Publ., 384 p. (In Russian).

Elyseeva O.A. (2003). *Metonimicheskie i metaforyicheskie sposoby opisaniya haraktera kontseptualizatsii chuvstvennogo vospriyatiya*. [Metonymic and metaphorical ways of describing the nature of the conceptualization of sensory perception]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice]. No. 5(23), part 1, pp. 62–65. (In Russian).

Galeev B.M. (1992). *Problema sinestezii v estetike* [The problem of synaesthesia in aesthetics]. *Sovremennyy Laokoon: esteticheskie problemy sinestezii* [Contemporary Laocoon: aesthetic problems of synaesthesia]. Moscow, Moscow State University Publ., pp. 5–9. (In Russian).

Gibson C. (2014). A whisper, then tingles, then 87 million YouTube views: Meet the star of ASMR. *The Washington Post*. Dec. 15. Available at: <http://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/a->

whisper-then-tingles-then-87-million-youtube-views-meet-the-star-of-asmr/2014/12/12/0c85d54a-7b33-11e4-b821-503cc7efed9e_story.html (accessed 29.03.2017). (In English).

Gudkov D.B. Kovshova M.L. (2007). *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The corporal code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnosis Publ., 288 p. (In Russian).

Luchko A. (2014). *Chto takoe breyngazm, i kak ego dostich'. Eksperty rasskazyvayut ob ASRM* [What is the braingasm, and how to achieve it. Experts talk about ASRM]. Look At Me. Jun. 23. Available at: <http://www.lookatme.ru/mag/live/interweb/199771-asmr> (accessed 29.03.2017). (In Russian).

Marcuse G. (2003). *Odnomernyy chelovek* [One-Dimensional Man]. Moscow, AST Publ., 331 p. (In Russian).

Markov B.M. (2001). *V poiskah drugogo* [In search of the other]. *Habermas J. Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii.* [Habermas J. Involvement of another. Essays on political theory]. St. Petersburg, Science Publ., pp. 5–44. (In Russian).

Morris D. (2004). *Lyudskoy zverinets* [The Human Zoo]. St. Petersburg, Amphora Publ., 287 p. (In Russian).

Nagornaya A.V. (2014). *Diskurs nevyrazimogo: verbalika vnutritel'snykh oshchushcheniy* [The dis-

course of the inexpressible: the verbal of inner intuitive sensations]. Moscow, Lenand Publ., 320 p. (In Russian).

Novella S. (2012). ASMR / Neurologica. Mar. 12. Available at: <http://www.webcitation.org/6Hm17Mom7> (accessed 29.03.2017). (In English).

Pyatinin A.E., Shkarin D.L. (2000). *Yazykovoe tvorchestvo kak psikhoterapevticheskiy priyom* [Language creativity as a psychotherapeutic device]. *Yazyk. Sistema. Lichnost'* [Language. System. Personality]. Ekaterinburg, pp. 282–287. (In Russian).

Shkarin D.L. (1997). *O transformatsiyah poverkhnosti kartin* [On the transformations of the surface of paintings]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of practical psychologist.]. No. 5, pp. 45–48. (In Russian).

Sokovnin V.M. (2005). *Fastsinologiya* [Fascinology]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 400 p. (In Russian).

Vekker L.M. (1981). *Psikhicheskiye protsessy. T. 3: Sub'yekt. Perekhvativaniye. Deystviye. Soznaniye* [Mental processes. Vol. 3: Subject. Experience. Act. Consciousness]. Leningrad, Leningrad University Publ., 324 p. (In Russian).

Zerzan D. (2007). *Pervobytnyy chelovek budushchego* [Primitive man of the future]. Moscow, Gilea Publ., 224 p. (In Russian).

Received 03.04.2017

Об авторе

Шкарин Дмитрий Леонидович
психолог-консультант

Центр развития тренинговых технологий,
620142, Екатеринбург, ул. Большакова, 61;
e-mail: dshkarin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6619-984X

About the author

Dmitry L. Shkarin
consultant psychologist

Center of Development of Training Technologies,
61, Bolshakov str., Ekaterinburg, 620142, Russia;
e-mail: dshkarin@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6619-984X

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шкарин Д.Л. Уровневый анализ ASMR-технологии и определение ее значения в современном социальном контексте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 79–87.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-79-87

For citation:

Shkarin D.L. Level analysis of ASMR technology and ascertaining its place in the contemporary social context // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 79–87.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-79-87

УДК 159.942.5:61–057.5

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-88-97

ОСОБЕННОСТИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ МНОГОПРОФИЛЬНОГО СТАЦИОНАРА

*Миков Дмитрий Рудольфович, Кулеш Анна Михайловна, Муравьев Сергей Владимирович,
Черкасова Вера Георгиевна, Чайников Павел Николаевич,
Соломатина Наталья Владимировна*

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера

Особенности профессиональной деятельности медицинских работников предрасполагают к развитию синдрома эмоционального выгорания. Несмотря на достаточную изученность клинических проявлений эмоционального выгорания с позиций половой возрастной и профессиональной принадлежности, остаются малоизученными распространенность и закономерности развития эмоционального выгорания у медицинских работников отдельного лечебно-профилактического учреждения как замкнутой социальной группы. Цель исследования: изучить распространенность и выраженность симптомов синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников многопрофильного стационара. Материалы и методы: методом анонимного анкетирования по методике В.В. Бойко изучена распространенность и особенности симптомов синдрома эмоционального выгорания по трем фазам — напряжение, резистенция, истощение — среди 84 медицинских работников обоих полов, занимающих должности врачей (26 человек), среднего (47 испытуемых) и младшего (11 респондентов) медицинского персонала. Результаты исследования: показано, что около половины всех испытуемых испытывают симптомы эмоционального выгорания, при этом более чем у трети эмоциональное выгорание находится в стадии актуального развития. Разработана модель последовательного формирования фаз синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников. Полученные данные свидетельствуют о распространенности у медицинских работников многопрофильного стационара синдрома эмоционального выгорания, который дебютирует самонеудовлетворенностью и переживанием психотравмирующих ситуаций, неадекватным эмоциональным реагированием и редуцией профессиональных обязанностей. При этом для врачей характерно развитие тревоги и депрессии, для младшего персонала — возникновение эмоционального дефицита и симптома загнонности в клетку. Представленные данные указывают на необходимость выявления синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников и на разработку методов его коррекции.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания, медицинские работники, многопрофильный стационар.

FEATURES OF THE BURNOUT SYNDROME IN HEALTH CARE WORKERS OF A MULTI-SPECIALITY HOSPITAL

*Dmitriy R. Mikov, Anna M. Kulesh, Sergey V. Muravyev, Vera G. Cherkasova,
Pavel N. Chainikov, Natalya V. Solomatina*

Perm State Medical University named after acad. E.A. Wagner

Features of professional activity of medical workers predispose to the development of the syndrome of emotional burnout. Despite sufficient knowledge about clinical manifestations of burnout from the standpoint of reproductive age and professional affiliation, there remain poorly investigated aspects, such as incidence and patterns of development of burnout in medical personnel of a separate medical institution as a closed social group. The purpose of the study: to investigate the incidence and severity of symptoms of the syndrome of emotional burnout among health care workers of a multi-speciality hospital. Materials and methods: the method of anonymous questionnaire survey based on the method of V.V. Boyko was used to study the incidence

and characteristics of symptoms of the emotional burnout syndrome in three phases: «stress», «resistant», «exhaustion» among 84 medical workers of both sexes holding the positions of doctors (26 people), medium (47 subjects) and junior (11 respondents) medical staff. The results of the study indicate that about half of all the subjects are experiencing symptoms of burnout, while more than a third of emotional burnout is under current development. The authors of the article developed a model of successive formation of phases of emotional burnout among health care workers. The presented data show the high incidence among health care workers of a multi-speciality hospital of the syndrome of emotional burnout, which is coming out with self-dissatisfaction and experiencing traumatic situations, inappropriate emotional response and reduction of professional duties. Concerning doctors, typical signs of emotional burnout appear to be developing anxiety and depression, among junior staff — emotional deficits and the feeling of being engaged. The data presented indicate the necessity to intensify the identification and development of methods of correction of the emotional burnout syndrome among health care workers.

Keywords: burnout syndrome, medical workers, multi-speciality hospital.

Введение. Проблема профессионального выгорания особенно актуальна применительно к определенным группам. Одной из таких групп являются врачи и медицинские работники. Это связано не только с тем, что медицинская деятельность предполагает устойчивое взаимоотношение «врач – пациент» и коммуникацию в его рамках, но и с тем, что деятельность врача связана с вопросами «жизни и смерти», что налагает на него высокую степень ответственности за другого человека [Иванюшкин А.Я. и др., 1998].

С позиций МКБ X пересмотра синдром эмоционального выгорания (СЭВ) — это патологическое состояние, имеющее полноценный статус «заболевания» под шифром Z-73 — стресс, связанный с трудностями управления своей жизнью [Иванюшкин А.Я. и др., 1998; Корпякова Н.И. и др., 2014]. Однако понятие «стресс» нельзя считать удачным, поскольку СЭВ не имеет ничего общего с процессом стрессовой реакции, а является его негативным исходом — дистрессом, а именно третьей стадией общего синдрома адаптации — истощения вследствие развития неуправляемой стрессовой реакции [Корпякова Н.И. и др., 2014; Бердяева И.А., Войт Л.Н., 2012]. СЭВ обладает множеством клинических проявлений, однако согласно выводам К. Маслач и С. Джексона принято выделять три основных психопатологических компонента СЭВ [Ревина Н.Е., Котов А.В., 2010; Боева А.В. и др., 2013; Maslach C., Jackson S.E., 1986; Maslach C., Goldberg J., 1998]: эмоциональную истощенность, проявляющуюся эмоциональной опустошенностью и усталостью; деперсонализацию, характеризующуюся обезличиванием отношений с людьми, и редукцию профессиональных достижений, связанную с обесцениванием.

Несмотря на достаточную изученность клинических проявлений СЭВ с позиций половой [Огнерубов Н.А., 2013; Боева А.В. и др., 2013; Силкина А.А. и др., 2014], возрастной [Огнерубов Н.А., 2013] и профессиональной [Корпякова

И.И. и др., 2014; Бердяева И.А., Войт Л.Н., 2012; Силкина А.А. и др., 2014; Исаева Е.Р., Гуреева И.Л., 2010; Петрова Е.В. и др., 2011; Марченко-Тябут Д.А., Головач А.А., 2005; Ларенцова Л.И., 2002; Иванченко В.А., 2015] принадлежности, малоизученными остаются распространенность и закономерности развития СЭВ у медицинских работников отдельно взятого лечебно-профилактического учреждения, которое можно считать замкнутой социальной группой по причине наличия у ее членов общих профессиональных интересов, обуславливающих монодеятельность и моноструктурированность группы [Кондратьев М.Ю., 1997].

Цель исследования. Выявить распространенность и выраженность симптомов синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников многопрофильного стационара.

Материалы и методы. Проведено пилотажное исследование путем анонимного анкетирования 84 медицинских работников многопрофильного стационарного лечебно-профилактического учреждения г. Перми. Средний возраст испытуемых составил $40,55 \pm 11,13$ лет. Были выделены группы сравнения исходя из возраста, занимаемой должности и стажа профессиональной деятельности.

В зависимости от возраста испытуемых были выделены две группы сравнения. В первую группу вошли 37 испытуемых младше 40 лет, во вторую — 45 испытуемых старше 40 лет.

На основании занимаемой должности были выделены три группы сравнения. В первой группе, представленной лицами, занимающими должность врача, оказалось 26 человек. Во второй группе, представленной исключительно средним медицинским персоналом (медицинские сестры и лаборанты), было 47 испытуемых. Третья группа состояла из 11 человек, занимающими должности младшего медицинского персонала (санитары).

Исходя из продолжительности профессиональной деятельности выделены также три группы

сравнения. Медицинские работники, обладающие стажем от 0 до 9 лет в количестве 35 человек, составили первую группу сравнения. Вторая группа была представлена 14 испытуемыми, имеющими профессиональный стаж от 10 до 19 лет. Третья группа испытуемых была сформирована 35 лицами, занятыми профессиональной медицинской деятельностью в течение 20 и более лет.

В качестве инструмента оценки выраженности СЭВ была использована методика, предложенная В.В. Бойко [Ильин Е.П., 2011], которая представляет собой опросник из 84 вопросов, формирующих 12 симптомов. Данные симптомы были сгруппированы в три блока соответственно фазам развития СЭВ: I фаза — «напряжение», II фаза — «резистенция» (сопротивление) и III фаза — «истощение». По балльным показателям оценивались выраженность каждого симптома и степень формирования фаз СЭВ. Так, симптом считался несложившимся, если сумма баллов при его оценке была меньше или достигала 9. Складывающийся симптом характеризовался диапазоном балльной оценки от 10 до 15. Для сложившегося симптома сумма балльной оценки превышала 16. Аналогичным образом оценивалась выраженность фаз СЭВ. Для несформированной фазы была характерна сумма баллов по формирующим ее симптомам не превышающая 36. Формирующаяся фаза описывалась суммой балльной оценки по симптомам в диапазоне от 10 до 15 баллов. Сформировавшаяся фаза СЭВ оценивалась суммарной балльной оценкой, превышающей 61 балл.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета Statistica 8.0 для Windows XP. Основные данные представлены в виде медианы (Me), первого и третьего квартилей (Q_1 и Q_3 соответственно). Сравнительный анализ двух независимых групп количественных признаков выполнялся с помощью U-критерия Манн–Уитни. Достоверным считали значение, если уровень $p < 0,05$.

Результаты. Процентная представленность и описательные данные количественных показателей СЭВ всех испытуемых представлены в табл. 1 и на рис. 1.

В общей совокупности около половины испытуемых испытывают симптомы СЭВ. Несмотря на то что только лишь у 14,29 % испытуемых СЭВ оказался сформированным, более чем у трети обследованных медицинских сотрудников СЭВ находится в актуальном динамическом развитии и рано или поздно приведет к его полноценному формированию.

Согласно представленным количественным показателям выраженности симптомов и фаз «лидирующую» позицию в клинике сложившейся первой фазы СЭВ занимает симптом неудовлетворенности собой, связанный, вероятно, с низкой оценкой собственных профессиональных качеств [Силкина А.А. и др., 2014; Исаева Е.Р., Гуреева И.Л., 2010; Maslach С., 1982]. На втором месте в представленности симптомов первой фазы находится симптом переживания психотравмирующих обстоятельств, который свидетельствует о низкой резистентности к стрессовым факторам — «слабости» барьера психологической защиты испытуемых [Анцыферова Л.И., 1994]. Остальные симптомы сформировавшейся первой фазы вносят относительно равноценный вклад в ее развитие. Аналогична картина и формирующейся первой фазы. Вклад в развитие всех ее симптомов относительно равноценен.

При анализе как сформировавшейся, так и формирующейся второй фазы СЭВ следует обратить внимание на доминирующие позиции первого симптома — неадекватного избирательного эмоционального реагирования, который описывается нерациональной и непропорциональной эмоциональной реакцией на привычный раздражитель. Подобная эмоциональная реакция прежде всего необычна крайностью своей выраженности. Так, этот симптом может проявляться как вспышками агрессии, так и эмоциональной бедностью реакций [Боева А.В. и др., 2013]. На втором месте по распространенности симптомов сформировавшейся и формирующейся второй фазы СЭВ находится симптом редукции профессиональных обязанностей, заключающийся в пренебрежении своими трудовыми обязанностями, что неизбежно сказывается на качестве профессиональной деятельности [Боева А.В. и др., 2013].

Сформировавшаяся и формирующаяся третья фаза СЭВ является относительно равносильным сочетанием основных ее симптомов. Однако очевидным согласно представленным данным является вклад симптомов эмоционального дефицита и эмоциональной отстраненности в развитии третьей фазы, которые усугубляют апатию и практически обнуляют эмоциональную реактивность испытуемых [Боева А.В. и др., 2013].

Таким образом, на основании представленных данных целесообразно построить гипотетическую модель (рис. 2) формирования СЭВ в условиях многопрофильного стационара, функционирующего как замкнутая социальная группа.

Таблица 1. Количественные значения и процентная представленность симптомов и фаз СЭВ у испытуемых

Фаза	№ п/п, симптом (б.),	Q ₁	Me	Q ₃	Представленность симптома / фазы / СЭВ (%)		
					1	2	3
Напряжение	1. Переживание психотравмирующих обстоятельств	3,00	14,00	17,00	40,48	21,43	38,10
	2. Неудовлетворенность собой	2,00	5,00	10,00	32,14	17,86	50,00
	3. Загнанность в клетку	0,00	5,00	11,00	65,48	20,24	14,29
	4. Тревога и депрессия	0,00	5,00	10,00	72,62	16,67	10,71
	Сумма (I фаза)	14,50	30,00	43,00	61,90	27,38	10,71
Резистенция	1. Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	12,00	15,00	20,00	16,67	35,71	47,62
	2. Эмоционально-нравственная дезориентация	5,00	10,00	15,00	44,05	32,14	23,81
	3. Расширение сферы экономики эмоций	3,00	10,00	18,00	48,81	19,05	32,14
	4. Редукция профессиональных обязанностей	5,00	10,50	18,00	39,29	27,38	33,33
	Сумма (II фаза)	33,00	50,00	67,00	27,38	36,90	35,71
Истоцие	1. Эмоциональный дефицит	1,00	7,50	13,00	53,57	28,57	17,86
	2. Эмоциональная отстраненность	5,00	8,00	15,00	51,19	32,14	16,67
	3. Личностная отстраненность, или деперсонализация	3,00	5,50	13,00	63,10	23,81	13,10
	4. Психосоматические и психовегетативные нарушения	3,00	5,00	10,00	72,62	14,29	13,10
	Сумма (III фаза)	20,00	29,00	46,00	60,71	22,62	16,67
Сумма (б.)		77,00	107,00	155,00	51,19	34,52	14,29

Обозначения здесь и далее:

1. Несложившийся симптом / Несформированная фаза / СЭВ.
2. Складывающийся симптом / Формирующаяся фаза / СЭВ.
3. Сложившийся симптом / Сформировавшаяся фаза / СЭВ.

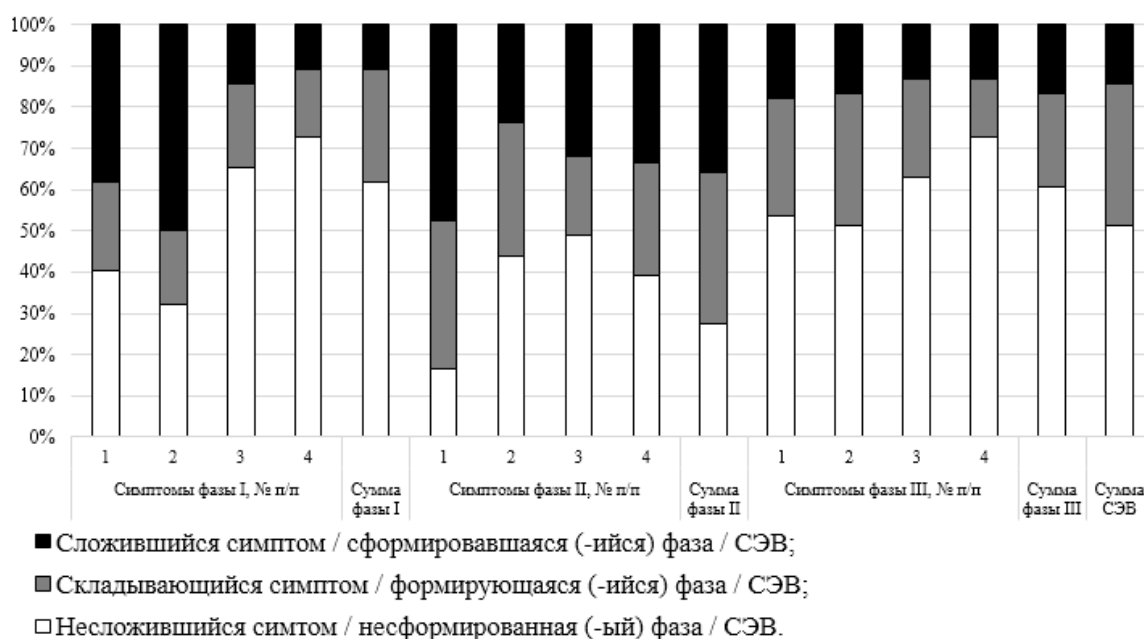

Рис. 1. Процентная представленность симптомов и фаз СЭВ у испытуемых

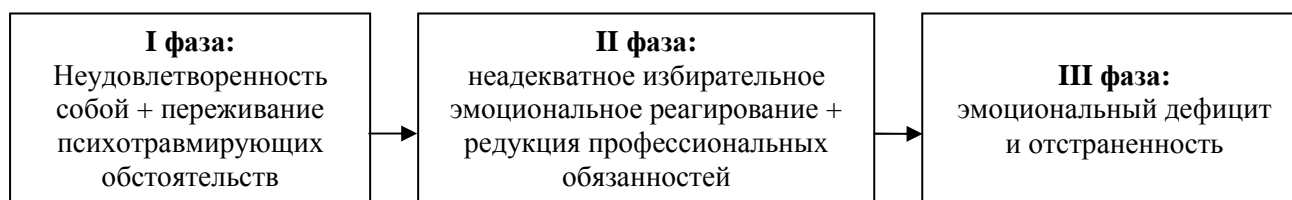

Рис. 2. Модель формирования СЭВ у медицинских работников многопрофильного стационара

По результатам проведения сравнительного анализа выраженности симптомов и фаз СЭВ в зависимости от занимаемой должности испытуемых (табл. 2) показано, что выраженность симптома загнанности в клетку (первая фаза) младшего медицинского персонала достоверно превышает аналогичные показатели у врачей, у лиц, занимающих должности среднего медицинского персонала. В то же время выраженность симптома тревоги и депрессии у врачей достоверно превышает его значение у медсестер и лаборантов, что, вероятно, связано с высокой ответственностью принимаемых решений и рисков в отношении здоровья пациентов [Иванюшкин А.Я. и др., 1998]. Суммарный показатель выраженности первой фазы оказался достоверно выше у младшего медицинского персонала, чем у лиц, занимающих должности среднего медицинского персонала.

При анализе результатов оценки третьей фазы СЭВ были обнаружены достоверно большие значения балльной оценки симптомов эмоционального дефицита и отстраненности у санитаров, чем у врачей, что может быть логичным исходом

симптома загнанности в клетку (первая фаза), достоверно высокие значения выраженности которого представлены выше.

При оценке достоверных различий возрастных групп испытуемых младше и старше 40 лет нами не было обнаружено достоверных отличий между группами испытуемых. Также и при сравнении групп в зависимости от продолжительности профессионального стажа достоверные отличия оказались единичны. Примечательным стал факт обнаружения достоверных отличий выраженности симптома переживания психотравмирующих обстоятельств у лиц со стажем трудовой деятельности 10–19 лет и у медицинских работников, занятых профессиональной деятельностью более 20 лет. Показано, что высокие значения балльной оценки симптома переживания психотравмирующих обстоятельств достоверно снижаются при достижении стажа трудовой деятельности 20 лет, что, вероятно, связано с увеличением резистентности к стрессовым факторам и совершенствованием механизмов психологической защиты [Анцыферова Л.И., 1994].

Таблица 2. Выраженности симптомов и фаз СЭВ у испытуемых в зависимости от занимаемой должности

Фаза	Симптом (б.)	Врачи (n = 26)			Средний медицинский персонал (n = 47)			Младший медицинский персонал (n = 11)			P ₁₋₂	P ₁₋₃	P ₂₋₃
		Q ₁	Me	Q ₃	Q ₁	Me	Q ₃	Q ₁	Me	Q ₃			
Напряжённость	Переживание психотравмирующих обстоятельств	5,00	15,00	17,00	2,00	12,00	17,00	7,00	17,00	22,00	0,336	0,618	0,267
	Неудовлетворенность собой	3,00	6,50	12,00	0,00	5,00	10,00	3,00	10,00	10,00	0,209	0,765	0,194
	Загнанность в клетку	0,00	2,50	6,00	0,00	5,00	11,00	11,00	15,00	21,00	0,604	0,002	0,001
	Тревога и депрессия	5,00	6,00	13,00	0,00	3,00	8,00	3,00	7,00	11,00	0,016	0,868	0,132
	Сумма (I фаза)	19,00	33,00	41,00	9,00	24,00	41,00	25,00	50,00	61,00	0,181	0,184	0,024
Резистентность	Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	10,00	15,00	20,00	12,00	15,00	20,00	12,00	15,00	20,00	0,986	1,000	0,984
	Эмоционально-нравственная дезориентация	5,00	10,00	17,00	5,00	10,00	15,00	5,00	10,00	15,00	0,629	0,740	0,937
	Расширение сферы экономии эмоций	5,00	10,50	22,00	3,00	9,00	18,00	3,00	10,00	17,00	0,222	0,528	0,766
	Редуция профессиональных обязанностей	9,00	10,50	17,00	5,00	12,00	21,00	2,00	10,00	20,00	0,949	0,715	0,670
	Сумма (II фаза)	37,00	51,50	66,00	29,00	50,00	68,00	33,00	43,00	65,00	0,704	0,630	0,913

Окончание табл. 2

Фаза	Симптом (б.)	Врачи (n = 26)			Средний медицинский персонал (n = 47)			Младший медицинский персонал (n = 11)			P ₁₋₂	P ₁₋₃	P ₂₋₃
		Q ₁	Me	Q ₃	Q ₁	Me	Q ₃	Q ₁	Me	Q ₃			
Истощение	Эмоциональный дефицит	0,00	5,00	12,00	0,00	7,00	13,00	5,00	15,00	16,00	0,489	0,027	0,100
	Эмоциональная отстраненность	5,00	8,00	12,00	3,00	8,00	15,00	8,00	13,00	18,00	0,572	0,012	0,070
	Личностная отстраненность, или деперсонализация	5,00	8,00	15,00	3,00	5,00	10,00	0,00	6,00	13,00	0,070	0,207	0,953
	Психосоматические и психовегетативные нарушения	5,00	6,00	10,00	2,00	5,00	9,00	5,00	7,00	25,00	0,222	0,280	0,065
	Сумма (III фаза)	20,00	29,50	46,00	15,00	28,00	43,00	28,00	40,00	61,00	0,620	0,114	0,051
Сумма		85,00	108,00	155,00	60,00	98,00	145,00	91,00	128,00	185,00	0,354	0,406	0,238

Обозначения:

p₁₋₂ — уровень достоверности при сравнении группы врачей и группы среднего медицинского персонала;

p₁₋₃ — уровень достоверности при сравнении группы врачей и группы младшего медицинского персонала;

p₂₋₃ — уровень достоверности при сравнении группы врачей и группы младшего медицинского персонала.

Таблица 3. Выраженность симптомов и фаз СЭВ у испытуемых в зависимости от продолжительности стажа

Фаза	Симптом (б.)	Стаж: 0–9 лет (n = 35)			Стаж: 10–19 лет (n = 14)			Стаж: 20 и более лет (n = 35)			P ₁₋₂	P ₁₋₃	P ₂₋₃
		Q ₁	Me	Q ₃	Q ₁	Me	Q ₃	Q ₁	Me	Q ₃			
Напряжение	Переживание психотравмирующих обстоятельств	7,00	15,00	19,00	14,00	17,00	24,00	2,00	9,00	15,00	0,104	0,098	0,009
	Неудовлетворенность собой	3,00	5,00	10,00	0,00	5,50	10,00	0,00	5,00	12,00	0,458	0,605	0,678
	Загнанность в клетку	0,00	6,00	16,00	0,00	3,00	15,00	0,00	3,00	10,00	0,500	0,061	0,465
	Тревога и депрессия	0,00	5,00	10,00	2,00	7,50	13,00	0,00	5,00	8,00	0,472	0,643	0,352
	Сумма (I фаза)	17,00	31,00	50,00	18,00	30,50	55,00	10,00	29,00	40,00	0,859	0,194	0,166
Резистентия	Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	10,00	15,00	20,00	12,00	17,50	24,00	12,00	15,00	20,00	0,458	0,477	0,798
	Эмоционально-нравственная дезориентация	5,00	9,00	15,00	8,00	10,00	13,00	7,00	12,00	17,00	0,859	0,240	0,368
	Расширение сферы экономии эмоций	3,00	12,00	23,00	5,00	9,00	17,00	3,00	9,00	17,00	0,486	0,401	1,000
	Редукция профессиональных обязанностей	5,00	10,00	18,00	5,00	11,50	20,00	5,00	10,00	18,00	0,748	0,842	0,903
	Сумма (II фаза)	29,00	47,00	73,00	29,00	46,50	65,00	40,00	50,00	63,00	0,782	0,643	0,618
Истощение	Эмоциональный дефицит	0,00	9,00	16,00	0,00	8,50	13,00	2,00	7,00	12,00	0,825	0,499	0,867
	Эмоциональная отстраненность	5,00	10,00	15,00	5,00	8,00	12,00	3,00	8,00	15,00	0,400	0,729	0,681
	Личностная отстраненность, или деперсонализация	3,00	5,00	10,00	3,00	9,00	15,00	3,00	8,00	13,00	0,264	0,171	0,781
	Психосоматические и психовегетативные нарушения	3,00	5,00	10,00	5,00	7,00	17,00	2,00	5,00	10,00	0,293	0,511	0,106
	Сумма (III фаза)	20,00	28,00	41,00	15,00	36,00	52,00	20,00	28,00	45,00	0,565	0,972	0,626
Сумма		77,00	107,00	160,00	63,00	125,00	158,00	80,00	107,00	152,00	0,825	0,888	0,690

Обозначения:

p₁₋₂ — уровень достоверности при сравнении групп со стажем 0–9 и 10–19 лет;

p₁₋₃ — уровень достоверности при сравнении групп со стажем 0–9 и 20 и более лет;

p₂₋₃ — уровень достоверности при сравнении групп со стажем 10–19 и 20 и более лет.

Особенность проведенного исследования заключается в обнажении проблемы СЭВ в рамках коллектива отдельного лечебно-профилактического учреждения. Современные тенденции изучения СЭВ у медицинских работников характеризуются большими выборками испытуемых. Наиболее часто используемыми критериями

сравнения респондентов становятся такие признаки, как пол [Силкина А.А. и др., 2014], возраст [Огнерубов Н.А., 2013], специальность [Бердяева И.А., Войт Л.Н., 2012; Силкина А.А. и др., 2014; Исаева Е.Р., Гуреева И.Л., 2010; Петрова Е.В. и др., 2011; Ларенцова Л.И., 2002; Иванченко В.А., 2015], профессиональный стаж [Сил-

кина А.А. и др., 2014] и даже источник финансирования учреждения [Силкина А.А. и др., 2014], являющегося местом работы испытуемых. Однако при оценке выраженности симптомов СЭВ необходимо оценивать особенности функционирования замкнутой социальной группы [Кондратьев М.Ю., 1997], у членов которой происходит развитие синдрома, что было подтверждено обнаружением меньшего, чем принято полагать [Силкина А.А. и др., 2014; Петрова Е.В. и др., 2011], числа респондентов с признаками развившегося СЭВ. Таким образом, локальность проведенной нами работы определяет пионерский характер исследования, потенциальную возможность его продолжения в рамках других лечебно-профилактических учреждений и дальнейшего сравнения полученных данных с целью выявления новых факторов риска развития СЭВ.

Заключение. Проведенное исследование показало, что симптомы эмоционального выгорания испытывают около половины медицинских сотрудников многопрофильного стационарного лечебно-профилактического учреждения, будучи членами единого коллектива — замкнутой социальной группы. При этом более чем у трети синдром эмоционального развития находится в состоянии динамического развития.

Клиническая картина синдрома эмоционального выгорания у медицинских сотрудников дебютирует самонеудовлетворенностью вкупе с переживанием психотравмирующих ситуаций, что приводит к развитию неадекватного эмоционального реагирования и редукции профессиональных обязанностей. При развитии синдрома эмоционального выгорания наиболее яркими проявлениями становятся эмоциональные расстройства, характеризующиеся бедностью и дефицитом эмоционального реагирования.

Для врачей многопрофильного стационара, испытывающих симптомы синдрома эмоционального выгорания, наиболее характерны признаки аффективных расстройств — тревоги и депрессии. Лица, занимающие должности младшего медицинского персонала, в рамках изучаемой проблемы склонны к проявлению эмоционального дефицита и симптома загнанности в клетку.

Выраженность симптомов эмоционального выгорания, возникающих у медицинских сотрудников многопрофильного стационара, в большей степени зависит от стажа трудовой деятельности, чем от возраста сотрудников. При этом при достижении стажа, превышающего 20 лет, снижает-

ся выраженность переживания психотравмирующих событий, что связано с совершенствованием механизмов психологической защиты в этой категории работников.

Проведенное исследование подтверждает высокую актуальность синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников и требует разработки актуальных мер профилактики и коррекции его развития.

Список литературы

- Анцыферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–19.
- Бердяева И.А., Войт Л.Н.* Синдром эмоционального выгорания у врачей различных специальностей // Дальневосточный медицинский журнал. 2012. № 2. С. 117–120.
- Боева А.В., Руженков В.А., Москвитина У.С.* Синдром эмоционального выгорания у врачей-психиатров // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2013. Т. 22, № 11. С. 6–12.
- Иванченко В.А.* Специфика проявления синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников участковой службы // Science time. 2015. № 1(13). С. 162–166.
- Иванюшкин А.Я., Игнатьев В.Н., Коротких Р.В., Силуянова И.В., Червонская Г.П.* Введение в биоэтику: учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 384 с.
- Ильин Е.П.* Работа и личность: трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: Питер, 2011. 224 с.
- Исаева Е.Р., Гуреева И.Л.* Синдром эмоционального выгорания и его влияние на копинг-поведение у медицинских работников // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2010. № 6(64). С. 26–30.
- Кондратьев М.Ю.* Подросток в замкнутом круге общения. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 336 с.
- Корпякова Н.И., Тадиева Е.В., Исаев О.И., Кузина З.А.* Сравнительное изучение синдрома эмоционального выгорания в практике врачей дерматовенерологов, косметологов // Журнал фундаментальной медицины и биологии. 2014. № 3. С. 18–20.
- Ларенцова Л.И.* Исследование видов эмпатии и синдрома выгорания у врачей-стоматологов // Таврический журнал психиатрии. 2002. Т. 6, № 2(19). С. 23–24.
- Марченко-Тябут Д.А., Головач А.А.* Личностная и реактивная тревожность у врачей различных специальностей // Медицина. 2005. № 2. С. 79–81.

Огнерубов Н.А. Синдром эмоционального выгорания как детерминанта // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 1(47). С. 245–247.

Петрова Е.В., Семенова Н.В., Алехин А.Н. Закономерности развития и особенности синдрома эмоционального выгорания у врачей и медицинских сестер психиатрических учреждений // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 12(114). С. 194–199.

Ревина Н.Е., Котов А.В. Синдром «burnout» и спектральные показатели сердечного ритма // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2010. № 59. С. 29–32.

Силкина А.А., Саниокова М.К., Сергеева Е.С. Синдром «эмоционального выгорания» среди врачей различных специальностей в России и за рубежом // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. Т. 4, № 11. С. 1247–1250.

Maslach C. Burnout: a Social Psychological Analysis // *The Burnout Syndrome: Current Research, Theory, Interventions* / ed. by J.W Jones. London: London House, 1982. P. 30–53.

Maslach C., Goldberg J. Prevention of burnout: New perspectives // *Applied and Preventive Psychology*. 1998. Vol. 7. P. 63–74. DOI: 10.1016/S0962-1849(98)80022-X.

Maslach C., Jackson S.E. Burnout Inventory (MBI): Manual. Palo Alto, Canada: Consulting Psychologists press, 1986. 112 p.

Получено 16.10.2017

References

Ancyferova L.I. (1994). *Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyshlenie, preobrazovanie situatsiy i psikhologicheskaya zashchita* [Personality in difficult life conditions: reframing, conversion situations and psychological protection]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychologica journal]. Vol. 15, no. 1, pp. 3–19. (In Russian).

Berdyayeva I.A., Voyt L.N. (2012). *Sindrom emocional'nogo vygoraniya u vrachey razlichnykh special'nostey* [Syndrome of emotional burnout among physicians of different specialties]. *Dal'nevostochnyy meditsinskiy zhurnal* [Far Eastern medical journal]. No. 2, pp. 117–120. (In Russian).

Boeva A.V., Ruzhenkov V.A., Moskvitina U.S. (2013). *Sindrom emocional'nogo vygoraniya u vrachey psikiatrov* [Syndrome of emotional burnout in psychiatrists]. *Nauchnye vedomosti. Seriya Meditsina. Farmacija* [Scientific statements. Series Medicine. Pharmacy]. Vol. 22, no. 11, pp. 6–12. (In Russian).

Ильин Е.П. (2011). *Rabota i lichnost': trudogolizm, perfektsionizm, len'* [Work and personality: workohol-

ism, perfectionism, laziness]. St. Petersburg, Piter Publ., 224 p. (In Russian).

Ivanchenko V.A. (2015). *Spetsifika proyavleniya sindroma emocional'nogo vygoraniya u meditsinskih rabotnikov uchastkovoy sluzhby* [Specificity of the manifestations of syndrome of emotional burnout among health care workers of local service]. *Science time*. No. 1(13), pp. 162–166. (In Russian).

Ivanjushkin A.Ya., Ignat'ev V.N., Korotkih R.V., Silujanova I.V., Chervonskaja G.P. (1998). *Vvedenie v bioetiku: ucheb. posobie* [Introduction to bioethics: a manual]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 384 p. (In Russian).

Isaeva E.R., Gureeva I.L. (2010). *Sindrom emotsional'nogo vygoraniya i ego vliyanie na koping-povedenie u meditsinskih rabotnikov* [Syndrome of emotional burnout and its impact on coping behavior among health professionals]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta*. No. 6(64), pp. 26–30. (In Russian).

Kondrat'ev M.Ju. (1997). *Podrostok v zamknutom krugе obshcheniya* [A teenager in a vicious circle]. Moscow, Institute of practical psychology Publ., Voronezh, MODEK Publ., 336 p. (In Russian).

Korpljakova N.I., Tadieva E.V., Isaev O.I., Kuzina Z.A. (2014). *Sravnitel'noe izuchenie sindroma emotsional'nogo vygoraniya v praktike vrachey dermatovenerologov, kosmetologov* [A comparative study of emotional burnout syndrome in the practice of dermatologists, beauticians]. *Zhurnal fundamental'noy meditsiny i biologii* [Journal of fundamental medicine and biology]. No. 3, pp. 18–20. (In Russian).

Larencova L.I. (2002). *Issledovanie vidov empatii i sindroma vygoraniya u vrachey-stomatologov* [Study of empathy and burnout in doctors-dentists]. *Tavricheskiy zhurnal psikiatrii* [Tauride journal of psychiatry]. Vol. 6, no. 2(19), pp. 23–24. (In Russian).

Marchenko-Tjabut D.A., Golovach A.A. (2005). *Lichnostnaya i reaktivnaya trevozhnost' u vrachey razlichnykh special'nostey* [Personal and reactive anxiety by doctors of various specialties]. *Meditsina* [Medicine]. No. 2, pp. 79–81. (In Russian).

Maslach C. (1982). Burnout: a Social Psychological Analysis. *The Burnout Syndrome: Current Research, Theory, Interventions* / ed. by J.W Jones. London, London House, pp. 30–53. (In English).

Maslach C., Goldberg J. (1998). Prevention of burnout: New perspectives. *Applied and Preventive Psychology*. Vol. 7, pp. 63–74. DOI: 10.1016/S0962-1849(98)80022-X. (In English).

Maslach C., Jackson S.E. (1986). *Burnout Inventory (MBI): Manual*. Palo Alto, Canada, Consulting Psychologists press, 112 p. (In English).

Ognerubov N.A. (2013). *Sindrom emocional'nogo vygoraniya kak determinanta* [Syndrome of emotional

burnout as a determinant]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes]. No. 1(47), pp. 245–247. (In Russian).

Petrova E.V., Semenova N.V., Alehin A.N. (2011). *Zakonomernosti razvitiya i osobennosti sindroma emotsional'nogo vygoraniya u vrachey i meditsinskih sester psixiatricheskih uchrezhdeniy* [Patterns of development and features of syndrome of emotional burnout among physicians and nurses in psychiatric institutions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. No. 12(114). pp. 194–199. (In Russian).

Revina N.E., Kotov A.V. (2010). *Sindrom «burnout» i spektral'nye pokazateli serdechnogo ritma*

[Syndrome «burnout» and spectral parameters of heart rhythm]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Vestnik of the Novgorod State University]. No. 59, pp. 29–32. (In Russian).

Silkina A.A., Sanshokova M.K., Sergeeva E.S. (2014). *Sindrom «emotsional'nogo vygoraniya» sredi vrachey razlichnykh spetsial'nostey v Rossii i za rubezhom* [Syndrome of emotional burnout among physicians of different specialties in Russia and abroad]. *Byulleten' meditsinskih internet-konferentsiy* [Bulletin of medical Internet conferences]. Vol. 4, no. 11, pp. 1247–1250. (In Russian).

Received 16.10.2017

Об авторах

Миков Дмитрий Рудольфович

методист научно-образовательного центра спортивной медицины и медицинской реабилитации

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера, 614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26; e-mail: mikov.ru@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8114-7861

Кулеш Анна Михайловна

кандидат медицинских наук, доцент кафедры медицинской реабилитации, спортивной медицины, физической культуры и здоровья

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера, 614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26; e-mail: kulesh.anja@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8991-0531

Муравьев Сергей Владимирович

кандидат медицинских наук, ассистент кафедры медицинской реабилитации, спортивной медицины, физической культуры и здоровья, методист научно-образовательного центра спортивной медицины и медицинской реабилитации

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера, 614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26; e-mail: sergey89.m@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3342-4710

About the authors

Dmitriy R. Mikov

Methodist of the Scientific-Educational Center of Sports Medicine and Medical Rehabilitation

Perm State Medical University named after acad. E.A. Wagner, 26, Petropavlovskaya str., Perm, 614000, Russia; e-mail: mikov.ru@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8114-7861

Anna M. Kulesh

Ph.D. in Medicine, Associate Professor of the Department of Medical Rehabilitation, Sports Medicine, Physical Culture and Health

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера, 614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26; e-mail: kulesh.anja@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8991-0531

Sergey V. Muravyev

Ph.D. in Medicine, Assistant of the Department of Medical Rehabilitation, Sports Medicine, Physical Culture and Health, Methodist of the Scientific-Educational Center of Sports Medicine and Medical Rehabilitation

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера, 614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26; e-mail: sergey89.m@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3342-4710

Черкасова Вера Георгиевна

доктор медицинских наук, профессор,
заведующая кафедрой медицинской реабилитации, спортивной медицины, физической культуры и здоровья,
директор научно-образовательного центра спортивной медицины и медицинской реабилитации

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера,
614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26;
e-mail: cherkasova59@ya.ru
ORCID: 0000-0002-7372-6457

Чайников Павел Николаевич

кандидат медицинских наук,
ассистент кафедры медицинской реабилитации, спортивной медицины, физической культуры и здоровья,
руководитель лаборатории спортивной медицины

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера,
614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26;
e-mail: chainikov.p.n@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3158-2969

Соломатина Наталья Владимировна

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры медицинской реабилитации, спортивной медицины, физической культуры и здоровья

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера,
614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26;
e-mail: solomatinalatya@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2017-4342

Vera G. Cherkasova

Doctor of Medicine, Professor,
Head of the Department of Medical Rehabilitation, Sports Medicine, Physical Culture and Health

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера,
614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26;
e-mail: cherkasova59@ya.ru
ORCID: 0000-0002-7372-6457

Pavel N. Chainikov

Ph.D. in Medicine,
Assistant of the Department of Medical Rehabilitation, Sports Medicine, Physical Culture and Health,
Head of Laboratory of Sports Medicine

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера,
614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26;
e-mail: chainikov.p.n@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3158-2969

Natalya V. Solomatina

Ph.D. in Medicine,
Associate Professor of the Department of Medical Rehabilitation, Sports Medicine, Physical Culture and Health

Пермский государственный медицинский университет им. акад. Е.А. Вагнера,
614000, Пермь, ул. Петропавловская, 26;
e-mail: solomatinalatya@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2017-4342

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Миков Д.Р., Кулеш А.М., Муравьев С.В., Черкасова В.Г., Чайников П.Н., Соломатина Н.В. Особенности синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников многопрофильного стационара // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 88–97.

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-88-97

For citation:

Mikov D.R., Kulesh A.M., Muravyev S.V., Cherkasova V.G., Chainikov P.N., Solomatina N.V. Features of the burnout syndrome in health care workers of a multi-speciality hospital // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 88–97. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-88-97

УДК 159.942.52:618.1–005.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-98-108

ВИДЫ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К СПРАВЕДЛИВОСТИ У ЖЕНЩИН, СТРАДАЮЩИХ ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ РЕПРОДУКТИВНОЙ СФЕРЫ

Гайворонская Александра Александровна,

Филиал Московского института государственного управления и права в Смоленской области

Осипенко Ирина Михайловна

Смоленский государственный медицинский университет

В статье рассматриваются виды чувствительности к справедливости у женщин, страдающих злокачественными образованиями репродуктивной сферы. Авторы полагают, что такое личное свойство, как переживание несправедливой ситуации, может обуславливать посттравматический стресс и запускать механизмы, способствующие возникновению злокачественных образований у женщин. В соответствии с разными видами переживания несправедливых ситуаций с позиции жертвы, нарушителя, бенефициара и наблюдателя проявляются разные поведенческие стратегии выхода из травматичного опыта.

В исследовании использованы следующие методики: опросник чувствительности к справедливости М. Шмитта (Justice Sensitivity Inventory), адаптированный С.К. Нартовой-Бочавер и Н.Б. Астаниной; анкета, позволяющая изучить социально-демографические особенности респондентов; сокращенный многофакторный опросник для исследования личности Мини-мульти (СМОЛ); тест-опросник самоотношения ОСО (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев). Эти методики позволяют выявить личностные особенности и преобладающий вид чувствительности к справедливости. Результаты свидетельствуют о том, что больше чем половина выборки женщин, страдающих злокачественными образованиями репродуктивной сферы, имеют вид чувствительности к справедливости «жертва». У них наблюдаются нарушение Я-концепции, мотивационной сферы, трудности в осознании своих потребностей, неуверенность в принятии решения, отказ от ответственности за свою жизнь. Эта группа демонстрирует поведение, отношения, установки, свойственные виктимной личности. Респонденты с видом чувствительности к справедливости «наблюдатель» не проявляют желания (готовности) работать над сложившейся ситуацией, они индифферентны, при этом если работа над восстановлением образа «Я», принятием себя и развитием внутренней устойчивости и есть, то это происходит бессистемно, ситуационно. Респонденты с видом чувствительности «нарушитель» имеют неустойчивое настроение, проявляют агрессию, склонны к конфликтам, пренебрегают социальными нормами, наблюдается притупление эмоциональных переживаний. Группа с видом чувствительности к справедливости «бенефициар» характеризуется повышенной заботой о себе, постоянным поиском посторонней поддержки и более выраженными адаптационными механизмами личности.

Ключевые слова: психоонкология, справедливость, чувствительность к справедливости, жертва, наблюдатель, бенефициар, нарушитель, личностные особенности, переживание, самоотношение.

TYPES OF SENSITIVITY TO JUSTICE IN WOMEN HAVING MALIGNANCIES OF THE REPRODUCTIVE SYSTEM

Alexandra A. Gayvoronskaya

Branch of the Moscow Institute of Public Administration and Law in Smolensk region

Irina M. Osipenko

Smolensk state medical university

This research is devoted to studying the types of sensitivity to justice of women having malignancies of the reproductive system. The authors believe that such emotional experience of injustice can cause a post-traumatic stress and start the mechanisms promoting the development of malignancies in women. Different types of experience of unfair situations, namely the victim, the violator, the beneficiary and the observer choose different behavioral strategies of an exit from traumatic experience after suffering injustice. In this work, the following techniques have been used: M. Smitt's Justice Sensitivity Inventory adapted by S.K. Nartov-Bochaver and N.B. Astanina, a questionnaire allowing us to study social and demographic features of the respondents, the abridged multiple-factor questionnaire for investigating the personality «Mini-Mult», the test questionnaire of the self-attitude (V.V. Stolin, S.R. Panteleev). These techniques allow the authors to reveal personal features and the prevailing type of sensitivity to justice (the victim, the witness, the beneficiary and the violator) in women having malignancies of the reproductive system. According to the research results, more than a half of the sample group (women having malignancies of the reproductive system) demonstrate the «victim»-type sensitivity to justice. They are characterized by destruction of the self-concept, violation of the motivational sphere, difficulty in awareness of the requirements, uncertainty in decision-making, denial of responsibility for their life. This group shows behavior, relations, views and attitudes peculiar to the victim personality. The respondents with the «observer»-type sensitivity to justice do not show desire (readiness) to work on the current situation, they are indifferent. Concurrently, in case there is some work on restoration of the self-image, acceptance of oneself and development of internal stability, it is random and unsystematic. The respondents with the «violate»-type sensitivity have an unstable mood, show aggression, are inclined to conflicts, neglect social norms, and are characterized by obtusion of emotional experiences. The group with the «beneficiary»-type sensitivity to justice is characterized by the increased self-concern, show constant search for exterior support and more marked adaptation mechanisms of the personality.

Keywords: Psycho-Oncology, justice, sensitivity to justice, the victim, the observer, the beneficiary, the violator, personal features, experience, the self-attitude.

Введение

В современном обществе мы все чаще встречаемся с проблемами, связанными с психоонкологией. Это научное направление является междисциплинарным, объединяет исследования в области онкологии, клинической психологии, социальной психологии, психиатрии, социологии и других областей, что является новым подходом в лечении злокачественных новообразований [Бабик А.И., 2011; Каприна А.Д., Старинский В.В., 2017; Holland J.C., 1997].

Еще в начале XX в. представители психоаналитического направления З. Фрейд, К. Юнг, Э. Эванс рассматривали причины онкологии, считали, что блокирование негативных эмоций внутри организма способствует возникновению онкологических заболеваний. Они полагали, что при невозможности выхода негативных эмоций безопасным способом запускаются механизмы само-

разрушения человека, его организма [Москвитина С.А., 2012; Deimling G.T. et al., 2006]. В западной и отечественной психологии накоплен богатый исследовательский опыт по данной проблематике. Т. Шеард (T. Sheard) и П. Маджайр (P. Maguire) изучали психотерапевтические методы при лечении онкологических заболеваний для снижения последствий негативных эмоциональных состояний, таких как уныние, депрессия, тревога. В исследованиях М. Петтикрю, Р. Белл и Д. Хантера (M. Petticrew, R. Bell, D. Hunter) рассматривались особенности тревожности, проявление страхов у женщин, перенесших рак, а также вопросы адаптации после излечения рака женской репродуктивной системы (A. Kornblith), замедления развития болезни и улучшение качества жизни [Kornblith A.B. et al., 2003; Lockhart R.A., 1990; Sheard T, Maguire P., 1999; Petticrew M. et al., 2002; Thome S.E. et al., 2005].

Современные отечественные психологи О.А. Ворона, М.С. Курчакова, Т.Ю. Семиглазова, Г.А. Ткаченко, А.Ш. Тхостов, Н.В. Тарабрина и другие поднимают вопросы научного подхода к исследованию психоонкологии взрослых и детей. По мнению А.Д. Каприной, В.В. Старинского, среди женского населения России рак молочной железы (РМЖ) является ведущей онкологической патологией, встречающейся у 20,9 % женщин. Суммарный процент злокачественных новообразований гинекологической локализации составляет 17,3 %, рак тела матки — 7,7 %, шейки матки — 5,2 %, яичника — 4,4 % [Саймонтон К., Саймонтон С., 2001]. В исследованиях Г.А. Тарабриной показано, что проявления онкологической болезни рака молочной железы оказывают сильнейшее психотравмирующее воздействие. Например, изменяется восприятие себя, жизни, окружающего мира [Тарабрина Н.В. и др., 2005]. Т.Ю. Семиглазова, Г.А. Ткаченко, В.А. Чулкова и другие исследуют вопросы психологических аспектов лечения онкологических больных, формирования и проявления ряда важных профессиональных компетенций, таких как эмпатия, проявление сопереживания к личности больного, снижение остроты переживания несправедливых ситуаций, знание закономерностей протекания болезни, психологическая помощь родственникам больного [Семиглазова Т.Ю. и др., 2016; Чулкова В.А. и др., 2012]. Предполагается, что процессы заболевания и выздоровление пациентов во многом связаны с их личностными особенностями. Так, у женщин, страдающих онкологическими заболеваниями репродуктивной сферы, отмечается повышенный уровень тревожности, обидчивость, подозрительность, склонность к мнительности, самоанализу, соматическим жалобам и некоторая осторожность в отношении своего здоровья. Наблюдается разрушение привычной картины мира, развивается депрессивное состояние, изменяется отношение к себе и окружающим [Москвитина С.А., 2012; Yurkova L., Osipenko I., 2017].

В исследованиях А.П. Карицкого, В.А. Чулковой, Е.В. Пестеревой, Т.Ю. Семиглазовой, А.Ш. Тхостова рассматриваются вопросы реабилитации онкологических больных, их отношение к жизненным ситуациям, в том числе эмоционально значимым, возможно, несправедливым [Карицкий А.П. и др., 2015, Тхостов А.Ш., Лактионова А.И., 1990]. Эта группа авторов акцентирует внимание на учете личностных особенностей

пациентов при их лечении и реабилитации, отношении к новой жизнедеятельности.

Следует отметить, что, несмотря на то что роль личностных особенностей пациентов онкологического профиля в современной психоонкологии изучается давно (см. обзорную статью Е.В. Демина, А.В. Гнездилова), в реальных условиях стационара психологическая составляющая в этиологии, диагностике, лечении и профилактике онкозаболеваний учитывается недостаточно [Демин Е.В., Гнездилов А.В., 2011].

Вследствие недооценки психологического статуса, личностных особенностей пациентов возможно ухудшение симптоматики, затрудняется процесс лечения, госпитализации и выздоровления, а также это может стать фактором, способствующим прогрессированию болезни.

Гипотеза нашего исследования. Мы предполагаем, что виды чувствительности к справедливости у женщин, страдающих злокачественными образованиями репродуктивной сферы, могут оказывать влияние на уровень нервно-эмоциональной устойчивости, степень интеграции личностных свойств, уровень адаптации личности к социальному окружению, а также на самоотношение.

Переживание несправедливой ситуации — это часть человеческой жизни, эмоциональный опыт, который может вызывать ситуации тревоги и страха. Переживание может быть обусловлено разной чувствительностью к травмирующим ситуациям. Под чувствительностью к справедливости понимается эмоциональная реакция на проявление справедливой / несправедливой ситуации. В основе данного исследования лежит концепция чувствительности к справедливости М. Шмитта. Автор рассматривает чувствительность к справедливости как черту личности, которая связана с восприятием и эмоциональным реагированием на случаи несправедливости [Schmitt M. et al., 2009]. Чувствительность к справедливости — это осмысление (понимание) и переживание. Эти реакции могут проявляться при размышлении (обсуждении) события: реакция осмысления — «застревания», гнев, стыд, растерянность [Schmitt M. et al., 1995].

Основное содержание

Цель нашего исследования на изучение видов чувствительности к справедливости у женщин, страдающих злокачественными образованиями репродуктивной сферы.

Были использованы следующие методики: опросник чувствительности к справедливости М. Шмитта (Justice Sensitivity Inventory), адаптированный С.К. Нартовой-Бочавер и Н.Б. Астаниной [Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б., 2014]; анкета, позволяющая изучить социально-демографические особенности респондентов; сокращенный многофакторный опросник для исследования личности Мини-мулт (СМОЛ); тест-опросник самооотношения ОСО (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев). Эти методики позволяют выявить у женщин, страдающих злокачественными образованиями репродуктивной сферы, личностные особенности и преобладающий вид чувствительности к справедливости — жертвы (victim sensitivity), свидетеля (observer sensitivity), бенефициара (beneficiary sensitivity) и нарушителя (perpetrator sensitivity).

Результаты / обсуждение

В исследовании приняло участие 175 женщин в возрасте от 40 до 55 лет, находящихся на лечении в Смоленском областном онкологическом клини-

ческом диспансере. Из них 50 % с установленным диагнозом «рак молочной железы» и 50 % со злокачественными новообразованиями гинекологической локализации. Все испытуемые проходили лечение в онкологической клинике первично. Длительность заболевания респондентов от трех до шести месяцев. Средний возраст женщин $M = 44,5$ года, стандартное отклонение $SD = 7,6$.

48 % респондентов находятся в браке, 12 % респондентов — в гражданском браке, 44 % — одинокие или вдовы. Все испытуемые были отобраны на основе рандомизированного отбора, постоянно проживают в Смоленске и Смоленской области.

Результаты социально-демографических данных, полученных с помощью анкеты, свидетельствуют о том, что 42 % всей выборки — это вдовы и одинокие женщины. Данные подтверждаются выводами, полученными при исследовании большой выборки женщин С. Osborne, G.V. Ostir, X. Du, согласно которым рак женской репродуктивной системы чаще встречается у незамужних женщин [Osborne C. et al., 2005].

Таблица 1. Сводная таблица средних показателей по результатам теста СМОЛ

Название шкалы	L-Лжи	F-Достоверности	K-Коррекции	Ns-Ипохондрии	D-Депрессии	Hu-Истери	Rd-Психопатии	Ra-Паранойальности	Pt-Психастении	Se-Шизоидности	Ma-Гипомании
\bar{X}	57,2	57,0	53,6	53,3	60,8	50,8	47,6	46,4	63,2	52,2	55,4
$M+m$	±1,98	±1,24	±2,13	±2,64	±1,36	±1,14	±1,4	±1,23	±1,28	±1,41	±2,42

Показатели теста, представленные в табл. 1, отражают средние показатели тестовой методики СМОЛ, находятся в пределах нормативного разброса и не превышают критической оценки $T \geq 70$ баллов. Отмечается умеренное повышение по шкале психастении (Pt), что свидетельствует о том, что респондентам свойственна сензитивность, совестливость, застенчивость, придиричность и педантичность к себе и своей работе. Отмечается нерешительность, отсутствие уверенности в себе. В табл. 2 представлены показатели самооотношения по базисным шкалам у женщин, страдающих злокачественными образованиями репродуктивной сферы.

Во всей выборке респондентов (см. табл. 2) была выявлена тенденция к отрицательному оце-

ниванию себя, что выражается в негативных оценках таких дефиниций, как «самоуважение» (60 %), «аутосимпатия» (64 %), «ожидаемое отношение от других» (68 %) и «самоинтерес» (68 %). Самый высокий уровень отмечен для шкалы глобального самооотношения. Низкий уровень соответствует двум шкалам: шкале ожидаемого отношения от других и шкале самоинтереса. Норма была выявлена по шкале «глобальное самооотношение».

Далее были исследованы у онкобольных женщин показатели по уровням и видам выраженности чувствительности к справедливости (см. табл. 3).

Таблица 2. Сводная таблица показателей самооотношения по базисным шкалам у женщин, страдающих злокачественными образованиями репродуктивной сферы (%)

Шкала	Низкий уровень (признак не выражен)	Норма (признак выражен)	Высокий уровень (признак ярко выражен)
Глобальное самооотношение (S)	20	44	36
Самоуважение (I)	60	20	20
Аутосимпатия (II)	64	16	20
Ожидаемое отношение от других (III)	68	28	4
Самоинтерес (IV)	68	20	12

Таблица 3. Сводная таблица показателей по уровням и видам выраженности чувствительности к справедливости у онкобольных женщин (%)

Уровень	Жертва	Наблюдатель	Нарушитель	Бенефициар	Итого
Высокий	16 (28)	4 (7)	3 (5)	1 (2)	24 (42)
Средний	34 (60)	4 (7)	5 (9)	3 (5)	46 (81)
Низкий	15 (26)	12 (21)	2 (3)	1 (2)	30 (52)
Итого (100 %)	65 (114)	20 (35)	10 (17)	5 (9)	100 (175)

Примечание: в скобках указано количество человек.

При исследовании видов чувствительности к справедливости были выявлены четыре группы испытуемых. Преобладающая группа — с чувствительностью к справедливости «жертва». Количество респондентов составило 65 % от принявших участие в исследовании. Следующая группа респондентов — вид чувствительности к справедливости «наблюдатель» — 20 %. Еще 10 % испытуемых вошли в группу с чувствительностью к справедливости «нарушитель», у 5 % респондентов наблюдается вид чувствительности к справедливости «бенефициар».

В выборке наиболее выражен средний уровень чувствительности к справедливости — 46 %. За ним следует низкий уровень переживания чувствительности к справедливости, на последнем месте — высокий уровень переживания справедливости.

Результаты анализа полученных данных свидетельствуют, что для респондентов группы с чувствительностью к справедливости «жертвы» свойственно чувство собственного бессилия в связи с невозможностью изменить ситуацию, в которой они оказались; отмечается позиция: кто-то должен разрешить их проблему; респонденты обвиняют окружающих в бездействии. Слабо выражено принятие ответственности за себя и свою жизнь. Любое, даже самое незначительное огорчение может спровоцировать резкую смену настроения: от аутоагрессии или оборонительной

агрессии до неожиданного погружения в себя, что сопровождается чувствами разочарования и обиды. Личностные особенности женщин с чувствительностью к справедливости жертвы по результатам методики СМОЛ — склонность к мнительности, тревожности, самоанализу, отмечается тенденция к соматическим жалобам и некоторая осторожность в отношении своего здоровья. Были выявлены малообоснованная тревога, волнения, изменение настроения, неудовлетворенность собой, напряженность.

В группе женщин с видом чувствительности к справедливости «жертвы» по результатам теста-опросника самооотношения ОСО отмечается низкий уровень признака по шкале «ожидаемое отношение от других» (25 %) и шкале «самоинтерес» (26 %), что свидетельствует о слабых проявлениях у респондентов эмоционально и содержательно объединять веру в свои силы и способности (см. табл. 4). Возможно, отказавшись от негативного отношения к себе, респонденты боятся потерять возможность получать поддержку извне, эмоциональные «поглаживания» от других людей. Именно такая позиция, на наш взгляд, лишает респондентов эмоциональных и физических сил и способствует развитию ощущения беспомощности и несамостоятельности. Женщины цепляются за окружающих, не могут расстаться с мыслью о безнадёжности ситуации и бессмысленности жизни.

Таблица 4. Сводная таблица показателей самооотношения по базисным шкалам в группе женщин с видом чувствительности к справедливости «жертва» (%)

Шкала	Низкий уровень (признак не выражен)	Норма (признак выражен)	Высокий уровень (признак ярко выражен)
Глобальное самооотношение (S)	7	10	8
Самоуважение (I)	18	4	3
Аугосимпатия (II)	18	2	2
Ожидаемое отношение от других (III)	25	5	0
Самоинтерес (IV)	26	3	1

Респондентам, относящимся к группе с видом чувствительности к справедливости «наблюдатель», свойственно сопереживание людям, оказавшимся в ситуации несправедливости. Они испытывают фрустрированность и в дальнейшем переживают по поводу того, что не вступили во взаимодействие для ее исправления. Наблюдается повышение средних значений по шкале ипохондрии и депрессии в данной группе, что может влиять на процесс выздоровления и адаптации. Была отмечена тенденция к малообоснованной тревоге и волнениям, изменению настроения, возникновению состояния неудовлетворенности собой, напряженности, нерешительности, неуверенности в себе, к нарушению адаптации в дис-

гармоничных условиях, наличие страхов и опасений, предрасположенность к возникновению тревожных реакций, снижение самооценки. Отмечается недовольство собой, скрытие гнева, снижение позитивного потенциала.

Исследование самооотношения женщин с чувствительностью к справедливости «наблюдатель» показало, что эта группа испытуемых также получили отрицательные оценки по шкале «самоинтерес» (17 %) и «ожидаемое отношение от других» (18 %) (см. табл. 5). Это проявляется в установке: окружающие будут негативно относиться, а также наблюдается неспособность осознать свои чувства и желания, принимать себя такими, какие есть.

Таблица 5. Сводная таблица показателей самооотношения по базисным шкалам в группе женщин с видом чувствительности к справедливости «наблюдатель» (%)

Шкала	Низкий уровень (признак не выражен)	Норма (признак выражен)	Высокий уровень (признак ярко выражен)
Глобальное самооотношение (S)	6	11	7
Самоуважение (I)	16	5	6
Аугосимпатия (II)	15	3	3
Ожидаемое отношение от других (III)	18	8	0
Самоинтерес (IV)	17	3	3

Женщинам, страдающим злокачественными образованиями репродуктивной сферы, относящимся к группе с видом чувствительности к справедливости «нарушитель» свойственны отказ от рекомендаций врачей, вспышки раздражения, особенно при болях или неудачах лечения, однако отмечается активный поиск новых способов лечения и новых авторитетных врачей. Негативные чувства проецируются на окружающих, после чего следует раскаяние за несдержанность. Этой группе также свойственны настойчивость, тенденция навязать окружающим свою позицию,

отсутствие сопереживания и глубокой рефлексии. Часто респонденты проявляют скрытую агрессию. Экзистенциальные вопросы не представляют для них интереса, они больше ориентированы на материальный мир. Испытуемых характеризует перегруженность сознания беспокоящими внутренними проблемами и переживаниями, вызывающими повышенную напряженность, выраженная потребность в благоприятной оценке окружающих. Этой группе женщин свойственен повышенный уровень тревожности и психопатический тип личности.

Таблица 6. Сводная таблица показателей самооотношения по базисным шкалам в группе женщин с видом чувствительности к справедливости «нарушитель» (%)

Шкала	Низкий уровень (признак не выражен)	Норма (признак выражен)	Высокий уровень (признак ярко выражен)
Глобальное самооотношение (S)	3	6	10
Самоуважение (I)	14	5	5
Аутосимпатия (II)	15	6	7
Ожидаемое отношение от других (III)	13	8	3
Самоинтерес (IV)	13	6	3

При исследовании самооотношения у женщин с видом чувствительности «нарушитель» было выявлено, что у них наблюдается не выраженный признак по шкале «самоуважение» (14 %) и «аутосимпатия» (15 %). Это свидетельствует о том, что представители данной группы проявляют малый интерес к собственным мыслям и чувствам, не готовы общаться с собой «на равных», у них нет уверенности в своей способности заинтересовать других (см. табл. 6).

Группа испытуемых с чувствительностью к справедливости «бенефициар» характеризуется привлечением внимания окружающих и мобилизацией всех сил близких и родных, чтобы вызвать дополнительную жалость и сочувствие к своей персоне. Им больше свойственны позиция получения выгоды от болезни, манипулирование в отно-

шениях с людьми или получение дополнительных знаков внимания. У группы испытуемых наблюдается преобладание баллов по шкале психастении, что свидетельствует о склонности к нерешительности, неуверенности в себе, нарушении адаптации в дисгармоничных условиях, о наличии страхов и опасений, предрасположенности к возникновению тревожных реакций, низком пороге фрустрации, пониженной самооценке, повышенной осторожности в отношении своего здоровья.

У женщин с видом чувствительности к справедливости «бенефициар» преобладают баллы по шкале «самоинтерес» (13 %), «аутосимпатия» (16 %). Это проявляется в низком уровне одобрения себя, в слабой доверии к себе, видении в себе по преимуществу недостатков (см. табл. 7).

Таблица 7. Сводная таблица показателей самооотношения по базисным шкалам в группе женщин с видом чувствительности к справедливости «бенефициар» (%)

Шкала	Низкий уровень (признак не выражен)	Норма (признак выражен)	Высокий уровень (признак ярко выражен)
Глобальное самооотношение (S)	4	7	11
Самоуважение (I)	12	6	6
Аутосимпатия (II)	16	5	8
Ожидаемое отношение от других (III)	12	78	1
Самоинтерес (IV)	13	8	5

Также по результатам опросника М. Шмитта среди участников исследования были выявлены уровни переживания несправедливых ситуаций: высокий, средний и низкий. Высокий уровень преобладает в группе респондентов с видом чувствительности к справедливости жертвы — 16 %. Средний уровень переживания несправедливых ситуаций представлен группой испытуемых с чувствительностью к справедливости жертвы (34 %). Низкий уровень переживания несправед-

ливых ситуаций отмечается у женщин с чувствительностью к справедливости «жертвы» и «наблюдателя». Полученные данные групп с разными видами чувствительности к справедливости свидетельствуют о том, что высокий и низкий уровни переживания несправедливых ситуаций практически не представлены в выборке (1–3 %). Возможно, это связано с осознанием и прогнозированием малоэффективной модели поведения, которая не способствует выздоровлению и нор-

мализации состояния здоровья, улучшению жизнедеятельности.

Для подтверждения различий в показателях уровней, видов выраженности чувствительности к справедливости был использован критерий Колмогорова–Смирнова. При этом значение *Asymp. Sig.* (Асимптотический двусторонний уровень значимости) равно 0,000, что свидетельствует о наличии достоверных различий в эмпирических распределениях.

Для выявления влияния видов чувствительности к справедливости у женщин, страдающих злокачественными образованиями репродуктивной сферы, на уровень нервно-эмоциональной устойчивости, степень интеграции личностных свойств, уровень адаптации личности к социальному окружению, а также на самоотношение был произведен регрессионный анализ (см. табл. 8).

Таблица 8. Регрессионный анализ показателей ролевых позиций с разной чувствительностью к справедливости

<i>N</i>	<i>b</i>	Стандарт. ошибка. коэф. <i>b</i>	<i>b</i>	Стандарт. ошибка. коэф. <i>b</i>	<i>t</i> (3)	<i>p</i> -значение
Показатели			5,550000	0,913327	6,07668	0,008947
Нарушитель	-0,872082	0,282532	-0,850000	0,275379	-3,08666	0,053854
Показатели			0,450000	0,913327	0,492704	0,656028
Бенефициар	0,872082	0,282532	0,850000	0,275379	3,086660	0,053854
Показатели			5,684211	0,957017	5,93951	0,009541
Жертва	-0,872082	0,282532	-0,894737	0,289872	-3,08666	0,053854
Показатели			2,100000	1,826655	1,149643	0,333628
Наблюдатель	0,300000	0,550757	0,300000	0,550757	0,544705	0,623838

Выводы

Наше исследование во многом проясняет психологическую картину особенностей женщин, имеющих такой сложный диагноз. Результаты свидетельствуют о том, что больше чем половина выборки имеют вид чувствительности к справедливости «жертвы». У них наблюдается разрушение Я-концепции, мотивационной сферы, возникают трудности в осознании своих потребностей, неуверенность в принятии решения, они отказываются от ответственности за свою жизнь. Эта группа демонстрирует поведение, отношения, установки, свойственные виктимной личности. Респонденты с видом чувствительности к справедливости «наблюдателя» не проявляют желаний (готовности) работать над сложившейся ситуацией, они индифферентны. Однако если и есть работа над восстановлением образа «Я», принятием себя и развитием внутренней устойчивости, то это происходит бессистемно, ситуационно. Респонденты с видом чувствительности «нарушителя» имеют неустойчивое настроение, проявляют агрессию, склонны к конфликтам, пренебрегают социальными нормами, у них притуплены эмоциональные переживания. Завершает анализ группа с видом чувствительности к справедливости «бенефициара», характеризующаяся повышенной за-

ботой о себе, постоянным поиском посторонней поддержки и более выраженными адаптационными механизмами личности.

Исследуемая тема, на наш взгляд, требует дальнейшего более детального изучения.

Список литературы

- Бабик А.И. Психонкология: камо грядеши? // Медицинские аспекты здоровья женщины. 2011. № 1(40). С. 70–76.
- Демин Е.В., Гнездилов А.В. Психонкология: становление и перспективы развития // Вопросы психологии. 2011. Т. 57, № 1. С. 86–91.
- Каприна А.Д., Старинский В.В. Злокачественные новообразования в России в 2015 году (заболеваемость и смертность). М.: МНИОИ им. П.А. Герцена, филиал ФГБУ «НМИРЦ» Минздрава России, 2017. 250 с.
- Карицкий А.П., Чулкова В.А., Пестерева Е.В., Семглазова Т.Ю. Реабилитация онкологического больного как основа повышения качества его жизни // Вопросы онкологии. 2015. № 2. С. 180–184.
- Москвитина С.А. Особенности личности больных раком молочной железы // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. Спец. выпуск «Премия Менегетти – 2012». С. 12–15.
- Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования

// Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 1.

С. 16–32.

Саймонтон К., Саймонтон С. Психотерапия рака. СПб.: Питер, 2001. 288 с.

Семиглазова Т.Ю., Ткаченко Г.А., Чулкова В.А. Психологические аспекты лечения онкологических больных // Злокачественные опухоли. 2016. № 4, спецвып. 1. С. 54–58.

Тарабрина Н.В., Генс Г.П., Коробкова Л.И., Ворона О.А., Падун М.А. Стресс и его последствия у больных раком молочной железы // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2005. № 6. С. 10–20.

Тхостов А.Ш., Лактионова А.И. Психологические аспекты восстановительного лечения больных, оперированных по поводу рака желудка // Вопросы онкологии. 1990. Т. 36, № 2. С. 215–220.

Чулкова В.А., Комяков И.П., Карелов А.Е., Демин Е.В., Донских Р.В. Эмоциональное выгорание врачей-онкологов и медицинских сестер онкологических клиник: учеб. пособие для врачей-онкологов. СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2012. 30 с.

Deimling G.T., Bowman K.F., Sterns S. et al. Cancer-related health worries and psychological distress among older adult, long-term cancer survivors // Psychooncology. 2006. Vol. 15(4). P. 306–320. DOI: 10.1002/pon.955.

Holland J.C. Principles of Psycho-Oncology // Cancer Medicine / ed. by J.F. Holland et al. 4th ed. Baltimore: Williams e Wilkins, 1997. P. 1327–1343.

Kornblith A.B., Herndon J.E. 2d, Weiss R. et al. Long-term adjustment of survivors of early-stage breast carcinoma, 20 years after adjuvant chemotherapy // Cancer. 2003. Vol. 98(4). P. 679–689. DOI: 10.1002/cncr.11531.

Lockhart R.A. Cancer in Myth and Dream // Psychotherapeutic Treatment of Cancer Patients / ed. by J.G. Goldberg. Transaction Publishers, 1990. P. 16–38.

Osborne C., Ostir G.V., Du X., Peek M.K., Goodwin J.S. The influence of marital status on the stage at diagnosis, treatment, and survival of older women with breast cancer // Breast Cancer Research and Treatment. 2005. Vol. 93(1). P. 41–47. DOI: 10.1007/s10549-005-3702-4.

Petticrew M, Bell R, Hunter D. Influence of psychological coping on survival and recurrence in people with cancer: systematic review // BMJ. 2002. Vol. 325. P. 1066. DOI: 10.1136/bmj.325.7372.1066.

Schmitt M., Baumert A., Fetchenhauer D. et al. Sensibilität für Ungerechtigkeit // Psychologische Rundschau. 2009. Nr. 60(1). S. 8–22. DOI: 10.1026/0033-3042.60.1.8.

Schmitt M., Neumann R., Montada L. Dispositional sensitivity to befallen injustice // Social Justice Research. 1995. Vol. 8, iss. 4. P. 385–407.

Sheard T, Maguire P. The effect of psychological interventions on anxiety and depression in cancer patients: results of two meta-analyses // British Journal of Cancer. 1999. Vol. 80, iss. 11. P. 1770–1780.

Thome S.E., Bultz B.D., Baile W.F. Is There a Cost to Poor Communication in Cancer Care? A Critical Review of the Literature // Psycho-Oncology: special issue: Patient-Professional Communication. 2005. Vol. 14, no. 10. P. 875–884. DOI: 10.1002/pon.947.

Yurkova L., Osipenko I. Psychological characteristics of female patients with malignant tumors of the reproductive system // 13th Warsaw international medical congress for young scientists. 2017. P. 260–261.

Получено 27.11.2017

References

Babik A.I. (2011). *Psikhoonkologiya: kamo gryadeshi?* [Psycho-Oncology: Where are you going? (Quo vadis?)]. *Meditsinskie aspekty zdorov'ya zhenshchiny*. [Medical aspects of the health of the woman]. No. 1(40), pp. 70–76. (In Russian).

Chulkova V.A., Komyakov I.P., Karelov A.E., Demin E.V., Donskikh R.V. (2012). *Emotsional'noe vygoranie vrachey-onkologov i meditsinskih sester onkologicheskikh klinik: ucheb. posobie dlya vrachey-onkologov* [Emotional burnout of oncologists and nurses oncological the clinics. Manual for oncologists]. St.Petersburg, North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov Publ., 30 p. (In Russian).

Deimling G.T., Bowman K.F., Sterns S. et al. (2006). Cancer-related health worries and psychological distress among older adult, long-term cancer survivors. *Psychooncology*. Vol. 15(4). pp. 306–320. DOI: 10.1002/pon.955. (In English).

Demin E.V., Gnesdilov A.V. (2011). *Psikhoonkologiya: stanovleniye i perspektivi razvitiya* [Psychooncology: formation and prospects of development]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology]. Vol. 57, no. 1, pp. 86–91. (In Russian).

Holland J.C. (1997). Principles of Psycho-Oncology. *Cancer Medicine* / ed. by J.F. Holland et al. 4th ed. Baltimore, Williams e Wilkins, 1997, pp. 1327–1343. (In English).

Kaprina A.D., Starinskiy V.V. (2017). *Zlokachestvennye novoobrazovaniya v Rossii v 2015 godu (zabolevaemost' i smertnost')* [Malignant growths in Russia in 2015 (incidence and mortality)]. Moscow. The Moscow P.A. Gertsen Research Institute of Oncology of National Medical Research center of Radiology of the Ministry of Health of the Russian Federation Publ., 250 p. (In Russian).

Karitskiy A.P., Chulkova V.A., Pestereva E.V., Semiglazova T.Y. (2015). *Reabilitatsiya onkologicheskogo bol'nogo kak osnova povysheniya kachestva ego zhizni* [Aftertreatment of the oncologic patient as basis of improvement of quality of his life]. *Voprosy onkologii* [Issues of Oncology]. No. 2. pp. 180–184. (In Russian).

Kornblith A.B., Herndon J.E. 2d, Weiss R., Zhang C., Zuckerman E.L., Rosenberg S., Mertz M., Payne D., Jane Massie M., Holland J.F., Wingate P., Norton L., Holland J.C. (2003). Long-term adjustment of survivors of early-stage breast carcinoma, 20 years after adjuvant chemotherapy. *Cancer*. Vol. 98(4), pp. 679–689. DOI: 10.1002/cncr.11531. (In English).

Lockhart R.A. *Cancer in Myth and Dream. Psychotherapeutic Treatment of Cancer Patients* / ed. by J.G. Goldberg. Transaction Publishers, 1990, pp. 16–38. (In English).

Moskvitina S.A. (2012). *Osobennosti lichnosti bol'nykh rakom molochnoy zhelezy* [Features of identity of the patients with cancer of a mammary gland]. *Al'ma mater (Vestnik Vyshey Shkoly)* [Alma Mater (Bulletin of the higher school)]. Special release «Award Menegetti-2012», pp. 12–15. (In Russian).

Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B. (2014). *Psikhologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoy personologii: teorii i empiricheskie issledovaniya* [Psychological problems of justice in a foreign personology: theories and empirical researches]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological magazine]. Vol. 35, no. 1. pp. 16–32. (In Russian).

Osborne C., Ostir G.V., Du X., Peek M.K., Goodwin J.S. (2005). The influence of marital status on the stage at diagnosis, treatment, and survival of older women with breast cancer. *Breast Cancer Research and Treatment*. Vol. 93(1), pp. 41–47. DOI: 10.1007/s10549-005-3702-4. (In English).

Petticrew M, Bell R, Hunter D. (2002). Influence of psychological coping on survival and recurrence in people with cancer: systematic review. *BMJ*. Vol. 325, pp. 1066. DOI: 10.1136/bmj.325.7372.1066. (In English).

Sayminton K., Sayminton S. (2001). *Psikhoterapiya raka* [Cancer psychotherapy]. St. Petersburg, Piter Publ., 288 p. (In Russian).

Schmitt M., Baumert A., Fetzenhauer D., Gollwitzer M., Rothmund R. Schlösser T (2009). Sensibilität für Ungerechtigkeit. *Psychologische Rundschau*. Nr. 60(1). S. 8–22. DOI: 10.1026/0033-3042.60.1.8. (In German).

Schmitt M., Neumann R., Montada L. (1995). Dispositional sensitivity to befallen injustice. *Social Justice Research*. Vol. 8, iss. 4, pp. 385–407. (In English).

Semiglazova T.Yu., Tkachenko G.A., Chulkova V.A. (2016). *Psikhologicheskie aspekty lecheniya onkologicheskikh bol'nykh* [Psychological aspects of treatment of oncological patients]. *Zlokachestvennye opukholi* [Malignant Tumour]. No. 4, iss. 1. pp. 54–58. (In Russian).

Sheard T, Maguire P. (1990). The effect of psychological interventions on anxiety and depression in cancer patients: results of two meta-analyses. *British Journal of Cancer*. Vol. 80, iss. 11, pp. 1770–1780. (In English).

Tarabrina N.V., Gens G.P., Korobkova L.I., Vorona O.A., Padun M.A. (2005). *Stress i ego posledstviya u bol'nykh rakom molochnoy zhelezy* [Stress and its consequences at patients with cancer of a mammary gland]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy* [Bulletin of the Russian Federal Property Fund]. No. 6, pp. 10–20. (In Russian).

Thome S.E., Bultz B.D., Baile W.F. (2005). Is There a Cost to Poor Communication in Cancer Care? A Critical Review of the Literature. *Psycho-Oncology: special issue: Patient-Professional Communication*. Vol. 14, no. 10, pp. 875–884. DOI: 10.1002/pon.947. (In English).

Tkhostov A.Sh., Laktionova A.I. (1990). *Psikhologicheskie aspekty vosstanovitel'nogo lecheniya bol'nykh, operirovannykh po povodu raka zheludka* [Psychological aspects of recovery treatment of the patients operated concerning a carcinoma of the stomach]. *Voprosy onkologii* [Issues of Oncology]. Vol. 36, no. 2, pp. 215–220. (In Russian).

Yurkova L., Osipenko I. (2017). Psychological characteristics of female patients with malignant tumors of the reproductive system. *13th Warsaw international medical congress for young scientists*. Pp. 260–261. (In English).

Received 27.11.2017

Об авторах

Гайворонская Александра Александровна
кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой «Юнеско»

Филиал Московского института государственного
управления и права в Смоленской области,
214012, Смоленск, ул. Новомосковская, 2/8;
e-mail: agajvoronskaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1924-3622

Осипенко Ирина Михайловна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры клинической психологии

Смоленский государственный медицинский
университет,
214019, Смоленск, ул. Крупской, 28;
e-mail: osipenkoir@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6645-7853

About the authors

Alexandra A. Gayvoronskaya
Ph.D. in Psychology, Docent,
Head of the Department UNESCO

Branch of the Moscow Institute of Public
Administration and Law in Smolensk region,
2/8, Novomoskovskaya str., Smolensk, 214012, Russia;
e-mail: agajvoronskaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1924-3622

Irina M. Osipenko
Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Clinical Psychology

Smolensk State Medical University,
28, Krupskaya str., Smolensk, 214019, Russia;
e-mail: osipenkoir@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6645-7853

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гайворонская А.А., Осипенко И.М. Виды чувствительности к справедливости у женщин, страдающих злокачественными образованиями репродуктивной сферы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 98–108. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-98-108

For citation:

Gayvoronskaya A.A., Osipenko I.M. Types of sensitivity to justice in women having malignancies of the reproductive system // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 98–108. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-98-108

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.32:331

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-109-124

**СОЦИАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ****Романенко Вероника Валерьевна, Бородкина Ольга Ивановна**Санкт-Петербургский государственный университет*

Социально-экономическое развитие современной России во многом определяется миграционными процессами. Санкт-Петербург — один из крупнейших центров притяжения трудовых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья. На фоне миграции в условиях турбулентного развития экономической и социальной сферы, неравномерного распределения благ и дефицита ресурсов возникают новые вызовы и риски для принимающего социума. Наличие рисков, а также их восприятие и оценка представителями общества лежат в основе развития социальной напряженности и могут повышать уровень конфликтности между различными группами населения. Целью исследования является определение и описание рисков для принимающего сообщества в контексте миграции в Петербурге. Анализ теоретических концепций социального риска и социальной напряженности позволил выявить наиболее актуальные и отвечающие цели исследования подходы, а также дополнить их с точки зрения процессов международной миграции и сформулировать авторское понимание оснований социальной напряженности. В статье представлена авторская концепция исследования социальных рисков международной миграции для принимающего сообщества, которая базируется на изучении субъективной оценки рисков представителями этого сообщества (в данном исследовании — общественное мнение жителей Петербурга), а также на анализе объективных характеристик рисков. Методы исследования — телефонный опрос (стандартизированное интервью), анализ данных государственной и ведомственной статистики, а также экспертные интервью. В ходе исследования были выделены и описаны основные социальные риски, которые, обретая новую окраску на фоне миграционных процессов, могут усиливать социальную напряженность в обществе. Эти риски требуют особого внимания и дальнейшей научной рефлексии при разработке программ миграционной политики Петербурга и при разработке мер снижения социальной напряженности в обществе в целом.

Ключевые слова: международная миграция, социальные риски, социальная напряженность, трудовые мигранты, принимающее сообщество, общественное мнение.

**SOCIAL TENSION AND SOCIAL RISKS IN THE CONTEXT
OF INTERNATIONAL LABOR MIGRATION***Veronika V. Romanenko, Olga I. Borodkina**Saint Petersburg State University*

The socio-economic development of modern Russia is largely determined by migration processes. St. Petersburg is one of the largest centers of attraction for labor migrants from near and far abroad. Because of migration in conditions of turbulent development of the economic and social spheres, unequal distribution of benefits and shortage of resources, new challenges and risks arise for the host society. The presence of risks, as well as their perception and assessment by members of the society, underlies the development of social tension and

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10092) в Санкт-Петербургском университете.

can increase the level of conflict between different groups of population. The aim of the study is to identify and describe risks for the host community in the context of migration in St. Petersburg. The analysis of theoretical concepts of social risk and social tension made it possible to identify approaches being the most relevant and meeting research goals and also to supplement them in terms of international migration processes and to formulate the authors' understanding of the grounds for social tension. The article presents the authors' concept of social risks due to international migration for the host community, which is based on the study of subjective risk assessment by members of this community (public opinion of St. Petersburg residents), as well as on the analysis of objective characteristics of risks. The research methods included telephone interviewing (standardized interview), analysis of the federal and departmental statistics, and expert opinions. The study identified and described the main social migration-related risks that can increase social tension. These risks require special attention and further scientific reflection while developing the migration policy of St. Petersburg as well as in elaborating measures to reduce social tensions in society as a whole.

Keywords: international migration, social risks, social tension, labor migrants, host community, public opinion.

Процессы глобализации и неравномерность экономического развития различных стран в XXI в. привели к усилению миграционных процессов во всем мире. Россия в ситуации международной миграции выполняет роль страны-реципиента для граждан из стран СНГ, а также ряда стран дальнего зарубежья (например, Китая, КНДР, Индии, Вьетнама). В этой связи возникают специфические социальные риски как для мигрантов, так и для принимающего сообщества, оценка которых требует социологического анализа.

Согласно «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» среди основных направлений государственной политики заявлено «содействие адаптации и интеграции мигрантов, формирование конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом» [Концепция...]. Безусловно, адаптация и последующая интеграция иностранного гражданина — это двусторонний процесс, в ходе которого индивид взаимодействует с новым для него сообществом, с его социальными институтами, социальными группами, включается в различные социальные поля, формальные и неформальные организации, общается с представителями принимающего социума. Во многом успех такого взаимодействия будет зависеть от социального и культурного капитала самого иностранного гражданина, его личных качеств, навыков и умений, его целей и стратегий интеграции — или отсутствия таковых, — но также в этом процессе нельзя умалять и роль самого принимающего сообщества. Поэтому вопрос о том, как жители России относятся к приезжим из стран зарубежья, является актуальным и регулярно обсуждается как в социологическом, так и в политологическом дискурсе.

Этот вопрос напрямую связан с оценкой социальной напряженности в обществе и с потенциальной возможностью возникновения конфликтов

на этнической и национальной почве, задача нейтрализации которых отражена в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Стратегия...].

В 2016 г. наибольший приток иностранных мигрантов наблюдался в Центральном федеральном округе — туда прибыло 190 414 человек. Далее, в порядке убывания, следуют федеральные округа: Приволжский — 78 603 чел., Сибирский — 76 511, Южный — 69 951, Северо-Западный — 59 587, Уральский — 53 156, Дальневосточный — 35 223, Северо-Кавказский — 11 713 чел. [Общие итоги...]. В Санкт-Петербурге в обозначенном году зарегистрировано по месту проживания или длительного пребывания 22 391 иностранный гражданин [Общие итоги...]. Помимо этого на долю Северной столицы в 2016 г. приходилось 12 % (192 801 чел.) всех иностранных работников в России, имеющих разрешение на работу или патент для осуществления трудовой деятельности [Социально-экономическое...]. В целом по данным МВД в 2016 г. с целью работы в Петербург и Ленинградскую область прибыло 446 906 граждан из-за рубежа [Статистические...].

Теоретические предпосылки исследования

Важнейшую роль в изучении социальных рисков международной миграции играет социологическая теория риска, формирование которой можно отнести к концу 60-х – началу 70-х гг. XX в., а ее развитие связывают в первую очередь с именами Н. Лумана, У. Бека, Э. Гидденса.

В концепции Н. Лумана в современном обществе риск приобретает статус универсальной проблемы, так как следствием повышения уровня неопределенности во всех социальных сферах, что свойственно современному обществу, и является состояние риска; следовательно, не существует поведения, свободного от риска [Luhmann N.,

1993]. Согласно Э. Гидденсу, практически не осталось природных зон вне человеческого вмешательства [Giddens A., Pierson C., 1998, p. 207], а современный мир — это мир институционализированных сред рисков, которые влияют на состояние людей.

Согласно теории риска У. Бека, общество постоянно во всех сферах жизнедеятельности легитимно продуцирует риски, которые он понимает как «систематический способ иметь дело с катастрофами и небезопасностью, вызванных и привнесенных самой модернизацией» [Beck U., 1992, p. 21]. Существенным отличием рисков современного общества является их новое качество или, говоря словами У. Бека, «социальная архитектура и политическая динамика». Современные риски, к которым можно отнести и риски международной миграции, не знают границы национальных государств; границы для рисков прозрачны, проницаемы, преодолимы. Риски угрожают основным принципам рыночного хозяйства, поскольку систематически обесценивают произведенное богатство, подрывают основы рационального поведения общества и индивида, меняют базовую ценностно-нормативную систему, заменяя «справедливость» на «безопасность». Возможность снижения риска и предупреждения негативных последствий Бек связывает с так называемой социальной рефлексивностью, «в процессе рефлексивной модернизации радикально меняются общественные рамочные условия: онаучивание рисков модернизации ликвидирует их латентность» [Бек У., 2000, с. 234].

В отечественной социологической науке теории риска в последние годы уделяется все больше внимания. И в этой связи следует отметить работы О.Н. Яницкого, В.И. Зубкова, А.В. Мозговой, В.Н. Кузнецова, Н.Л. Смакотиной, А.П. Альгина. Однако исследований, посвященных социологическому анализу социальных рисков международной миграции, явно недостаточно. Авторы придерживаются точки зрения, что анализ социальных рисков международной миграции должен занимать одно из ведущих мест в предметной области социологии риска, и, более того, эта проблема может стать самостоятельным направлением рискологических теорий.

На наш взгляд, риски миграционных процессов в России до сих пор не получили всестороннего осмысления, что усиливает рискогенный характер общества в целом [Яницкий О.Н., 1997]. Появление новых очагов военных конфликтов, ослабление экономики ряда стран, граничащих с

Российской Федерацией, относительная открытость границ, потребность российской экономики в иностранной рабочей силе обуславливают увеличение миграционных потоков в Россию. Возникает потребность в конкретизации и оценке рисков не только для мигрантов, но и для принимающего населения. На этом этапе рефлексии мы сталкиваемся с проблемой конструирования рисков в качестве социальных фактов. Обобщая подходы к изучению рисков, О. Яницкий выделяет два основных. Согласно первому — риск есть объективно существующая опасность, которая всегда опосредуется «социальными и культурными стереотипами и процессами» [Яницкий О.Н., 2003, с. 4]. Исследователи, работающие в рамках второго подхода, делают акцент на том, что риск как таковой не является объективным феноменом, «есть лишь восприятие риска, которое всегда будет продуктом исторически, политически и социально обусловленного взгляда на мир» [Яницкий О.Н., 2003, с. 4].

Безусловно, в процессе идентификации риска важную роль играет социокультурный фон: система социальных и политических институтов, ценностных ориентаций и устоявшихся практик, норм, убеждений, взглядов и т.д. В теории риска акцент делается на том, что в эпоху глобализации сложные системы становятся более открытыми для рисков, а риски — разнообразнее, в результате чего ни одному обществу не удастся избежать новых экономических и социальных вызовов. Социальный риск для принимающего мигрантов сообщества существует хотя бы как риск для социальной системы утратить свое прежнее состояние. Но не всегда дестабилизация социальной системы имеет только негативные последствия. Однако важно выявить и нейтрализовать те риски, которые могут привести к нерегулируемому институциональными средствами социальному конфликту.

Социальный факт, воспринимающийся в обществе как риск, способен повысить социальную напряженность, независимо от того, являются ли риски объективно существующими угрозами целостности общества и благополучия его субъектов или воспринимаются таковыми в силу культурных и социальных стереотипов.

Социальная напряженность чаще всего проявляется в периоды дестабилизации общества или отдельных его структур, что может происходить на фоне возникновения новых глобальных вызовов. Э. Дюркгейму принадлежит идея аномии, предшествующая введению понятия «социальная напряженность». Это идея о таком состоянии об-

щества, которое характеризуется деградацией системы ценностей и дезорганизацией социальной структуры [Дюркгейм Э., 1994]. Суть теории заключается в том, что в периоды общественных перемен люди испытывают затруднения в согласовании своих поступков с общественными нормами, поскольку последние становятся ослабленными, противоречивыми, несформированными. Р. Мертон несколько расширил дюркгеймовские понятия социальной аномии. Согласно его концепции, каждое общество ставит определенные цели и разрабатывает так называемые социально одобряемые средства достижения их, но доступ к этим средствам не одинаков для всех (например, хорошее образование как средство для достижения цели материального благополучия доступно не всем людям). Возникает противоречие, вследствие которого некоторые индивиды стремятся достигнуть одобряемой в обществе цели, прибегая к неодобряемым средствам. Таким образом, аномия есть следствие реорганизации социальной структуры или каких-либо перемен внутри нее и/или результат несоответствия ценностей и возможностей людей для их достижения [Мертон Р., 1966, с. 301].

Т. Парсонс оперирует понятиями «напряжение» и «конфликт», говоря о том, что первое предшествует второму, чтобы описать дисбаланс в социальной системе, возникший между двумя и более ее компонентами при реализации социального действия [Parsons T., 1937]. Теорию социального конфликта как следствия дисбаланса между интересами классов и неравномерности доступа к ресурсам развивают в своих трудах К. Маркс и Ф. Энгельс, отмечая, что напряженность неизбежна в обществах с такой же структурой, как у капиталистического общества.

Л. Козер, в отличие от своих предшественников, видит в социальной напряженности не только отрицательные последствия для развития общества; последующая разрядка — социальный конфликт — является естественным продуктом внутренних изменений в обществе и выполняет в том числе и конструктивные функции (в случае его контролируемости может являться «двигателем» развития социальной системы) [Козер Л., 2000]. По мнению этого автора, у разных социальных групп всегда будут различия в интересах; в реальном обществе невозможно достичь справедливого распределения власти, материальных благ, престижа и т.д., а значит, социальная напряженность — явление неизбежное и нормальное.

Понимание конфликта как естественного и неизбежного феномена современного общества (и даже — природы) также отражено в работах Р. Дарендорфа и К. Боулдинга. По Дарендорфу, предпосылкой конфликта является не только и не столько его экономическая составляющая, сколько политическая. Неравное распределение власти между представителями общественных групп или в конкретной социальной группе влечет за собой и неравное распределение прочих благ [Дарендорф Р., 1994]. Усиление противоречий, которое может произойти на фоне явной диспропорции власти и отсутствия каналов ее перераспределения, ведет к повышению социальной напряженности и развитию конфликта.

Согласно Дж. Бертону, Р. Дж. Фишеру и другим исследователям вопроса, базирующимся на теории человеческих потребностей А. Маслоу, К. Ледерера и др., социальный конфликт вызван ущемлением человеческих потребностей. П. Сорокин также говорил о социальной напряженности как о результате подавления инстинктов и потребностей большого количества людей, представляющих отдельные социальные группы, в связи с чем в задачу государственного управления должно входить отслеживание уровня удовлетворенности всех слоев населения и регуляции социального неравенства [Здравомыслов А.Г., 1996, с. 80].

Современные отечественные социологи, разрабатывающие проблематику социальной напряженности, базируются на выше обозначенных концепциях, дополняя и интерпретируя их. А. Здравомыслов существенное внимание уделяет таким составляющим конфликта, как противостояние различных потребностей, интересов и ценностей конкретных субъектов социального действия и отношениям неравенства в обществе [Здравомыслов А.Г., 1993, с. 12]. А. Дмитриев обращает внимание на проблему ценностей в общественных отношениях, которые в переходный период должны обеспечивать целостность общества и снижать уровень социальной напряженности [Дмитриев А.В., 1992, с. 5]. Согласно исследованиям О.В. Рукавишниковой, развитие социальной напряженности в обществе в существенной степени зависит от динамики ожиданий граждан и возможностей их удовлетворения в создавшихся условиях [Рукавишников О.В., 1993, с. 37–38].

Общество, переживая переходные периоды, оказывается в ситуации аномии, что может выражаться как в усилении существующих неравенств, так и в появлении новых, в изменении или размы-

тии ценностных ориентиров, в неравном доступе для различных социальных групп не только к благам и ресурсам общества, но и к социально одобряемым средствам достижения этих благ.

В случае, когда представители социума испытывают регулярную депривацию, происходит рост социальной напряженности. Это означает, что напряженность вызвана не только объективными факторами (перестройкой социальной системы), но и субъективной оценкой этих факторов и перспектив развития ситуации. Социальная напряженность — характеристика групп населения, которую связывают, с одной стороны, с социальной ситуацией или с набором ситуаций, с состоянием социальной системы в целом либо отдельных ее фрагментов, а с другой стороны, с ощущениями людей, проявляющимися в индивидуальной психике как недовольство чем-либо [Бородкин Ф.М., Володина Н.П., 1997, с. 107]. Социальная напряженность может проявляться в росте недоверия к властям, в негативных общественно-политических настроениях, конфликтности в обществе, в компенсаторных реакциях (агрессии, поиске врагов) [Котов Д.А., 2013, с. 218; Рукавишников О.В., 1993, с. 38; Дементьева И.Н., 2015, с. 113].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что социальная напряженность в социологической традиции может рассматриваться и как отдельный феномен, и как одна из характеристик групповой динамики. Некоторые исследователи рассматривают социальную напряженность как показатель адаптации, а чаще — «дезадаптации различных категорий населения к хронической фрустрации, трудностям (понижению уровня жизни и социальным изменениям)» [Котов Д.А., 2013, с. 214]. Как отечественные, так и зарубежные исследователи склонны чаще всего объяснять социальную напряженность неудовлетворенностью потребностей индивидов и/или несоответствием их ожиданий и реальным возможностям.

Таким образом, индикаторами социальной напряженности могут быть как объективные факторы (уровень жизни населения, разрыв между доходами элиты и других слоев, количество людей, живущих за порогом бедности, количество протестных акций, актов агрессии и конфликтов между представителями различных общностей и т.д.), так и субъективные (доверие к власти, оценка собственной удовлетворенности жизнью, отношение к рискам и ощущение собственной безопасности, личные ожидания и оценка перспектив и т.д.).

Методология и методы исследования

На наш взгляд, социальная напряженность может возникать не только при отсутствии реальной возможности определенным группам, слоям или общностям реализовать потребности, но и при наличии потенциальных рисков для их интересов, может проявляться в комплексе субъективных оценок и объективных факторов. Такими факторами могут быть как реальные социальные риски, так и потенциальные, которые могут осознаваться населением как помехи для стабильности благополучной жизни. Согласно одному из наиболее близкому авторам по методологии исследования определению к социальным рискам относят «риски, обусловленные изменением качества трудовых ресурсов, профессиональной мобильности, социальной лояльности, характером национальных, религиозных и трудовых конфликтов, уровнем и структурой потребления, психологического отношения к рискам» [Терский М.В., 2000].

Авторская концепция социальных рисков принимающего мигрантов сообщества базируется на изучении субъективной оценки рисков представителями этого сообщества (в данном исследовании — общественное мнение жителей Петербурга), а также на анализе объективных характеристик рисков (статистических данных ведомственных учреждений, экспертных интервью специалистов, работающих с мигрантами).

В рамках исследования социальных рисков для принимающего мигрантов сообщества в мае 2016 г. был проведен телефонный опрос¹ методом стандартизированного интервью; для интервью использовались случайно отобранные городские номера в жилом фонде Петербурга. Респонденты — лица от 18 лет и старше, проживающие в 18 районах города. Респондентам предлагалось поделиться своим опытом взаимодействия с мигрантами и высказать свое мнение относительно причин, положительных и отрицательных последствий миграции иностранных граждан в Петербург в рамках предложенных закрытых и открытых вопросов. В опросе приняло участие 1017 человек; 43 % из них — мужчины, 57 % — женщины; доля респондентов от 18 до 29 лет — 21,2 %, от 30 до 39 лет — 16,8 %, от 40 до 49 лет — 19,9 %, от 50 до 59 лет — 17,2 %, от 60 лет и старше — 24,9 %. Начальное и неполное среднее образование имеют 1,8% респондентов, среднее полное — 9,9 %, начальное профессиональное —

¹ Опрос был проведен ресурсным центром «Центр социологических и Интернет-исследований» СПбГУ.

7 %, среднее профессиональное — 24,2 %, неполное высшее — 6,7 %, высшее — 50,4 %.

Помимо опроса использовались метод анализа данных государственной и ведомственной статистики, а также метод экспертных интервью. Экспертами выступили руководители и специалисты организаций, работающих с международными мигрантами:

- общественной благотворительной организации «Санкт-Петербургский центр международного сотрудничества Красного Креста»;
- Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Городской информационно-методический центр “Семья”»;
- региональной общественной организации «Дети Петербурга»;
- Санкт-Петербургской благотворительной католической общественной организации «Мальтийская служба помощи»;
- благотворительного фонда поддержки и развития просветительских и социальных проектов «ПСП-фонд»;
- региональной общественной организации «Молодежное объединение студентов Таджикистана».

Результаты исследования

Личный опыт взаимодействия петербуржцев с мигрантами

На вопрос «*Есть ли у Вас соседи — мигранты? Знакомы ли Вы или члены вашей семьи с ними?*» дали ответ 1016 респондентов. Более половины — 53,2 % респондентов — признались, что точно не имеют соседей-мигрантов. 5,8 % предположили, что, возможно, мигранты живут поблизости (в большом доме, поселке, садоводстве), но они не знают этого наверняка. 20,4 % ответили, что такие соседи есть, но они не знакомы. 18,9 % имеют таких соседей и знакомы с ними; затруднились или не захотели ответить на вопрос 1,7 % (см. рис. 1).

Респондентам, имеющим опыт соседства с мигрантами (398 чел.), было предложено оценить их по сравнению с другими соседями. Большинство респондентов (216 чел., или 54,3 %) оценивает мигрантов как обычных, «среднестатистических» соседей; примерно одинаковое количество респондентов считает, что они — одни из лучших соседей (55 чел., или 13,8 %); мигранты — не очень хорошие соседи (52 чел., или 13,1 %); 5 % признало мигрантов одними из самых плохих со-

седей (20 чел.), а 2,8 % (11 чел.) считают мигрантов одними из самых лучших соседей; 11,1 % (44 чел.) не ответили на этот вопрос.

65 человек пояснили, что именно им нравится в своих соседях-мигрантах. Наиболее часто в высказываниях респондентов присутствовали такие характеристики, как доброжелательность, вежливость и дружелюбие (сюда же отнесены высказывания «здороваются», «уважают старших», «приветливые»), доброта и отзывчивость (к этой категории отнесены высказывания «всегда помогут», «гостеприимные», «добрые», «угощают гостинцами» и т.д.), аккуратность и чистоплотность, отсутствие вредных привычек и соблюдение норм соседского общежития («не шумят», «все прилично», «не водят компании», «не пьют», «тихие» и т.д.), эрудированность и интеллигентность (встречается в высказываниях о людях с хорошим образованием).

71 человек пояснили, что именно им не нравится в своих соседях-мигрантах, обычно один ответ содержал сразу несколько причин неприязни. Чаще всего встречались высказывания относительно нарушения норм соседского общежития (23 высказывания): «шумные», «мусорят», «жарят шашлык во дворе», «готовят плов на балконе», «ломают двери», сюда же отнесены ответы, связанные со скученностью проживающих на одной жилплощади мигрантов. В связи с этим респонденты часто отмечали ухудшение санитарной обстановки в доме («разводят антисанитарию», «разводят грязь и насекомых», «из-за них проблема с тараканами», «клопы» и т.д.). Чуть реже встречаются такие оценки, как «неподобающее поведение», т.е. хамство, агрессивность, домогательства (17 высказываний); несколько раз упоминалось пренебрежение к русским, к русской культуре, незнание языка, иная вера (13 высказываний).

Таким образом, только пятая часть респондентов имеет соседей-мигрантов, с которыми они знакомы лично, и больше половины из них оценивает своих соседей как «обычных». Наиболее напряженные моменты в отношениях с соседями — иностранными гражданами возникают в ситуациях, когда последние нарушают нормы общежития (шумят и мусорят), при этом одна из основных проблем — в проживании в квартирах большого количества мигрантов. В таких случаях местные жители чувствуют себя не в безопасности, к тому же очень часто такое проживание, по мнению горожан, ведет к нарушению санитарных норм.

На вопрос о том, *разговаривали ли респонденты с мигрантами за последнюю неделю*, ответило

1015 человек. Большинство опрошенных — 51,6 % — утверждают, что точно ни разу не говорили с мигрантами за это время; 3,1 % респондентов не уверены («может и говорил, но не обратил внимания»); 27,4 % разговаривали, отмечают, что

разговор был очень дружелюбный, мирный. Разговаривали и считают, что разговор был скорее мирный, 14,5 % всех ответивших на вопрос; 1,8 % думают, что разговор был скорее конфликтный (см. рис. 2).

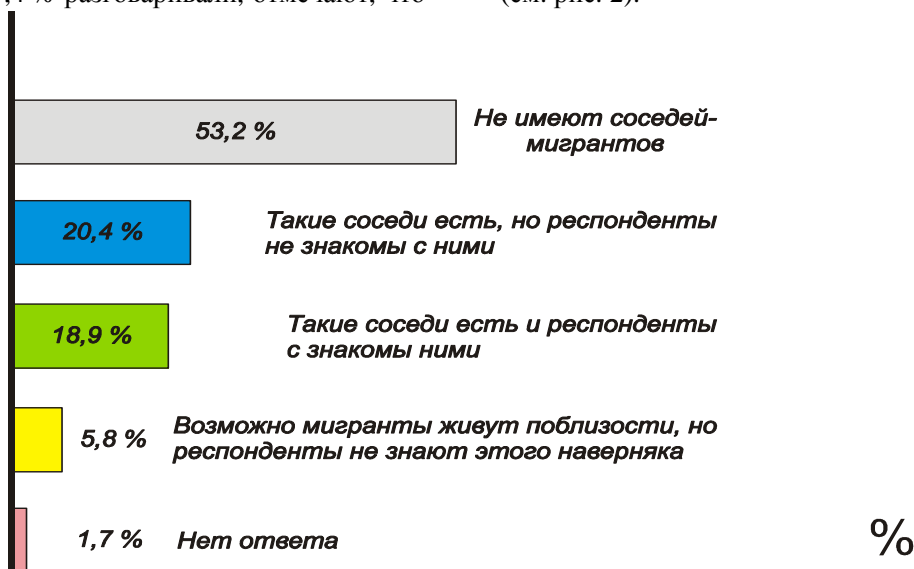

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вас соседи — мигранты? Знакомы ли Вы или члены вашей семьи с ними?» (% от числа ответивших, N = 1016)

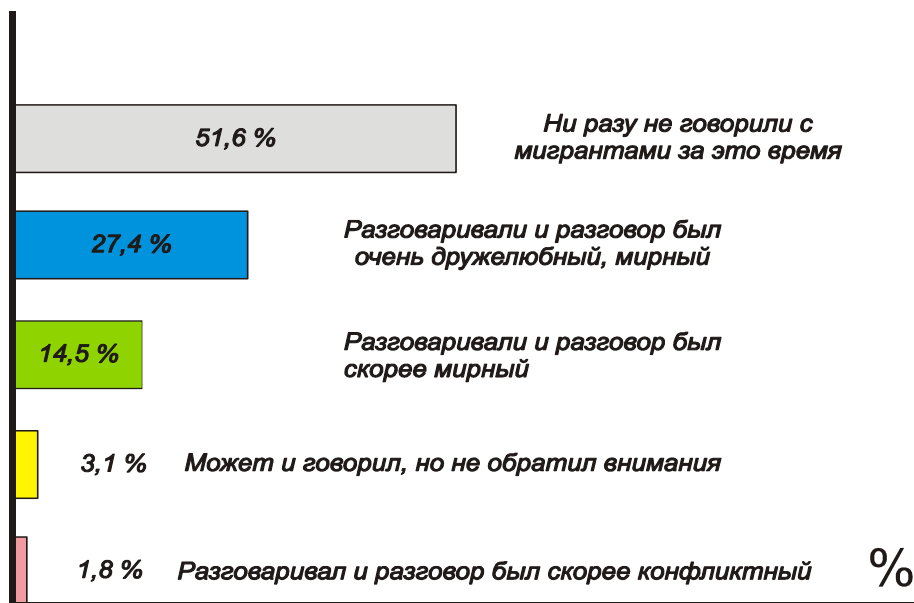

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Разговаривали ли Вы с мигрантами за последнюю неделю?» (% от числа ответивших, N = 1015)

Респонденты (21 чел.) уточнили, в чем именно, по их мнению, выражался конфликт в разговоре. Ситуации, которые респонденты назвали конфликтными, носят в основном бытовой или рабочий характер (конфликт между работником-мигрантом и нанимателем, ссора между соседями, дорожно-транспортное происшествие, перепалка

в транспорте и т.д.). Большинство высказываний содержали такие фразы: «не хотят выполнять свою работу», «не знают язык», «ведут себя похамски», «грубили», «громко разговаривал», «плохое поведение» и т.д.

Большинство респондентов взаимодействуют с мигрантами нечасто. Можно сделать вывод, что

в повседневном общении между жителями Петербурга и мигрантами конфликты возникали на бытовой почве в таких ситуациях, в которых они могли бы возникнуть и между коренными петербуржцами. Однако ситуация усугубляется незнанием мигрантами русского языка, а также (по мнению респондентов) вызывающим поведением приезжих.

439 мужчин ответили на вопрос «Случалось ли лично Вам когда-либо участвовать в драках с мигрантами или других конфликтах с ними с применением насилия или угрозы насилия?». Из них 80,2 % ответили, что нет; 18,5 % (81 чел.), что да; 1,3 % не дали ответа на вопрос. Среди положительно ответивших на этот вопрос наибольшая доля (30 чел.) относятся к возрастной категории 18–29 лет; 15 — к категории 30–39 лет; 20 — 40–49 лет; 50–59 лет — 9 чел., старше 60 лет — 7 чел.

Большинство респондентов практически не общалось и не конфликтовало с мигрантами за неделю, предшествующую опросу (N = 1015 чел.). Однако на вопрос о личном участии в драках и конфликтах с применением или угрозой насилия положительно ответили почти 20 % всех опрошенных мужчин.

Отношение петербуржцев к мигрантам

В рамках опроса респондентам также было предложено оценить проблемы, которые чаще всего обсуждаются в связи с присутствием мигрантов в России. Всего на вопрос ответило 1017 человек.

С тем, что «мигранты отнимают у петербуржцев рабочие места», согласились 61,2 % респондентов, не согласились 36,2 %, не дали четкого ответа на вопрос 2,6 %. С тем, что «среди мигрантов уровень преступности выше, чем среди других групп населения», согласились 50,7 % опрошенных, не согласились 26,2 % (23,1 % не смогли дать ответ на этот вопрос). Также 64,3 % опрошенных жителей Петербурга согласны с утверждением, что «качество товаров и услуг снижается из-за низкой квалификации мигрантов», 20,5 % респондентов не согласились с этим, 5,2 % не ответили на вопрос.

Практически все респонденты (86,8 %) согласились с утверждением, что «некоторые мигранты ведут себя вызывающе, пренебрегают принятыми нормами поведения и морали» (притом из них 65,3 % полностью согласны и 21,5 % — скорее согласны), не согласились с этим утверждением всего 9,8 % респондентов, 3,4 % не смогли дать ответ на этот вопрос.

Очень многие респонденты (78,2 %) соглашались с тем, что «мигранты распространяют опасные инфекции, живут в антисанитарных условиях» (48,4 % полностью согласны с данным утверждением, 29,8 % склонны соглашаться с этим вариантом). Несогласных среди респондентов 11,9 %; 9,9 % не сформулировали ответ на этот вопрос.

59,5 % опрошенных согласны с тем, что «имеются со стороны мигрантов случаи сексуальных домогательств и изнасилований» (34,7 % полностью согласны, 24,87 % скорее согласны), 16 % не согласились с этим мнением, 26,5 % не смогли дать свой ответ на этот вопрос.

В целом, респонденты склонны соглашаться с тем, что мигранты (в порядке убывания частот по каждому вопросу) ведут себя вызывающе, распространяют инфекции, понижают качество товаров и услуг, отнимают рабочие места у коренного населения, чаще других совершают преступления.

251 человек, или 25 % опрошенных, выразили свое мнение в графе «Другой вариант ответа» относительно выше названного вопроса: «Проблемы, которые чаще всего обсуждаются в связи с присутствием мигрантов в России?». Чаще всего один респондент перечислял сразу несколько проблем, соответственно в одном ответе могли содержаться сразу несколько указаний на различные факторы риска.

Наиболее часто встречались высказывания (частота 150), которые условно можно объединить как *культурологические риски*. Среди проблем, связанных с нахождением мигрантов в городе, наиболее часто называется их нежелание адаптироваться, следование своим культурным обычаям, игнорирование российских законов и традиций, неуважение к жителям города. Незнание русского языка как проблема чаще всего встречалась именно в этой связи. Также многие респонденты указывали на процесс исламизации города и попытки насаждения чужой религии. Таким образом, наиболее значимыми для жителей Петербурга оказались *риски, связанные с культурными различиями*.

Частично к культурологическим рискам можно отнести и *риск экспансии*. Достаточное количество жителей Петербурга было обеспокоено не просто проблемами коммуникации с мигрантами, их приверженности к другой религии и другим стилям жизни, но и количеством представителей чуждой культуры. В 39 высказываниях были опасения относительно перспектив «стирания» родной куль-

туры и в целом русских как нации, «выживания» россиян из города, возникновения анклавов.

Еще 28 высказываний касались *риска деградации социальной сферы*, сокращения мест для петербургских детей в детских дошкольных учреждениях из-за большого количества детей мигрантов, увеличения нагрузки на медицинские и социальные учреждения и т.д. Отдельной графой можно выделить «детский вопрос»: респонденты отметили снижение качества образования из-за наличия в классах детей, не знающих русский язык и в целом демонстрирующих плохую успеваемость по школьным дисциплинам, также отмечалась неадаптированность этих детей и случаи конфликтов. Некоторых респондентов страшит, что петербургские дети будут копировать поведение детей-мигрантов с другой культурой. Однако опасения по поводу нехватки места в детских садах волновал респондентов чаще, чем другие «детские» проблемы.

Большое количество оценок респондентов связаны с ощущениями тревожности и *рисками безопасности* (51 высказывание в рамках открытого вопроса о проблемах, с которыми связывают миграцию). Отметим, что здесь речь идет как о проявлении хамства, агрессии, грубости, «неправильного» отношения к женщинам, так и о преступных деяниях (распространение наркотиков, терроризм, грабежи, воровство, драки и т.д.).

Для оценки *риска повышения уровня преступности* обратимся к данным официальной статистики. Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ [Портал...] в рейтинге общего количества зарегистрированных преступлений Ленинградская область в 2016 г. занимала 43-е место по России (35-е — в 2013, 38-е — 2014, 42-е — 2015), а Петербург — 10-е место (10-е — в 2013, 7-е — 2014, 11-е — 2015). Согласно рейтингу по показателю «Количество зарегистрированных преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства» Ленинградская область в 2016 г. занимала 23-е место среди прочих субъектов РФ, в 2015 — 28-е место, в 2014 — 24-е, в 2013 — 19-е место. По этому же показателю Санкт-Петербург занимал в 2016 г. 3-е место, в 2015 — 4-е, в 2014 — 6-е, в 2013 — 3-е место. По показателю «Количество зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства» Ленинградская область в 2016 г. среди прочих субъектов РФ занимала 19-е место, в 2015 — 18-е, в 2014 — 17-е, в 2013 — 8-е место. Санкт-Петербург по этому показателю занимал в 2013–

2016 гг. 3-е место. Это говорит о том, что в 2016 г. в Петербурге сложилась относительно небезопасная обстановка, связанная с преступностью как среди иностранных мигрантов, так и с преступлениями в их отношении.

Если подсчитать удельный вес количества выявленных иностранных граждан и лиц без гражданства по отношению ко всем выявленным лицам, совершившим преступления, то в Санкт-Петербурге этот показатель будет много выше, чем в среднем по Северо-Западному ФО (около 5 % на протяжении 2013–2016 гг.) и России (около 4 %): в Санкт-Петербурге эта доля в 2013 г. составляет 10 %, в 2014 — 12 %, в 2015 — 14 %, в 2016 — 13 %. Следует отметить, что этот подсчет выполнен нами весьма в условном приближении, поскольку выявленный в качестве преступника иностранный гражданин мог не совершать преступлений на территории города и никак не влиять на его криминогенную обстановку. Но тем не менее эти цифры иллюстрируют тенденцию к усилению в городе концентрации граждан иностранного происхождения, которые преступили закон.

Однако если высчитать долю преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, из общего количества всех зарегистрированных преступлений в Санкт-Петербурге, то цифры не кажутся такими тревожными. В 2013 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства в Петербурге совершено 2820 преступлений, в 2014 — 3000 преступлений, в 2015 — 3529 преступлений, в 2016 г. было зафиксировано 3084 преступления. Можно подсчитать условную долю преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства от общей доли всех зарегистрированных преступлений. Реальная доля может быть выше, потому что зарегистрированное преступление не обязательно является расследованным и его фигуранты неизвестны. В 2013 г. доля преступлений, совершенных иностранными гражданами, от общего числа зарегистрированных преступлений — 5 %, в 2014 г. — 5 %, в 2015 — 6 %, в 2016 — 6 %. В городе в течение 2013–2015 гг. уровень преступности возрос в целом, но в 2016 г. наблюдается небольшое понижение его. Это же касается уровня преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. 6 % преступлений, приходящихся на долю иностранных граждан, не являются ошеломляющим показателем в таком густонаселенном мегаполисе, как Санкт-Петербург, но по сравнению с показателем по России (2 %) может вызывать

определенную тревогу, которая, по мнению экспертов, зачастую приумножается в СМИ.

Необходимо отметить, что существенная часть противоправных деяний в структуре преступности мигрантов связана с подделкой документов. Так, в 2014 г. в Петербурге выявлен 991 иностранец, использовавший заведомо подложный документ, «что составляет 30,4 % от всех выявленных иностранных граждан, совершивших преступления» [Андрейцо С.Ю., 2016, с. 33]. То есть треть мигрантов, нарушивших законодательство, не совершала прямых преступлений против здоровья и имущества граждан Петербурга, но тем не менее нужно учитывать, что нелегальная миграция является существенным фактором риска в контексте общественной безопасности.

Напомним, что при ответе на закрытый вопрос о проблемах, связанных с миграцией, половина опрошенных считают, что среди мигрантов уровень преступности выше, чем среди других групп населения. Субъективное ощущение риска возникновения преступных деяний со стороны мигрантов выражено у петербуржцев достаточно сильно, хотя объективные показатели доли преступников-мигрантов в общей структуре преступности не столь высоки.

Отдельно можно выделить *риск возникновения конфликтной ситуации*, поскольку среди оценок проблем, вызванных миграцией, очень часто в ответах респондентов говорится о том, что мигранты ведут себя вызывающе, агрессивно и т.д. Личный опыт взаимодействия большинства жителей Петербурга с иностранными гражданами нельзя назвать регулярным: за неделю, предшествующую опросу, около 40 % респондентов разговаривали с мигрантами, и только 2 % всех 1015 опрошенных утверждает, что разговор носил конфликтный характер. Тем не менее, почти 20 % опрошенных мужчин призналось, что имели в течение своей жизни конфликт с мигрантами с применением насилия или угрозы насилия.

Часто обозначающимися в открытых ответах проблемами можно назвать антисанитарию, *риск распространения инфекций*, «резинковые квартиры»: в 20 высказываниях содержались опасения по поводу риска эпидемий, распространения грязи, насекомых и т.д. Если вновь обратиться к анализу личного опыта взаимодействия респондентов с мигрантами, то несоблюдение норм соседского общежития, грязь, шум и антисанитария являются основными причинами беспокойства жителей города, пожелавших высказаться, почему им не нравятся их соседи — иностранные

граждане. Скученное проживание является также серьезной проблемой и по оценке экспертов: мигранты стремятся экономить деньги на арендной плате, живут большими группами в неподобающих санитарных условиях, что приводит к недовольству соседей, а также к проблемам со здоровьем самих мигрантов.

В ответах на открытый вопрос о проблемах, связанных с миграцией, 23 раза встречались высказывания о *неподготовленности российского общества к приему большого миграционных потоков*: респонденты отмечали отсутствие социальных служб и мест для проживания мигрантов, бездействие правоохранительных органов, безответственность работодателей, коррумпированность властей и чиновников, регулирующих миграционную ситуацию, ощущение незащищенности государством интересов коренных жителей, расовая дискриминация приезжих.

Риски экономического неблагополучия отмечаются в 20 высказываниях жителей города. Некоторые респонденты высказали уверенность, что мигранты плохо работают, не платят налоги, живут нелегально, пользуются всеми благами города, в то время как коренное население оплачивает их нужды или просто «вытесняется» с рынка труда. Также отмечались риски снижения качества услуг, демпинг цен в некоторых секторах экономики из-за их занятости мигрантами. Эксперты отмечают, что трудовые мигранты и большинство беженцев не имеют в России права на бесплатные медицинские и социальные услуги. При этом трудовые мигранты вносят существенную лепту в бюджет Российской Федерации, благодаря ежемесячной оплате патентов. Некоторые эксперты полагают, что город не нуждался бы в мигрантах, если бы труд жителей Петербурга имел достойную оплату. Но большинство экспертных мнений сводится к тому, что условия рынка диктуют необходимость присутствия иностранной рабочей силы в городе для развития некоторых отраслей экономики и инфраструктуры.

Напомним, что более 60 % из 1017 опрошенных респондентов согласны с тем, что мигранты отнимают у петербуржцев рабочие места. Убежденность, что иностранные граждане являются угрозой финансовой стабильности населения, на фоне низких доходов жителей города может усилить социальную напряженность в обществе. Поэтому обратимся к оценке финансового положения респондентов.

По данным опроса жители Петербурга следующим образом обозначили свои доходы (относи-

тельно прожиточного минимума, который на душу населения в 2016 г. составил 10 356 руб. [Прожиточный минимум...]: 9,1 % — ниже прожиточного минимума; 19,1 % — соответствует прожиточному минимуму; 28,2 % — немного выше прожиточного минимума; 18,6 % — более, чем в 2 раза выше прожиточного минимума; 14,2 % — более, чем в три раза выше прожиточного минимума; 2 % — более, чем в 10 раз выше прожиточного минимума; 8,8 % — не ответили на вопрос.

Потребительские расходы в среднем на душу населения в месяц в 2016 г. согласно информации Петростата составили около 27 000 руб. [Уровень жизни...]. Таким образом, по данным опроса 56,4 % населения оценили свои доходы ниже, чем средний потребительский расход по городу. Можно сказать, что больше половины респондентов подвержены риску финансового неблагополучия и полагают, что мигранты отнимают у коренного населения рабочие места, что может способствовать усилению социальной напряженности.

В целом основные проблемы, которые видят респонденты в связи с присутствием мигрантов в городе, — это неадаптированность мигрантов (включая нежелание адаптироваться) и угроза безопасности коренных жителей (от бытовой агрессии

до терроризма), также у многих респондентов можно констатировать субъективное неприятие мигрантов из-за угрозы экспансии («их очень много», «насаждают культуру»), ощущение угрозы экономической и социальной нестабильности (страх потери рабочего места, отток финансовых средств из бюджетов на нужды мигрантов, ухудшение доступа к медицинским и образовательным услугам, понижение качества образования), страхов, связанных с распространением инфекций.

На вопрос о том, *нужны ли мигранты сегодня Санкт-Петербургу*, дали ответ 1017 чел. Большинство респондентов ответили положительно (72 %), притом 34,1 % считает, что мигранты нужны, но в меньшем количестве, чем сейчас — их численность в Санкт-Петербурге надо сократить; 30,3 % считают, что нужны только те, кто уже здесь, а увеличивать их численность не следует; 7,5 % полагает, что необходимо, чтобы мигранты продолжали приезжать. 18,8 % респондентов считают, что мигранты в Санкт-Петербурге не нужны, а те, кто приехал, должны уехать. 5,7 % не смогли дать четкий ответ на этот вопрос, а 3,6 % (37 чел.) имели альтернативное (другое относительно предложенных вариантов ответов) мнение (см. рис. 3).

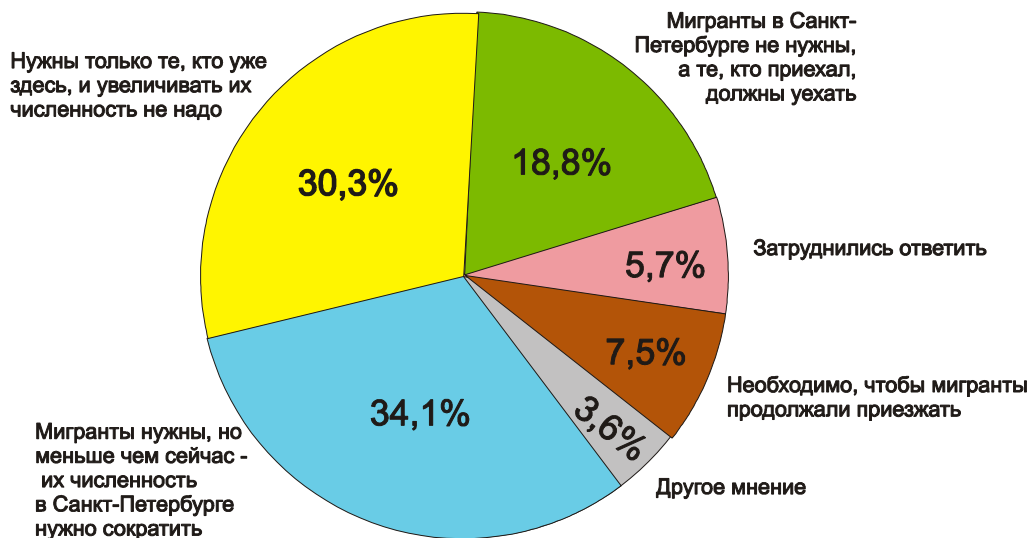

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Нужны ли мигранты сегодня Санкт-Петербургу?» (% от числа ответивших, N = 1017)

Интерпретируя ответы респондентов на вопрос «Нужны ли мигранты сегодня Санкт-Петербургу?» в графе «Другой вариант», можно сделать вывод, что наиболее популярно было высказывание, что въезжать в Петербург должны только те мигранты, которые имеют хорошее образование или являются специалистами в своей сфере. В этом есть неко-

торое противоречие, так как в Петербург в основном приезжают низкоквалифицированные работники. Респондентам было предложено высказать свое мнение по поводу *причин, которыми чаще всего объясняют необходимость привлечения мигрантов в Россию*. Большинство респондентов согласны с тем, что россияне не хотят брать на себя

тяжелую неквалифицированную работу (58,6 %), также они согласны, что труд мигрантов дешевле (80,7 %), но не согласны с тем, что мигранты работают лучше россиян (69,6 %). Большинство согласны, что одной из причин нахождения мигрантов в городе может быть возможность привлекать талантливую молодежь и квалифицированных специалистов (65 %).

Большинство респондентов (76,8 %) не считает, что мигранты должны привлекаться для компенсации сокращения населения в России. На сегодняшний день привлечение иностранной рабочей силы с целью компенсации убыли экономически активного населения в России является одним из направлений миграционной политики. Данное несоответствие между ожиданиями граждан и планами правительства может увеличивать социальную напряженность, поэтому необходима работа по разъяснению населению позитивных эффектов от пребывания мигрантов на территории Петербурга.

Мнения о том, должны или не должны приезжать мигранты в рамках помощи бывшим советским республикам, которые испытывают сложности, распределились примерно равномерно, однако все-таки немного больше граждан полагают, что им помогать не нужно (53,4 %). Эта убежденность половины респондентов, проживающих в Петербурге, на фоне усилившейся эмиграции из Украины может стать предпосылкой для усиления социальной напряженности (по оценкам экспертов, в Петербурге и Ленинградской области насчитывается более 17 тыс. человек, получивших статус временного убежища).

Выводы

В ходе исследования были выделены и описаны основные социальные риски, которые, обретая новую окраску на фоне миграционных процессов, могут усиливать социальную напряженность в обществе. Важно учитывать эти риски при разработке программ миграционной политики Петербурга и мер для снижения социальной напряженности в обществе в целом.

На основании проведенного опроса можно выделить несколько типов социальных рисков для жителей Петербурга (реальных или расцениваемых респондентами как реальные), которые вызваны эффектами миграции и которые влияют на степень социальной напряженности в городе:

– культурологические риски: напряженность, вызванная разностью культур, обычаев, традиций, религии и языка; риск экспансии; деградация системы образования;

– риски безопасности: повышение уровня преступности и риск возникновения конфликтной ситуации;

– риск распространения инфекций и антисанитарии;

– экономические риски: риск финансового неблагополучия, риск понижения качества товаров и услуг.

Риски безопасности и экономические риски достаточно сильно ощущаются петербуржцами на фоне присутствия мигрантов в городе, что при высоком уровне преступности и отсутствии финансовой стабильности может повлечь повышение социальной напряженности. При этом объективный показатель доли преступников-мигрантов в структуре преступности города не высок, а эксперты не отмечают наличия активной конкуренции за рабочие места между жителями города и приезжими на заработки иностранными гражданами.

Большинство петербуржцев взаимодействует с мигрантами нечасто и нерегулярно, однако риск конфликтной ситуации в субъективном восприятии граждан достаточно высок, а на практике каждый пятый опрошенный мужчина вступал в конфликт с иностранным гражданином, с угрозой насилия или с его применением. Почти 90 % опрошенных респондентов согласились с тем, что некоторые мигранты агрессивны и пренебрегают общепринятыми нормами. Во многом конфликтные ситуации могут быть обусловлены неприятными моделями поведения мигрантов, т.е. из-за культурных различий. При этом к участию в конфликтах склонны преимущественно молодые люди (18–29 лет).

Культурологические риски являются самыми существенными для жителей Петербурга, меры их регулирования должны стать предметом научной дискуссии и требуют всестороннего осмысления на уровне социальной политики города. Особенно это важно на фоне ощущения жителями риска экспансии — как в культуре (неприятие масштабного распространения чужой религии, чужого языка и традиций), так и в социальной и экономической сфере (осложнение доступа к медицинским и образовательным услугам). Частично некоторые риски мифологизированы, однако проблема неадаптированности мигрантов к нормам жизни в городской среде, различий в так называемых культурных кодах остается основным лейтмотивом в негативном отношении жителей города к приезжим из зарубежных стран. Незнание языка, грубость, хамство, громкие разговоры, шум, некорректное поведение в той или иной ситуации достаточно сильно раздражают

петербуржцев. Хотя большинство жителей Санкт-Петербурга осознают необходимость нахождения мигрантов в городе, однако большое количество приезжих беспокоит граждан. Более того, пятая часть опрошенных считает, что мигранты городу не нужны вовсе. Но если речь заходит о квалифицированных специалистах, то к ним отношение петербуржцев достаточно позитивное. Здесь присутствует некоторое противоречие, поскольку в город приезжают в основном работники, занимающие неквалифицированные ниши труда.

Эксперты отмечают отсутствие четко сформулированной концепции миграционной политики города; необходимо определить, какие мигранты, в каком количестве и для выполнения каких работ будут наиболее полезны городу. Формирование ясной миграционной политики в Санкт-Петербурге, по мнению экспертов, является отправной точкой для начала работы по информированию населения, для стабилизации отношений между принимающим сообществом и прибывающими иностранными гражданами. Особое внимание следует уделить работе с молодежью, чаще всего конфликты случаются именно между молодыми представителями разных культур.

Отношение принимающего общества к мигрантам является одним из важных индикаторов измерения социальной напряженности в социуме. В условиях турбулентности, неравномерного распределения благ и дефицита ресурсов общество может воспринимать чужаков враждебно, видя в них дополнительную угрозу своей стабильности, а может быть, даже причину этой нестабильности. С другой стороны, специалисты отмечают, что можно целенаправленно влиять на уровень ксенофобии в массах. Эксперты подчеркивают, что при выборе государством политики использования низкоквалифицированного труда иностранных граждан крайне важно информировать россиян о роли трудовых мигрантов в экономике города, о позитивных эффектах международной миграции. Для улучшения отношений между мигрантами и коренными жителями города необходимо работать над подготовленностью инфраструктуры к приему больших миграционных потоков, устранять «резинные квартиры», информировать работодателей и пресекать случаи нелегального трудоустройства мигрантов, решить вопрос о доступе их к медицинским и социальным услугам, а детей мигрантов — к образовательным услугам.

Список литературы

Андрейцо С.Ю. О мерах по предупреждению преступлений со стороны иностранных граждан, а

также в отношении них в Санкт-Петербурге // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 3(71). С. 33–37.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.

Бородкин Ф.М., Володина Н.П. Социальная напряженность и агрессия // Мир России. 1997. № 4. С. 107–150.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.

Дементьева И.Н. Потенциал протеста населения как угроза национальной безопасности территории // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 1(125). С. 109–117.

Дмитриев А.В. О социальной дезинтеграции и конфликте // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 3–9.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд. доп и перераб. М.: Аспект-Пресс, 1996. 317 с.

Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования. 1993. № 8. С. 12–21.

Козер Л. Функции социальных конфликтов. М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. книги, 2000. 205 с.

Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (13 июня 2012 года) / Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 01.03.2017).

Котов Д.А. Социальная напряженность «благополучного класса» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1(21). С. 211–225.

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории): сб. ст. / под ред. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

Общие итоги миграции населения по субъектам Российской Федерации за 2016 год / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (дата обращения: 13.09.2017).

Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 13.09.2017).

Прожиточный минимум / Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <http://gov.spb.ru/helper/social/prozhitochnyj-minimum/> (дата обращения: 01.03.2017).

Рукавишников О.В. Социальная динамика и политический конфликт в России: весна 1993 года — адаптация к кризису // Социологические исследования. 1993. № 9. С. 28–42.

Социально-экономическое положение федеральных округов – 2016 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm (дата обращения: 13.09.2017).

Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением и регионам / Министерство Внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф/DeIjatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/> (дата обращения: 13.09.2017).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (13 мая 2009 года) / Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 29.05.2017).

Терский М.В. Системный подход к исследованию экономических рисков: учеб. пособие / под ред. Л.И. Александровой / Сайт цифровых учебно-методических материалов ВГУЭС. 2000. URL: http://abc.vvsu.ru/books/sistem_p/page0001.asp (дата обращения: 01.11.2016).

Уровень жизни / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics/Sant_Petersburg/standards_of_life/ (дата обращения: 01.03.2017).

Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии: матер. Междунар. симпозиума / под ред. Т. Заславской. М., 1997. С. 37–48. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/655/679/1219/007Yanitskij.pdf> (дата обращения: 01.11.2016).

Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. № 1. С. 3–35. URL: http://riskprom.ru/ТемаKtlg/RiskSociety/janickij_sociologija_riska_2003.pdf (дата обращения: 01.11.2016).

Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity. L., 1992. 272 p.

Giddens A. Pierson C. Conversation with Anthony Giddens. Making Sense of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1998. 244 p.

Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. N.Y., 1993. 249 p.

Parsons T. The Structure of Social Action. N.Y., 1937. 480 p.

Получено 07.12.2017

References

Andrejco S.Ju. (2016). O *merakh po preduprezhdeniyu prestupleniy so storony inostrannykh grazhdan, a takzhe v otnošenii nih v Sankt-Peterburge* [On measures to prevent crimes by foreign citizens, and also against them in St. Petersburg]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 3(71), pp. 33–37. (In Russian).

Beck U. (1992). *Risk Society. Towards a New Modernity*. London, 272 p. (In English).

Bek U. (2000). *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another modernity]. Moscow, 384 p. (In Russian).

Borodkin F.M., Volodina N.P. (1997). *Sotsial'naya napryazhennost' i agressiya* [Social tension and aggression]. *Mir Rossii* [World of Russia]. No. 4, pp. 107–150. (In Russian).

Darendorf R. (1994). *Elementy teorii sotsial'nogo konflikta* [Darendorf, Elements of the Theory of Social Conflict]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5, pp. 142–147. (In Russian).

Dement'eva I.N. (2015). *Potencial protesta naseleeniya kak ugroza natsional'noy bezopasnosti territorii* [Population protest potential as a threat to the national security of the territory]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion]. No. 1(125), pp. 109–117. (In Russian).

Durkheim E. (1994). *Samoubiystvo: Sotsiologicheskiy etyud* [Suicide: Sociological Study]. Moscow, Mysl' Publ., 399 p. (In Russian).

Dmitriev A.V. (1992). *O sotsial'noy dezintegratsii i konflikte* [On Social Disintegration and Conflict]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10, pp. 3–9. (In Russian).

Giddens A. Pierson C. (1998). *Conversation with Anthony Giddens. Making Sense of Modernity*. Stanford, Stanford University Press, 244 p. (In English).

Kontsepciya gosudarstvennoy migracionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda (13/06/2012). [The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period until 2025 (June 13, 2012)]. *Ofitsial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii* [Official network resources of the President of Russia]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/15635> (accessed 01.03.2017). (In Russian).

Kozer L. (2000). *Funktsii sotsial'nykh konfliktov* [Functions of social conflicts]. Moscow, Ideja-Press Publ., Dom intellekt.knigi Publ., 205 p. (In Russian).

Kotov D.A. (2013). *Sotsial'naya napryazhennost' «blagopoluchnogo klassa»* [Social tension of the «prosperous class»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bul-

- letin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. No. 1(21), pp. 211–225. (In Russian).
- Luhmann N. (1993). *Risk: A Sociological Theory*. New York, 249 p. (In English).
- Merton R. (1966). *Sotsial'naya struktura i anomiya*. [Social structure and anomie.]. *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaaznye teorii): Sbornik statey pod red. B.S. Nikiforova* [Sociology of crime (Modern bourgeois theories): Collection of articles, ed. B.S. Nikiforov]. Moscow, Progress Publ., pp. 299–313. (In Russian).
- Obshchie itogi migratsii naseleniya po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii za 2016 god* [General results of migration of population by constituent entities of the Russian Federation for 2016]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal Service of State Statistics]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (accessed 13.09.2017). (In Russian).
- Parsons T. (1937). *The Structure of Social Action*. New York, 480 p. (In English).
- Portal pravovoy statistiki* [Portal of legal statistics]. *General'naya prokuratura Rossiyskoy Federatsii* [General Prosecutor's Office of the Russian Federation]. Available at: <http://crimestat.ru> (accessed: 13.09.2017). (In Russian).
- Prozhitochnyy minimum* [Subsistence minimum]. *Ofitsial'ny sayt Administratsii Sankt-Peterburga* [Official site of the Administration of St. Petersburg]. Available at: <http://gov.spb.ru/helper/social/prozhitochnyj-minimum/> (accessed 01.03.2017) (In Russian).
- Rukavishnikov O.V. (1993). *Sotsial'naya dinamika i politicheskii konflikt v Rossii: vesna 1993 goda — adaptatsiya k krizisu* [Social Dynamics and Political Conflict in Russia: Spring 1993 — Adaptation to the Crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9, pp. 28–42. (In Russian).
- Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie federal'nykh okrugov — 2016* [Social and economic situation of the federal districts — 2016]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal Service of State Statistics]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm (accessed 13.09.2017). (In Russian).
- Statisticheskie svedeniya po migratsionnoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii za 12 mesyatsev 2016 goda s raspredeleniem i regionam* [Statistical information on the migration situation in the Russian Federation for 12 months of 2016 with distribution and regions]. *Ministerstvo Vnutrennikh del RF* [Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. Available at: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/> (accessed 13.09.2017). (In Russian).
- Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda (13/05/2009)* [The National Security Strategy of the Russian Federation until 2020 (May 13, 2009)]. *Ofitsial'nye setevye resursy Prezidenta Rossii* [Official network resources of the President of Russia]. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/424> (accessed 29.05.2017). (In Russian).
- Terskiy M.V. (2000). *Sistemnyy podkhod k issledovaniyu ekonomicheskikh riskov* [A systematic approach to the study of economic risks]. *Sayt tsifrovoyh uchebno-metodicheskikh materialov VGUES* [The web-site of digital educational and methodological materials VSUES]. Available at: http://abc.vvsu.ru/books/sistem_p/page0001.asp (accessed 01.11.2016). (In Russian).
- Uroven' zhizni* [Standard of living]. *Territorial'nyy organ Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti* [Territorial organ of the Federal State Statistics Service for St. Petersburg and the Leningrad Region]. Available at: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics/Sant_Petersburg/standards_of_life/ (accessed 01.03.2017) (In Russian).
- Yanitskiy O.N. (1997). *Modernizatsiya v Rossii v svete kontseptsii «obshchestva riska»* [Modernization in Russia in the light of the concept of a «risk society»]. *Kuda idet Rossiya? Obshchee i osobennoe v sovremen-nom razviti: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma pod red. T. Zaslavskoy* [Where is Russia going? General and special in modern development: Proceedings of the International Symposium, ed. T. Zaslavskaya]. Moscow, pp. 37–48. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/655/679/1219/007Yanitskiy.pdf> (accessed 01.11.2016). (In Russian).
- Yanitskiy O.N. (2003). *Sotsiologiya riska: klyuchevye idei* [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. No. 1, pp. 3–35. Available at: http://riskprom.ru/TemaKtlg/RiskSociety/janickij_sociologija_riska_2003.pdf (accessed 01.11.2016). (In Russian).
- Zdravomyslov A.G. (1993). *Fundamental'nye problemy sotsiologii konflikta i dinamika massovogo soznaniya* [Fundamental problems of the sociology of conflict and the dynamics of mass consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8, pp. 12–21. (In Russian).
- Zdravomyslov A.G. (1996). *Sotsiologiya konflikta* [Sociology of Conflict]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 317 p. (In Russian).

Received 07.12.2017

Об авторах

Романенко Вероника Валерьевна

кандидат социологических наук,
исследователь проекта «Социальные
риски международной молодежной миграции
в современной России»

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: nikar@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0671-1076

Бородкина Ольга Ивановна

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и практики
социальной работы

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: o.borodkina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0936-5757

About the authors

Veronika V. Romanenko

Ph.D. in Sociology,
Head of the Department UNESCO

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: nikar@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0671-1076

Olga I. Borodkina

Doctor of Sociology, Docent,
Professor of the Department of Theory and Practice
of Social Work

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: o.borodkina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0936-5757

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Романенко В.В., Бородкина О.И. Социальная напряженность и социальные риски в контексте международной трудовой миграции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 109–124. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-109-124

For citation:

Romanenko V.V., Borodkina O.I. Social tension and social risks in the context of international labor migration // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 109–124.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-109-124

УДК 316.344.233

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-125-134

ФЕНОМЕН БЕДНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ С ПОЗИЦИИ ФАКТОРНОГО И РЕСУРСНОГО АНАЛИЗА

Замараева Зинаида Петровна, Воронова Ксения Андреевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье дается анализ проблемы бедности в современной России. Сделан вывод о решающей роли в ухудшении уровня жизни населения в 90-е гг., которую сыграл переход страны к новым социально-экономическим и политическим отношениям. Приведены социологические и статистические данные, которые свидетельствуют о расширении слоя бедных и об увеличении разрыва между высшим и низшим слоями в российском обществе за последние пять лет. Показаны социальные последствия бедности, такие как неудовлетворенность базовых потребностей индивидов, уменьшение возможностей вертикальной мобильности и самореализации индивидов, возникновение феномена «работающих бедных», нарушение процессов воспроизводства населения и социализации подрастающего поколения в рамках семьи, социальная уязвимость матерей-одиночек, непрестижность и обеднение многодетных семей, ухудшение здоровья и маргинализация населения. Дается анализ основных теоретико-методологических подходов к определению бедности в истории развития социально-философской и социологической науки. Выделены причины и факторы бедности в трудах Платона, Аристотеля, Т. Мальтуса, Г. Спенсера, К. Маркса, М. Вебера, Т. Парсонса, Л. Уорнера, К. Дэвиса, У. Мура, О. Льюиса, А. Сена, П. Таунсенда, П. Бурдьё, У. Бека, Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса. В качестве главных факторов бедности называются: экономический, политический, профессионально-квалификационный, статусный, стратификационный, ценностный, нормативный, социально-психологический, коммуникативный, компетентностный, институциональный, адаптационный, демографический, физический, производственный, экологический и климатический. В связи с анализом подходов к решению проблемы бедности рассматривается подход, определяющий традиционные и современные, внешние и внутренние, групповые и индивидуальные ресурсы. С одной стороны, их нехватка способствует бедности, с другой стороны, их активизация позволяет разрешить проблему.

Ключевые слова: бедность, подходы к определению бедности, ресурсный подход, причины бедности, факторы бедности.

THE PHENOMENON OF POVERTY IN SOCIOLOGY: FACTOR AND RESOURCE ANALYSIS

Zinaida P. Zamaraeva, Kseniya A. Voronova

Perm State University

The authors of the article prove the urgency of the problem of poverty in contemporary Russia. Russia's transition to new socio-economic and political relations in the 1990s led to the crisis and deterioration in the living standards of the country's population. Sociological and statistical data show an expansion of the poor stratum and the increase of the gap between the upper and lower strata in Russian society over the past five years. The growth of poverty leads to serious social consequences: unfulfilled basic needs, reducing opportunities for vertical mobility and self-realization of individuals, the emergence of the phenomenon of «working poor», disruption in the processes of reproduction of the population and socialization of children in the family, the social vulnerability of single mothers, the lack of prestige of large families, deteriorating health, and crime. Analysis of the main theoretical and methodological approaches to the definition of poverty makes it possible to identify the causes and factors of poverty in the works of Plato, Aristotle, T. Malthus, G. Spencer, K. Marx, M. Weber, T. Parsons, L. Warner, K. Davis, W. Moore, O. Lewis, A. Sen, P. Townsend, P. Bourdieu, W. Beck, D. Bella,

E. Toffler, M. Castells. The main factors of poverty are economic, political, vocational qualification, status, stratification, value-normative, socio-psychological, communicative, competence, institutional, adaptive, demographic, physical, production, environmental and climate. The analysis of resources, which is not enough for the poor population, makes it possible to identify such groups of resources as traditional and modern, external and internal, group and individual ones.

Keywords: poverty, approaches to determine poverty, resource approach, causes of poverty, poverty factors.

Введение

В последние десятилетия проблема бедности в России существенно актуализировалась. Это обусловлено переходом к новым социальным отношениям, развитием рыночной экономики и изменением политической системы. Трансформационный кризис 90-х гг. привел к усилению социально-экономических диспропорций и значительному расслоению общества. Выделились слои бедного и богатого населения, проживающих в различных условиях. Возросла роль экономических факторов в определении социального статуса индивида. Для большей части населения ухудшились условия труда в связи с кризисом бюджетной и производственной сфер, что привело к снижению уровня жизни, утрате ценностных ориентиров. Все это вызвало необходимость изучения научным сообществом проблемы бедности. И в настоящее время эта проблема остается одной из самых острых и дискуссионных.

Исследования показывают, что экономические условия жизни в России за последние пять лет ухудшились, сохраняется социальная напряженность в обществе. По данным Федеральной службы государственной статистики увеличивается численность бедного населения, находящегося за чертой прожиточного минимума. Так, в 2012 г. в России было зафиксировано 10,7 % населения с доходами ниже величины прожиточного минимума. Этот показатель в 2016 г. составил уже 13,5 % [Федеральная служба...]. Особенно заметно эта тенденция проявилась после 2014 г. в условиях экономических санкций и внешнеполитического давления. Четверть населения сообщает об ограниченности возможностей удовлетворения базовых потребностей [Тихонова Н.Е., 2014], т.е. о депривированном состоянии, которое учитывается учеными при анализе относительной бедности. Большинство жителей России (82 %) считают, что в нашей стране много бедных людей [База результатов...]. Децильный коэффициент, отражающий разницу между денежными доходами 10 % самых богатых и 10 % самых бедных граждан, по данным за 2015 г. составляет 15,6 [Гоч О.М., 2013], тогда как в норме он не должен превышать 10. Чем выше этот показатель, тем

больше риски, связанные с социальной стабильностью и безопасностью в государстве.

Процесс «обеднения» страны опасен социальными последствиями. Увеличение разрыва между бедными и богатыми приводит к усилению диспропорциональности стратификационной пирамиды общества, к уменьшению вертикальной мобильности возможностей и самореализации индивидов. Возникает феномен «работающих бедных», характерный для работников бюджетной сферы, общественного питания, сельского хозяйства и легкой промышленности. Невысокая заработная плата, непрестижность сферы деятельности и неудовлетворенность базовых потребностей приводят к снижению мотивации работников и эффективности их труда в этих отраслях. Недостаточность социально-экономических условий для формирования и функционирования семьи приводит к нарушению воспроизводства населения и социализации подрастающего поколения. В группу бедных в связи с высокой иждивенческой нагрузкой и слабой социальной защищенностью зачастую попадают многодетные семьи и матери-одиночки. При этом в общественном мнении формируется непривлекательный образ семьи с количеством детей, превышающим среднюю норму. Бедное население ограничено в возможности поддержания и сохранения своего здоровья в связи с низкой доступностью медицинских препаратов и услуг, необходимых для этого. Для слоя бедных также характерны маргинализация, виктимизация, распространение негативных девиаций и преступности.

Сложившаяся ситуация требует определенных мер государственной социальной политики, направленных на разрешение проблем бедности. В настоящее время это признается одной из приоритетных задач в современной России. Однако здесь возникает противоречие между состоянием системы социальной защиты, которая включает различные программы улучшения социально-экономического положения населения, и сохранением и даже увеличением количества бедных в обществе. Это требует пересмотра подходов, изменения стратегии поддержки нуждающихся в сторону активизации всех имеющихся у них ре-

сурсов. Поэтому для принятия эффективных управленческих решений, реализации сбалансированной социальной политики, направленной на преодоление проблемы и на развитие потенциала населения, необходимо определение сущности, причин, границ, критериев и факторов бедности.

Основные подходы к рассмотрению бедности

Феномен бедности имеет давнюю историю, он рассматривался еще *античными мыслителями*. Так, Платон и Аристотель при анализе социальной структуры общества выделяли бедных и богатых как два противоположных класса, одинаково дисфункциональных. И бедность, и богатство обусловлены наследуемым статусом, неравными возможностями реализации природных способностей, образом жизни, личностными особенностями, поведением, установками, которые носят негативный характер. По мнению Аристотеля, «люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами... Люди второго типа часто делают злодеями и мелкими мерзавцами» [Аристотель, 1983, с. 507]. Бедность в трудах античных философов рассматривается не столько как проблема, сколько как препятствие на пути более эффективного выполнения трудовых обязанностей и передачи опыта. Платон писал по данному поводу: «Богатые ремесленники перестают радеть о своем деле, бедные сами не в состоянии, из-за отсутствия орудий, хорошо работать и не могут хорошо обучать работе своих учеников» [Асмус В.Ф., 2005, с. 255].

Аристотель акцентировал внимание на ущербности политической системы, в которой источником власти и принятия решений является бедное большинство или богатое меньшинство, так как их стремления направлены на удовлетворение своих интересов и ни один из двух классов не способен выстраивать здоровые отношения «управления–подчинения»: «Получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие — презрения» [Аристотель, 1983, с. 507–508]. Таким образом, с точки зрения античного подхода определяющими факторами бедности являются: экономический, социально-психологический, политический и ресурсный, потому что бедность возникает из-за отсутствия целого ряда ресурсов:

- возможности изменения социально-экономического статуса,
- наличия собственности и орудий труда,
- позитивного типа мышления и поведения,

- физической силы,
- доступа к власти,
- способности управлять,
- умения разумно подчиняться,
- навыков передачи опыта другим,
- мотивации к эффективному труду.

Социал-дарвинистский подход сформировался под влиянием идей Ч. Дарвина о естественном отборе, о приспособлении к среде, борьбе за жизнь среди видов, поэтому при анализе социальных процессов учеными проводилась аналогия с живой природой. Бедность объяснялась ими неравными возможностями людей, естественной конкуренцией между ними, итогом которой является развитие индивида и общества. То есть бедность — это положительное и справедливое явление, которое выступает в роли фильтра, благодаря чему на «социальном дне» остаются наименее приспособленные индивиды. Так, Т. Мальтус полагал, что бедность обусловлена законом народонаселения, согласно которому численность населения растет в геометрической прогрессии, тогда как ресурсы, обеспечивающие качество жизни людей, — только в арифметической, что приводит опять же к дефициту ресурсов, голоду. В этом отношении природные и социальные катаклизмы, такие как угрозы стихий, болезни и войны, выступают в качестве регуляторов процесса, ликвидируя избыток населения. Г. Спенсер в качестве основной причины бедности видел рост производства, подчеркивал значимость индивидуального жизненного пути человека, его неприспособленность к среде и ее вызовам [Сычева В.С., 1996]. Известно, что представители социал-дарвинистского направления негативно оценивали стремление государства оказывать помощь нуждающимся, т.к. это противоречило принципам естественного отбора, способствовало увеличению численности населения, а значит, нарастанию ресурсного кризиса, «перекладывало бремя заботы» с бедных на все население посредством налоговой и социальной политики. По мнению ученых, это превращалось в социальный паразитизм, который приводил к снижению инициативности, самостоятельности, стремления к разрешению своих проблем и участия в общественной жизни. Эти идеи частично находят свое отражение в стремлении усовершенствовать современную социальную политику по пути предоставления комплексной помощи, которая должна активизировать потенциал человека, направить его на самостоятельное разрешение жизненных проблем. Таким образом, социал-дарвинисты акцен-

тировали внимание на демографическом, адапционном и производственном факторах бедности. В качестве основных ресурсов, позволяющих преодолеть бедность, они выделяли:

- приспособляемость к жизненной ситуации и социальным условиям,
- целеустремленность,
- активность в решении проблем,
- способность конкурировать, вступать в борьбу,
- инициативность и участие в общественной жизни.

Марксистский подход, как и социал-дарвинистский, является классическим в социологии. В марксизме внимание проблемам бедности уделяется в рамках анализа системы экономических отношений между пролетариатом и буржуазией. Проводится противопоставление между «богатыми капиталистами», обладающими средствами производства, и «бедными рабочими», у которых они отсутствуют. Конфликт и борьба между эксплуатирующими и эксплуатируемыми становятся источником социального развития. Важную роль в этом процессе играет бедность рабочего класса, которая побуждает последнего к социальному протесту. Идея опасности большого разрыва между богатым и бедным слоями в обществе была позднее выражена учеными, работающими в области статистики. Они предложили измерять децильный коэффициент, кривую Лоренца, индекс Джини, показывающие степень дифференциации доходов в обществе, а выход за рамки нормы является сигналом нестабильности и уязвимости социально-политической ситуации.

Одной из особенностей бедности у К. Маркса является ее рост, пропорциональный росту капитала на противоположном полюсе богатых собственников. Владение средствами производства является источником растущей экономической власти в обществе, а принадлежность к тому или иному классу определяет социальное положение, ресурсы, жизненный стиль индивида.

Существенная черта бедности в эпоху капитализма — это непредсказуемый и внезапный момент ее наступления, обусловленный высокой степенью зависимости от многих факторов, например, от экономических кризисов и воли управленцев: «пролетарий, не имеющий решительно ничего, кроме своих рук, проедающий сегодня то, что он заработал вчера, зависящий от всевозможных случайностей, лишённый всякой гарантии, что он сможет добыть средства для удовлетворения своих самых насущных потребностей, — ибо всякий

кризис, всякий каприз хозяина может лишить его куска хлеба» [Энгельс Ф., 1955, с. 349]. По сути, речь у Маркса идет о неконтролируемых рисках, которые нарастают в условиях рыночных отношений. Этот тезис впоследствии будет развиваться в концепции общества риска.

В марксистских работах одним из существенных факторов бедности является характер труда и высокий риск безработицы по причине механизации и автоматизации производства. Происходит усиление различий между монотонным, рутинным, тяжелым физическим трудом низшего класса и творческим, самостоятельным, умственным трудом, характерным для более высоких слоев общества. Эта тенденция актуальна для сегодняшнего дня, она была отмечена в концепции постиндустриального общества. Таким образом, с точки зрения марксистского подхода основными причинами бедности являются: рыночные отношения и наличие частной собственности в обществе, стремление высшего класса к обогащению и увеличению капитала ценой эксплуатации низшего класса, в первую очередь рабочих, находящихся в ситуации зависимости и постоянного риска. Факторами, способствующими бедности, являются:

- принадлежность к классу, который не обладает экономической властью;
- характер труда, отсутствие компетенций осуществления умственного, творческого, управленческого труда;
- механизация и автоматизация производства, которые сопровождаются высвобождением рабочей силы и безработицей.

Сторонники *веберовского подхода* объясняли бедность разными причинами, среди которых главной является экономический ресурс, где особо выделяется наличие собственности. Но ее устранение, как источника неравенства, не решит проблему бедности, поскольку всегда возможно появление других факторов. Так, важную роль М. Вебер уделял статусу, характеризующему через престиж и почести, и партиям, которые объединяют людей по взглядам, целям, интересам, могут базироваться на различных принципах и ценностях, являются источником влияния. Статус во многом зависит от профессиональной занятости, квалификации, способности конкурировать на рынке труда. М. Вебер в каком-то смысле отразил в своих работах переход от сословного и классового деления общества к социальным слоям, выделяемым по экономическому и профессионально-квалификационному критериям. Так, он отмечает, что как имущие, так и неимущие могут от-

носиться к одной социальной группе (например, сословию) в силу схожего статуса: «Термин “дворянская бедность” — один из примеров. В Британии представители аристократических семей продолжают пользоваться значительным социальным уважением, даже когда фортуна от них отворачивается. Наоборот, на владельцев “новых денег” часто смотрят с некоторым презрением» [Гидденс Э., 1992, с. 118]. Различия в экономических ресурсах и обладании собственностью приводят к разным жизненным шансам изменения своей судьбы, а различия в статусе ведут к формированию определенного стиля жизни, субкультуры социальной группы. Так, Вебер выделял «позитивно привилегированный» и «негативно привилегированный» классы. Бедность была характерна для второго, состоящего из рабочих, у которых не было собственности, квалификации, специальных навыков и умений, пригодных для выгодной продажи на рынке труда. Помимо собственности и квалификации М. Вебер также выделяет факторы религии, расы, физической привлекательности и «социальной ловкости», которые определяют положение индивида в обществе. Таким образом, с точки зрения веберовского подхода можно выделить экономический, профессионально-квалификационный и политический факторы бедности. К ресурсам, нехватка которых, приводит к бедности, можно отнести:

- повышение квалификации и способность к управленческому труду,
- обретение собственности,
- повышение социального статуса и престижа,
- расширение жизненных шансов, следование новому стилю жизни,
- получение доступа к власти через принадлежность к партии.

Представители функционализма (Т. Парсонс, Л. Уорнер, К. Дэвис и У. Мур) рассматривают бедность как результат разных индивидуальных и приобретенных способностей, а также роли, которую играют индивиды в обществе. Т. Парсонс, в частности, отмечал, что разные виды деятельности и человеческие качества оцениваются неодинаково, их оценка зависит от системы ценностей, целей общества, которые могут иметь особую важность в социальной системе [Шкаратан О.И., 2012]. По мнению К. Дэвиса и У. Мура, социальная позиция, занимаемая индивидами, соответствует наличию или отсутствию особых талантов, наследуемых от родителей, или же приобретенной специальной подготовки. Это приводит к оценке и дифференциации людей по их способностям и полученным

навыкам. Одним из главных показателей социального статуса, наряду с властью и престижем, становится экономическое вознаграждение. «Общество может пользоваться уникальной возможностью — неравным экономическим доходом как основным средством контроля над процессом заполнения социальных позиций и стимулирования выполнения своих обязанностей» [Дэвис К., Мур У., 2016, с. 6]. Поэтому социальные позиции, в которых конкретное общество заинтересовано меньше, будут относиться к низшим слоям и группе бедных. Можно сказать, что бедность, с точки зрения функционалистов, обусловлена недостаточной выраженностью индивидуальных способностей у человека, что не позволяет ему самореализоваться в обществе и получать более высокий доход, иметь возможность удовлетворять больше своих потребностей. Другой причиной может быть несоответствие имеющихся у индивида талантов и приобретенных навыков текущим требованиям и ценностям общества и, как следствие, его невостребованность. Таким образом, бедность с точки зрения функционального подхода обусловлена профессионально-квалификационным и компетентностным факторами. А основной ресурс, нехватку которого может испытывать слой бедных, — это обладание качествами характера, навыками, обязанностями, компетенциями и профессией, которые являются ценными для каждого конкретного общества.

Широкую известность во второй половине XX в. получила концепция «культуры бедности» (О. Льюис, В. Вилсон, К. Кларк, У. Миллер, Г. Ганс) [Шкаратан О.И., 2012], в рамках которой анализируются нормы, ценности, жизненный стиль, социальная среда, характерные для бедного населения. Авторы идеи исходят из того, что социальные страты в обществе со временем порождают субкультуры со своими устойчивыми особенностями. Это одно из объяснений, почему бедность сохраняется, несмотря на многочисленные попытки со стороны государства справиться с ней. О. Льюис исследовал образ жизни мексиканских семей и пришел к выводу, что существует «гетто бедных» со своими ценностями, нормами, моделями поведения, чертами характера. В этой связи он отмечал, что для «субкультуры бедности» характерны следующие социально-психологические особенности: недостаток воли, откладывание на потом, уязвимость, зависимость, неполноценность, пассивная реакция, уход в негативную девиацию, нарушения репродуктивного поведения, соперничество и низкая привязанность к близким, а также

исключенность из социальных институтов, низкий уровень образования, небольшой круг социальных связей, экстернальный локус контроля или перекладывание ответственности за свою жизнь на внешний мир. Основная причина бедности заключается в постоянном сохранении и воспроизводстве в следующих поколениях субкультуры бедных. Определяющую роль здесь играет целая группа социально-психологических факторов, включающих специфическую социализацию, усвоение норм и ценностей, формирование ролевых установок, ограничение и санкционирование выхода из группы, замкнутость общины. В качестве основных дефицитных ресурсов здесь отметим:

- наличие разнообразных социальных связей, позволяющих получать другой ценностно-нормативный опыт,
- включенность в социальные институты,
- активная стратегия выхода из группы бедных,
- принятие ответственности на себя за свой образ жизни,
- изменение социальной среды.

Возможностный подход был предложен известным ученым и нобелевским лауреатом по экономике А. Сеном. Анализируя проблемы бедности, он отмечал, что определяющую роль играют возможности (свободы), которыми располагает человек, а также способы их использования: «возможностный подход, применяемый при исследовании феномена бедности, расширяет понимание природы и причин бедности посредством перемещения фокуса нашего внимания со средств на цели, которые человек небезосновательно преследует, и, соответственно, на свободы, позволяющие достичь этих целей» [Сен А., 2004, с. 110]. Соответственно в данном случае основной причиной бедности наряду с низким доходом является отсутствие возможностей. Эти ограничения связаны:

- с индивидуальными характеристиками (возраст, пол, социальные роли, состояние здоровья, уровень грамотности, интеллект),
- социальными характеристиками (особенности политики государства, степень стратифицированности общества, наличие дискриминационных практик)
- характеристиками среды (место жительства, климат, эпидемиологическая ситуация в регионе, развитость инфраструктуры и социальных институтов) [Овчарова Л.Н., 2009, с. 11].

Таким образом, А. Сен выделяет как индивидуальные, так и внешние факторы, связанные с условиями жизни в обществе. Причем последним он уделяет большое внимание, считая их важной при-

чиной бедности. Основным ресурсом с точки зрения возможностного подхода является человеческий потенциал, который во многом зависит от доступа к образованию и здравоохранению в стране.

Депривационный подход в определенном смысле является противоположным возможностному подходу А. Сена, т.к. основывается на депривации — лишении или невозможности удовлетворять свои потребности в необходимом объеме. Один из наиболее ярких представителей этой концепции — П. Таунсенд. Отнесение себя к бедным согласно этого подхода зависит от среднего уровня жизни в обществе (приличествующего), ориентирами являются существующие стандарты, распространенный образ жизни. Это получило название многомерной депривации, при которой индивид или социальная группа находится в «наблюдаемом доказуемом невыгодном положении» на фоне общества [Батракова Л.Г., 2011, с. 118]. В данном случае значимыми будут потребности и ресурсы в разных сферах: «Наряду с материальной депривацией, включающей такие показатели, как питание, одежда, жилищные условия, предметы длительного пользования, место и состояние среды проживания, условия и характер труда, ...показатели социальной депривации, включающие характер занятости, особенности проведения досуга, образование» [Батракова Л.Г., 2011, с. 119]. То есть в данном случае многое будет зависеть от характеристик анализируемого общества: те социальные группы, которые будут считаться бедными в одних государствах, не будут таковыми по меркам других с более ограниченными условиями жизни и ресурсами. Основополагающими факторами бедности при депривационном подходе являются экономический и ценностно-нормативный. К основным ресурсам относятся: уровень потребления и возможность соответствовать общему распространенному образу жизни.

В рамках *теории капиталов П. Бурдье* социальное положение индивидов определяется совокупностью различных капиталов. Выделяются экономический капитал (например, деньги, собственность), культурный капитал (например, образовательные квалификации) и социальный капитал (например, социальные обязательства, связи) [Бурдье П., 2004]. Каждый из них может приносить материальную и символическую прибыль, конвертироваться друг в друга, при этом экономический капитал составляет основу для других его форм. Бедность с точки зрения такого подхода обусловлена недостаточным объемом экономического, культурного и социального капиталов у групп

населения, а также их дефицитом в конкретном обществе. Выход из социального слоя бедных затрудняется контролем и ограничением обмена материальными и символическими ресурсами между различными социальными группами, легитимизацией и санкционированием вхождения новых членов в нее в целях сохранения «групповых границ» и «группового капитала». Таким образом, ключевыми факторами бедности здесь могут выступить: экономический, профессионально-квалификационный, компетентностный, статусный, коммуникативный. Основные ресурсы могут быть как материальными, так и символическими, причем они могут конвертироваться друг в друга.

Проблему бедности рассматривал и У. Бек, являющийся автором концепции «общества риска», в которой современные цивилизационные и модернизационные процессы подвергнуты критике в связи с созданием большого количества глобальных рисков, угрожающих природе, экологии, здоровью и всем сферам общественной жизни. Ученый выявил обратно пропорциональную закономерность в системе социальной стратификации, когда риски накапливаются прежде всего в слое бедного населения: «риски, как и богатства, распределяются по классовой схеме, только в обратном порядке: богатства сосредотачиваются в верхних слоях, риски в нижних... “закон” специфически классового распределения рисков и тем самым обострения классовых противоречий из-за концентрации рисков на стороне бедных и слабых долгое время считался и считается до сих пор одним из центральных измерений риска» [Бек У., 2000, с. 23]. Одновременно с этим современные риски имеют «уравнительный эффект» за счет глобальности возникающих проблем и системной сущности природных и социальных процессов, что находит свое отражение в экономическом и социальном «эффекте бумеранга», когда глобальные проблемы возвращаются для всех слоев населения потерей прибыли, социальным и культурным кризисом, аномией, преступностью и терроризмом. Таким образом, для данного подхода характерен акцент на социальных рисках и их внесоциальных факторах, связанных с природной средой, экологией, уничтожением ресурсов планеты и загрязнением окружающей среды. Основным дефицитным ресурсом является возможность избегания рисков, обусловленная экономическими, информационными, демографическими, физическими, социально-коммуникативными возможностями индивида. При этом более низкий уровень дохода и образования бедных ограничивает их возможности про-

тивостоять этим рискам и избегать их. Это особенно касается низкого уровня информационной грамотности и некомпетентности в ситуациях выбора, например, условий жизни, качества питания, своевременного обследования здоровья.

Теория постиндустриального общества, разработанная Д. Беллом, Э. Тоффлером, М. Кастельсом [Белл Д., 2004; Тоффлер Э., 2004; Кастельс М., 2000], определяет актуальные для последних десятилетий тенденции, связанные с обеднением населения. Главными ресурсами с точки зрения данного подхода являются: знания, информация, наукоемкие услуги, фундаментальная наука, информационные и компьютерные технологии. Происходит становление «информационного капитализма», глобализация экономики. Проблема бедности усугубляется ввиду целого ряда факторов. Во-первых, происходит массовая автоматизация производства, которая сопровождается высвобождением рабочих рук. С дальнейшим внедрением в социальную инфраструктуру роботов и считывающей техники, заменяющих целые группы профессий, ситуация может обостриться и вызвать новые волны безработицы, а значит, усиление бедности. Во-вторых, возникают новые квалификационные и компетентностные требования в сфере труда, к которым далеко не все способны адаптироваться. В-третьих, формируется новый «креативный класс» занятых высокоинтеллектуальным трудом на основе информационно-коммуникационных компетенций, сосредотачивающий в своих руках основные капиталы, т.е. происходит перераспределение статусов и дифференциация доходов в связи с новыми критериями, где большая часть населения не способна полноценно конкурировать за социальные позиции. Таким образом, в постиндустриальном обществе определяющими факторами становятся: профессионально-квалификационный, компетентностный, адаптационный, коммуникативный и производственный. А основными дефицитными ресурсами, позволяющими улучшать социальное положение, являются: знания, информация, навыки, адаптивность, обучаемость, принадлежность к сфере высокоинтеллектуальных технологий.

Выводы

Анализ основных теоретико-методологических подходов позволяет сделать вывод, что бедность — это прежде всего низкоресурсное состояние, при котором у отдельного индивида, семьи или социальной группы наблюдается дефицит разных ресурсов, представляющих ценность в данном обществе и/или помогающих улучшить социаль-

ное положение и статус. При этом сами ресурсы крайне разнообразны и их можно структурировать в классификации по различным основаниям.

1. Так, можно выделить *традиционные ресурсы*, например: наличие собственности и орудий труда, доступ к власти, мотивацию к эффективному труду, способность управлять, умение подчиняться, физическую силу, позитивный тип мышления и поведения. И *современные ресурсы*, например: возможность избегания социальных и природных рисков в силу просвещенности и умения совершать правильный выбор, обладание информацией, высокую адаптивность и обучаемость, информационно-коммуникационную компетентность и навыки в сфере высокоинтеллектуальных технологий.

2. *Внешние ресурсы* разделяются на социальные и внесоциальные. К социальным, на наш взгляд, можно отнести: стратификационную модель общества, степень социального неравенства, институциональную среду, особенности функционирования систем социальной защиты, доступ к образованию и здравоохранению. К *внесоциальным ресурсам* мы отнесем: состояние окружающей среды, климатические условия, наличие природных ресурсов в местности проживания. *Внутренние ресурсы* связаны с социально-психологической сферой: целеустремленность, активность в преодолении проблем, способность конкурировать, вступать в борьбу, инициативность и участие в общественной жизни, приспособляемость к жизненной ситуации и социальным условиям, принятие ответственности на себя, расширение жизненных шансов, следование новому стилю жизни.

3. *Групповые ресурсы* связаны с принадлежностью к определенному классу или слою общества, включенностью в партии и политическую активность, наличием разнообразных социальных связей. *Индивидуальные ресурсы* могут быть определены через демографические, физические, социально-коммуникативные возможности, ролевые и интеллектуальные особенности, таланты и способности.

Во всех подходах мы выделили факторы, влияющие на бедность населения: экономический, политический, профессионально-квалификационный, статусный, стратификационный, ценностный, нормативный, социально-психологический, коммуникативный, компетентностный, институциональный, адаптационный, демографический, физический, производственный, экологический и климатический.

По мере развития общества в науке усиливается тенденция к многофакторному подходу, рассматривающему социальную реальность и бедность с разных сторон.

Список литературы

Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 376–644. URL: <http://pstgu.ru/download/1180512155.aristotel.pdf> (дата обращения: 09.10.2017).

Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высшая школа, 2005, 408 с.

База результатов опросов ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1031&q_id=71221&date=05.07.2015 (дата обращения: 01.03.2017).

Батракова Л.Г. Основные концепции оценки бедности населения // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1: Гуманитарные науки, № 3. С. 117–121.

Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Селедельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 2004. 788 с.

Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / науч. ред. и сост. В.В. Радаева; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 519–536.

Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 112–123.

Гоч О.М. О дифференциации доходов населения в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, вып. 3(2). С. 389–393. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-differentsiatsii-dohodov-naseleniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 14.11.2017).

Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Журнал российской социологической ассоциации. 2016. Вып. 3. С. 3–7.

Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. 606 с.

Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. 268 с.

Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.

Сычева В.С. Измерение уровня бедности: история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 141–149.

Тихонова Н.Е. Гетерогенность бедности в современной России // Бедность и бедные в современной России. М.: Весь Мир, 2014. С. 13–34.

Трифлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004, 261 с.
Федеральная служба государственной статисти-
ки: «Численность населения с денежными доходами
ниже величины прожиточного минимума и дефицит
денежного дохода». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (дата обращения: 04.11.2017).

Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом ВШЭ. 2012. 526 с.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 231–517.

Получено 07.12.2017

References

Aristoteles. *Politika* [Politika]. *Aristoteles. Sochineniya: v 4 t.* [Aristoteles. Works: in 4 vols.]. Available at: <http://pstgu.ru/download/1180512155.aristotel.pdf> (accessed 09.10.2017). (In Russian).

Asmus V.F. (2005). *Antichnaya filosofiya* [Ancient Philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 408 p. (In Russian).

Batrakova L.G. (2011). *Osnovnye kontseptsii otsenki bednosti naseleniya* [Basic Concepts of Poverty Assessment of the Population]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Herald]. Vol. 1, Humanities, no. 3, pp. 117–121. (In Russian).

Baza rezultatov oprosov WCIOM [Data basis of the survey findings WCIOM]. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1031&q_id=71221&date=05.07.2015 (accessed 01.03.2017). (In Russian).

Bek U. (2000). *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modern* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 383 p. (In Russian).

Bell D. (2004). *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The Coming of Post-industrial Society]. Moscow, Academia Publ., 788 p. (In Russian).

Bourdieu P. (2004). *Formy kapitala* [Forms of Capital]. *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: Khrestomatiya sovremennoy klassiki* [Western Economic Sociology: Chrestomathy of Modern Classics]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 519–536. (In Russian).

Castells M. (2000). *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, 606 p. (In Russian).

Davis K., Moor U. (2016). *Nekotorye printsipy stratifikatsii* [Some Principles of Stratification]. *Zhurnal Rossiyskoy sotsiologicheskoy assotsiatsii* [Journal of the Russian Sociological Association]. Iss. 3, pp. 3–7. (In Russian).

Engels F. (1955). *Polozhenie rabochego klassa v Anglii* [Condition of the Working Class in England]. Marx K., Engels F. *Sochineniya: v 50 t.* [Works: in

50 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., vol. 2, pp. 231–517. (In Russian).

Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki: «Chislennost' naseleniya s deneghnymi dokhodami nizhe velichiny prozhitochnogo minimuma i defitsit deneghnogo dokhoda» [Federal State Statistics: Population with Money Income Below Subsistence Minimum Level]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/# (accessed 04.11.2017). (In Russian).

Giddens E. (1992). *Stratifikatsiya i klassovaya struktura* [Stratification and Class Structure]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9, pp. 112–123. (In Russian).

Goch O.M. (2013). *O differentsiatsii dokhodov naseleniya v sovremennoy Rossii* [On the Differentiation of Incomes of the Population in Modern Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law]. Vol. 13, iss. 3(2), pp. 389–393. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-differentsiatsii-dokhodov-naseleniya-v-sovremennoy-rossii> (accessed 14.11.2017). (In Russian).

Ovcharova L.N. (2009). *Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnya, profilya i faktorov bednosti: rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt* [Theoretical and Practical Approaches to Assessing the Level, Profile and Poverty Factors: Russian and International Experience]. Moscow, M-Studio Publ., 268 p. (In Russian).

Sen A. (2004). *Razvitie kak svoboda* [Development as Freedom]. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ., 432 p. (In Russian).

Shkaratan O.I. (2012). *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i realnost'* [Sociology of Inequality. Theory and Reality]. Moscow, HSE Publ., 526 p. (In Russian).

Sycheva V.S. (1996). *Izmerenie urovnya bednosti: istoriya voprosa* [Poverty Measurement: Background]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3, pp. 141–149. (In Russian).

Tikhonova N.E. (2014). *Geterogenost' bednosti v sovremennoy Rossii* [The Heterogeneity of Poverty in Modern Russia]. *Bednost' i bednye v sovremennoy Rossii* [Poverty and the Poor in Modern Russia]. Moscow, Ves' Mir Publ., pp. 13–34. (In Russian).

Toffler A. (2004). *Tretya volna* [The Third Wave]. Moscow, AST Publ., 261 p. (In Russian).

Received 07.12.2017

Об авторах

Замараева Зинаида Петровна

доктор социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой социальной работы
и конфликтологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: zinaidazamaraeva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3070-723X

Воронова Ксения Андреевна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: voron55555@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5003-794X

About the authors

Zinaida P. Zamaraeva

Doctor of Sociology, Docent,
Head of the Department of Social Work
and Conflictology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: zinaidazamaraeva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3070-723X

Kseniya A. Voronova

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: voron55555@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5003-794X

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Замараева З.П., Воронова К.А. Феномен бедности в социологии с позиции факторного и ресурсного анализа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 125–134.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-125-134

For citation:

Zamaraeva Z.P., Voronova K.A. The phenomenon of poverty in sociology: factor and resource analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 125–134.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-125-134

УДК 316.454.54-057.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-135-145

СТРУКТУРНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РАБОТНИКОВ РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ*

*Германов Игорь Анатольевич, Плотникова Елена Борисовна,
Булгакова Дарья Александровна*

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье представлена авторская концепция исследования социальных сетей работников как структурной основы социального капитала организации. На материалах социологического исследования, проведенного в 2017 г. на крупных промышленных предприятиях г. Перми, дается общая характеристика социальных связей между работниками, а также анализируются взаимодействия, возникающие при совместном преодолении производственных проблем, характеризуется размер и состав сетей инструментальной поддержки. Представлены структура производственных коллективов с точки зрения позиции работников в процессах обмена помощью и результаты анализа ее связей с социально-демографическими характеристиками работников. Полученные данные позволяют сделать вывод, что сложившиеся в организациях принципы взаимоотношений способствуют установлению и развитию социальных связей между работниками. Социальные сети интенсивно используются рабочими для решения возникающих производственных проблем, включенность работников в сети инструментальной поддержки обеспечивает им компенсацию ресурсов, нехватка которых имеет место на индивидуальном уровне. Выделены четыре группы работников, различающихся по характеру их участия в обмене ресурсами: «независимые» работники, «доноры», «реципиенты» и «обменивающиеся». Установлено, что в сравнении с данными начала 1990-х гг. доля рабочих, включенных в отношения взаимопомощи с коллегами, сократилась. Однако работники предприятий, вовлеченные в сети инструментальной поддержки, продолжают оставаться большинством. Состав сетей поддержки указывает на то, что на их основе в равной мере формируется как охватывающий, так и соединяющий социальный капитал; высокая вовлеченность в сети руководителей структурных подразделений способствует формированию и развитию связывающего социального капитала.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные сети, работники предприятий.

STRUCTURAL SOCIAL CAPITAL OF WORKERS OF RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES: AN EMPIRICAL EVALUATION

Igor A. Germanov, Elena B. Plotnikova, Daria A. Bulgakova

Perm State University

This article presents the author's concept of researching social networks of workers, which constitute the structural basis of an organization's social capital. The authors of the article have conducted sociological research at large industrial enterprises in Perm and give an overall description of social relationships between employees, as well as analyze the interactions that arise while overcoming difficulties conjointly, and characterize the size and composition of the networks of instrumental support. The structure of production collectives is presented in terms of the position of workers in the processes of aid exchange and analysis of its links with the socio-demographic characteristics of workers. The research results indicate that the principles of relationships established in organiza-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальный капитал организации как фактор модернизации российской промышленности (на примере предприятий Пермского края)», №16-03-00374.

tions contribute to the development of social ties between workers. Social networks are used by workers to solve the problems that accompany the production process. The workers included in the network have the opportunity to replenish resources that are lacking at the individual level. The authors managed to distinguish four groups of workers, differing in their participation in resource exchange processes. The percentage of workers who lend support to their colleagues is less than in the early 1990s, but employees involved in the networks of instrumental support still constitute the majority. The composition of networks of instrumental support indicate that they are generating both «bonding» and «bridging» social capital. The high level of managers' participation in the networks contributes to the formation and development of the «linking» social capital.

Keywords: social capital, social networks, industrial workers.

Введение

В современной науке утвердилась точка зрения, что социальный капитал является значимым фактором развития организаций. Многочисленные исследования, проведенные преимущественно за рубежом, представляют убедительные доказательства того, что социальный капитал способствует повышению эффективности компаний. Это происходит за счет позитивного влияния на координацию внутриорганизационной деятельности; роста вовлеченности и лояльности персонала; развития моральных норм, повышения доверия и сплоченности внутри фирм и, как следствие, — ограничения оппортунистического поведения работников; интенсификации обмена информацией; снижения сопротивления изменениям и др. [см., напр., Andrews R., 2010; Burt R.S., 1997; Chen X. et al., 2009; Chow W.S., Chan L.S., 2008]. Хотя авторы отмечают и негативные аспекты влияния социального капитала на деятельность организаций, общепризнанной позицией стало то, что он является важнейшим ресурсом повышения конкурентоспособности компаний.

Выводы, полученные зарубежными исследователями, ложатся в основу разработок отечественных авторов, которые активно ведутся с начала 2000-х гг. Продолжающаяся трансформация систем управления и трудовых отношений на российских предприятиях вкпе с очередной волной экономического кризиса активизирует поиск новых управленческих технологий, ранее не изученных факторов активизации производственного потенциала. При этом социальный капитал зачастую рассматривается как необходимое условие ускорения социально-экономического, модернизационного развития России [Дискин И.Е., 2003; Полицук Е.А., 2005], а увеличение роли и значения корпоративного социального капитала в управлении предприятием позиционируется в качестве одного из самых перспективных направлений повышения качества производственного менеджмента [Клейменова Г.В., Ладыга А.И., 2010].

Однако большинство российских публикаций, касающихся проблематики организационного социального капитала, в настоящее время носит преимущественно теоретический характер [см., напр., Алашеев С.Ю., 1995; Нестик Т.А., 2009a; Нестик Т.А., 2009b; Резанова Е.В., 2009; Сидорина Т.Ю., 2007]. Эмпирических исследований, которые могли бы послужить основанием для проверки выдвигаемых гипотез, существует довольно мало. Чаще всего авторы обращаются к отдельным элементам, которые могут быть ассоциированы с социальным капиталом организаций. Например, серия работ А.Л. Темницкого и Г.П. Бессокирной затрагивает вопросы изучения норм взаимоотношений между работниками и менеджерами, а также их связь с отношением к труду [Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л., 2004; Темницкий А.Л., 2002; Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П., 1998]. Л.В. Корель, П.М. Козырева исследуют проблемы доверия и групповой сплоченности в трудовых коллективах [Козырева П.М., 2008; Корель Л.В., 2013]. С.Ю. Алашеев, В.В. Шапошникова сосредотачиваются на анализе горизонтальных и вертикальных социальных связей работников [Алашеев С.Ю., 1995; Шапошникова В.В., 2009]. В данной статье мы попытаемся дополнить представления о социальном капитале российских организаций промышленного сектора и представить оценки состояния социальных сетей работников как структурной его основы. В качестве объектов изучения были избраны три крупных пермских предприятия машиностроительной отрасли, входящие в госкорпорации. Эмпирической базой стали результаты формализованного опроса рабочих основного производства. Метод сбора данных — сплошной опрос присутствующих на рабочем месте. Общий объем выборки — 450 респондентов.

Концептуальная схема исследования

Исследования социального капитала осложнены проблемами теоретического и методологического порядка. И. Мачеринскене с коллегами на основе

анализа большого корпуса источников приходят к выводу об отсутствии единства мнений у исследователей относительно сущности этого феномена, наличии различных трактовок первичности и принадлежности социального капитала, концентрации на разных уровнях его анализа и др. [Ма-черинскене И. и др., 2006]. Мнения и оценки, которые можно встретить во множестве других публикаций, позволяют сделать заключение: несмотря на то что данная область научных изысканий на протяжении последних десятилетий вызывает постоянно растущий интерес, общепринятого определения понятия «социальный капитал организации» и моделей его концептуализации в настоящее время не существует.

Имеющиеся трактовки понятия объединены наличием акцента на ресурсах, которые становятся доступными субъектам благодаря характеристикам сетей взаимодействия, в которые они вовлечены. Этого подхода, изначально сформулированного П. Бурдые [Бурдые П., 2002, с. 66], при исследовании социального капитала на уровне организаций придерживаются, в частности, П. Адлер (P. Adler) и С. Квон (S. Kwon) [Adler P.S., Kwon S., 2002, p. 23]; К. Лиан (C. Leana) и Г. Ван Бюрен (H. Van Buren) [Leana C.R., Van Buren H.J., 1999, p. 538]; Дж. Нахапет (Jh. Nahapiet) и С. Гошал (S. Ghoshal) [Nahapiet J., Ghoshal S., 1998, p. 243]; А. Портес (A. Portes) [Portes A., 1998, p. 8] и др.

Важным аспектом понятия является продуктивность социального капитала и целесообразность его использования. Так, Дж. Коулман отмечает, что социальный капитал облегчает действия акторов внутри социальной структуры и тем самым способствует достижению определенных целей [Коулман Дж., 2001, с. 124]. Схожей позиции придерживаются и другие авторы. Например, отмечается, что социальные связи становятся социальным капиталом лишь в случае, если используются акторами осознанно для достижения своих интересов [Araujo L., Easton G., 1999; Leana C.R., Van Buren H.J., 1999].

В литературе отсутствует единая позиция и относительно структуры социального капитала. Большинство современных исследователей организаций исходят из того, что он является многомерной характеристикой. При этом выделяются два, три и более элементов, относящихся к структурной или когнитивной формам социального капитала. Первая форма отражает особенности сетей, институтов и правил, которые облегчают

усилия по координации деятельности, вторая — ценности, нормы, установки и убеждения участников взаимодействия. Считается, что структурный социальный капитал определяет наличие сети для обмена ресурсами, а когнитивный — возможности для такого обмена.

Таким образом, исследователи включают в анализируемую категорию сети и условия взаимодействий, а также пользу, которая осознанно может быть извлечена актором посредством сетей. Это дает возможность назвать социальным капиталом совокупность ресурсов, которыми обладают и которые используют в своих интересах отдельные работники и организация в целом благодаря социальным сетям, доверию и общим нормам взаимодействия.

В данной статье мы обращаемся к анализу структурной формы социального капитала организаций, основой которой, по мнению многих авторов, являются социальные сети. Мы согласны с точкой зрения И. Бочкаревой и рассматриваем их как организованную систему социальных отношений между работниками предприятия, основанных на взаимно разделяемых социальных ценностях, нормах, доверии и обязательствах [Бочкарева И.В., 2011, с. 123].

Благодаря социальным сетям индивиды получают доступ к дефицитным для них ресурсам: символическим (информационным), материальным (в том числе финансовым), эмоциональным и др. Необходимые ресурсы могут быть достигимы для субъектов, если они соединены друг с другом прямым или опосредованным образом. Круг лиц, с которым актор имеет непосредственный контакт (прямые связи), получил название «зона первого порядка». «Зона второго порядка» обозначает круг, который может быть достигим посредством знакомства с членами зоны первого порядка (опосредованные связи) [Назарчук А.В., 2011, с. 43]. Исследователи социальных сетей полагают, что даже в большой общности все люди связаны друг с другом прямым или опосредованным образом. Следовательно, потенциально доступным является любой реально существующий в группе ресурс. Однако степень его доступности, а также объем издержек, который сопровождается его достижением, зависят от расстояния, которое ресурс проходит от одного субъекта до другого. Это расстояние измеряется минимальным количеством шагов (обращение к зонам первого, второго, третьего и т.д. порядка). Чем оно короче, тем меньше издержек несет субъект для получения необходи-

мого ресурса и тем скорее получает желаемое. Из этого следует, что работники, имеющие большее количество прямых связей («зона первого порядка» шире), получают преимущества перед относительно изолированными коллегами, поскольку первые быстрее получают необходимую помощь и информацию. Иными словами, количество прямых связей является одним из факторов, определяющих эффективность социальной сети.

Социальные связи формируются как по горизонтали — между работниками, находящимися на одном уровне организационной иерархии, так и по вертикали — между руководителями и подчиненными. Отношения между субъектами, принадлежащими к одной социальной группе (например, работники одного производственного подразделения), образуют т.н. внутренние связи. Если же отношения выстроены между представителями разных социальных групп (работники разных подразделений одного предприятия или разных предприятий), то образуются т.н. внешние связи. Состав сети определяет типы ресурсов, которые оказываются доступными ее участникам. Однородные по составу сети, как правило, обладают меньшим разнообразием ресурсов в сравнении с разнородными и, следовательно, первые потенциально менее эффективны по сравнению со вторыми.

Состав сети указывает также на преобладающие типы связей между ее участниками (горизонтальные — вертикальные, внутренние — внешние), что характеризует формируемый на ее основе социальный капитал. Гомогенный состав с преобладанием внутренних связей формирует т.н. охватывающий (*bonding*) социальный капитал, который обеспечивает ресурсами, необходимыми для решения повседневных задач. В случае, если сеть включает представителей разных групп (например, работников разных подразделений одной организации или членов разных организаций), формируется соединяющий (*bridging*) социальный капитал, который предоставляет доступ к новым возможностям, которых нет в собственной группе. Включенность в сеть представителей разных уровней организационной иерархии формирует связывающий (*linking*) социальный капитал, который, с одной стороны, обеспечивает доступ к ресурсам, подконтрольным людям, обладающим властью, а с другой — позволяет последним усилить свою власть и влияние.

Социальные связи дифференцируются по степени их силы. М. Грановеттер определяет это понятие как комбинацию продолжительности, эмо-

циональной интенсивности, близости или взаимного доверия и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь [Грановеттер М., 2009, с. 32]. Хотя автор не предлагает способов операционализации данного понятия, интуитивно ясно, что отношения родства являются более сильными связями в сравнении с мимолетным знакомством. Сильные связи обладают большим мобилизационным потенциалом. Так, проведенные ранее исследования показали, что люди в решении своих жизненных проблем предпочитают опираться на близкое окружение, с которым они связаны либо родством, либо дружбой [Реутов Е.В. и др., 2011, с. 81–82]. Однако наличие слабых связей (например, отношений знакомства) не менее, а иногда и более важно. С точки зрения М. Грановеттера, их отсутствие сильнее влияет на вероятность успешной передачи дефицитного ресурса в сравнении с отсутствием сильных связей [Грановеттер М., 2009].

Отношения с коллегами по работе занимают промежуточное положение по силе на шкале родство — знакомство. Эти отношения также могут быть дифференцированы по продолжительности, близости, эмоциональной вовлеченности и по другим основаниям, которые М. Грановеттер предлагает использовать для характеристики силы связи. В нашем исследовании мы рассматривали частично ранжированный по силе ряд связей: «глубокое» знакомство¹ – инструментальная поддержка (совместное преодоление производственных проблем) – совместный досуг – дружба – эмоциональная поддержка – финансовая помощь. Последний из элементов ряда рассматривался нами как наиболее сильная связь, поскольку речь в анкете шла о предоставлении крупного денежного займа или поручительстве при получении кредита в банке. В условиях финансовой нестабильности и кризиса возникновение таких связей, на наш взгляд, возможно лишь между очень близкими людьми, максимально доверяющими друг другу.

¹ Этот термин используется нами как противопоставление «поверхностному» знакомству, которое априори существует между работниками одного производственного подразделения. «Глубокое» знакомство, в отличие от «поверхностного», предполагает регулярные взаимодействия, в результате которых люди лучше узнают друг друга, сближаются, но их отношения еще не перерастают в дружбу. В качестве операционального определения этого признака использовался вопрос: «Среди Ваших коллег, про скольких людей Вы можете сказать: “Я хорошо знаю их лично”?».

Характеристика социальных сетей

В качестве показателей развития социальных связей между работниками предприятий в исследовании использовались: размер и состав участников социальной сети, а также ресурсы, доступ к которым обеспечивается посредством сетей. Респондентов просили назвать количество коллег по работе, с которыми они поддерживают разного рода отношения. Следуя классификации ресурсов, которые содержатся в социальных сетях [Градосельская Г.В., 1999, с. 77–78], участникам исследования были предложены варианты отношений, предполагающие обмен символической (информационной), материальной и эмоциональной поддержкой. Кроме того, работники давали общую оценку социальных отношений в коллективе, что дало возможность охарактеризовать фон социальных взаимодействий на предприятиях.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что сложившиеся в обследованных организациях принципы взаимоотношений способствуют установлению и развитию социальных связей между работниками. Около 80% опрошенных отметили положительный характер отношений между коллегами в их подразделении (42 % выбрали вариант «спокойные, ровные», 41 % — «хорошие, товарищеские»). Наличие конфликтов и напряженности отмечают менее 5 % участников исследования. В ближайшем окружении (работники одного подразделения) среднее число коллег, с которыми поддерживаются «нормальные» отношения, 8–9 чел., а напряженные или конфликтные — 2 чел., т.е. негативный опыт взаимодействий встречается в четыре раза реже. Этот результат вполне согласуется с данными предшествующих исследований, которые констатировали доминирование позитивных оценок групповых отношений между рабочими и высокую степень удовлетворенности ими [Патрушев В.Д., Темницкий А.Л., 1995; Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П., 1998].

Размер прямых сетей связей («зона первого порядка») колеблется в среднем от 2 (совместный досуг, возможность взять в долг крупную сумму денег) до 6 чел. («глубокое» знакомство, совместное преодоление производственных проблем). Наличие дружеских связей, возможности поговорить по душам, обсудить личные проблемы отмечается в среднем в отношении четырех работников своего подразделения (см. табл. 1). Таким образом, распределение средних значений по разным типам связей указывает на закономерность

уменьшения численности социальной сети по мере роста силы связей, которые лежат в ее основе.

Таблица 1. Размер сетей связей работников предприятий

Социальные связи	Среднее значение (медиана)
«Глубокое» знакомство	6
Инструментальная поддержка	6
Дружеские связи	4
Эмоциональная, духовная поддержка	4
Совместное проведение досуга	2
Материальная поддержка	2

Количество дружеских связей с коллегами закономерно связано со стажем работы в подразделении ($r_s = 0.15$, $\alpha < 0.01$). Другие социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, место работы) на размер сетей связей влияния не оказывают.

Как было отмечено выше, благодаря установлению социальных связей, акторы обмениваются значимыми для них ценностями или ресурсами. В рамках исследования влияния социального капитала на эффективность деятельности организаций наибольший интерес представляют обмены, способствующие интенсификации трудовой деятельности и преодолению возникающих производственных проблем. Предметом обмена в данном случае может выступать как информация (обмен знаниями), так и конкретная практическая помощь (обмен навыками). Следуя подходу, предложенному Г.В. Градосельской [Градосельская Г.В., 1999], с точки зрения позиции в процессах обмена мы выделили четыре типа акторов: «независимые» — не получающие и не предоставляющие помощь, «доноры» — предоставляющие помощь, «реципиенты» — получающие помощь, «обменивающиеся» — получающие и предоставляющие помощь.

К числу рабочих, включенных в сеть обмена инструментальной поддержкой, однозначно можно отнести четвертый тип акторов. Второй и третий типы представляют собой модели асимметричного обмена. Хотя в основе формирования социальной сети лежит принцип взаимности, было бы неверным однозначно исключать соответствующих акторов из числа ее членов. Акт предоставления/получения помощи рождает между взаимодействующими субъектами обязательства, благоприятствующие дальнейшему обмену ресурсами. Они основаны, с одной стороны, на чув-

стве благодарности реципиента, а с другой — на ожиданиях донора получить адекватную «оплату» в ответ на ранее оказанную помощь. Однако последующие обмены могут и не состояться. В этом случае связь прервется и вхождение в сеть не состоится. Таким образом, доноров и реципиентов можно отнести к числу резервистов сети инструментальной поддержки.

Результаты нашего исследования показывают, что структуры распределений работников по месту в системе обмена помощью в ситуациях преодоления трудностей в работе на обследованных предприятиях практически не различаются. Полностью исключенными из отношений обмена являются 14–19 % рабочих, «донорами» — 4–9 %, «реципиентами» — 15–22 %, полноценно участвующими в двустороннем обмене — 57–59 % опрошенных.

По данным А.Л. Темницкого и Г.П. Бессокирной, в 1990-е гг. лишь единицы работников предприятий не оказывали помощи своим коллегам [Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П., 1998, с. 203]. Полученный нами результат (заметное увеличение доли работников, которые в практике трудовой деятельности отказываются от обращений и предоставления помощи товарищам по работе), может свидетельствовать о росте индивидуалистических ориентаций рабочих в сфере труда.

Принадлежность к анализируемым типам акторов не связана с размером сети инструментальной поддержки и других сетей связей, существующих между работниками (дружба, совместный досуг, эмоциональная и финансовая поддержка, см. табл. 2). Этот результат вполне согласуется с

разделением понятий «потенциал социальных сетей организации» и «социальный капитал организации», на необходимость которого указывала И.В. Бочкарева [Бочкарева И.В., 2011, с. 123]. В первом случае речь идет о возможностях, которые становятся потенциально доступными благодаря социальной сети. Во втором — о реализованной возможности, благодаря которой достигнут позитивный результат.

Распределение рабочих по позиции в системе обмена помощью по работе имеет специфику, связанную с принадлежностью к социально-демографическим группам. К категории «независимых» заметно чаще относятся женщины и рабочие в возрасте старше 50 лет. В то же время в двустороннем обмене чаще участвуют мужчины и рабочие, имеющие относительно высокий уровень образования (см. табл. 2). Однако выявленные взаимодействия между переменными относятся к категории «очень слабые связи» (коэф. Крамера 0,16–0,2) и указывают скорее на тенденции, нежели на устойчивые закономерности.

Собранные данные позволяют сделать вывод, что включенность рабочих в сети инструментальной поддержки действительно в некоторой степени компенсирует дефицит собственных ресурсов. Так, участники двусторонних обменов чаще отмечают, что они без особых усилий могут перевыполнить нормы или плановые задания (55 %), тогда как «независимые» и «реципиенты» чаще относили себя к категории работников, для которых перевыполнение норм возможно с большим трудом (60 % в обеих группах).

Таблица 2. Распределение рабочих по участию в обмене ресурсами в социально-демографических группах (% по строке)

Рабочие		Участие в обмене ресурсами			
		Независимые	Донор	Реципиент	Обменивающийся
Пол	Мужской	13,8	5,3	19,4	61,5
	Женский	25,8	6,8	15,2	52,3
Возрастная группа	До 30 лет	10,2	6,1	20,4	63,3
	30–39 лет	13,2	5,4	20,2	61,2
	40–49 лет	18,5	3,7	19,8	58,0
	50 лет и старше	28,9	8,4	15,7	47,0
Образование	Общее и среднее профессиональное	19,2	5,3	20,7	54,8
	Среднее специальное	18,9	7,4	20,5	53,3
	Высшее и незаконченное высшее	9,4	3,1	10,9	76,6
Работники в целом		15,7	5,2	17,1	52,4

С кем взаимодействуют рабочие в случае возникновения проблем на работе или, иными словами, каков состав сетей инструментальной поддержки?

Вне зависимости от места работы около трех четвертей опрошенных (70–76 %) отметили, что за последние полгода помогли сами или просили о помощи по работе у коллег по подразделению (внутренние горизонтальные связи). Более половины (56–65 %) контактировали по этому поводу со своими непосредственными руководителями (внутренние вертикальные связи). Существенно

меньше взаимодействий с работниками других подразделений: примерно треть (27–38 %) связывались с коллегами (внешние горизонтальные связи), примерно каждый пятый (15–25 %) — с руководителями (внешние вертикальные связи). Обращает внимание, что во всех обследованных организациях имеется довольно многочисленная группа рабочих (17–28 %), которые в рассматриваемый период решали свои или чужие производственные проблемы во взаимодействии с работниками других предприятий (внешние удаленные связи).

Таблица 3. Типы связей, возникающих при решении производственных проблем в группах по образованию (% по строке)

Образование	Тип связей				
	Внутренние горизонтальные (I)	Внутренние вертикальные (II)	Внешние горизонтальные (III)	Внешние вертикальные (IV)	Внешние удаленные (V)
Общее и среднее профессиональное	92,3	77,4	35,1	19,6	24,4
Среднее специальное	89,9	75,8	43,4	27,3	29,3
Высшее и незаконченное высшее	94,8	79,3	58,6	41,4	36,2
Работники в целом	92,1	77,1	42,4	25,9	28,4

Обнаружилось, что характер устанавливаемых связей имеет заметную специфику, связанную с уровнем образования рабочих (см. табл. 3). Так, работники, имеющие высшее и незаконченное высшее образование, чаще своих коллег указывали на наличие внешних связей (как горизонтальных, так и вертикальных). Особенно заметны эти различия при сравнении с рабочими, имеющими самый низкий образовательный статус (в обоих случаях коэф. Крамера равен 0,18, $\alpha < 0,01$)². Других закономерностей, связанных с принадлежностью к социально-демографическим группам, выявлено не было.

Анализ взаимодействий, возникающих по поводу помощи по работе, не выявил доминирующих типов связей: 40 % рабочих контактируют только в рамках своего подразделения (тип связей I и II), 38 % — имеют как внутренние, так и внешние связи. Таким образом, сети инструментальной поддержки, в которые вовлечены работники обследованных предприятий, в равной степени формируют

как охватывающий, так и соединяющий социальный капитал. Удельный вес рабочих, которые ограничиваются поддержкой исключительно коллег (тип связей I и II), немногим превышает 15 %. Почти две трети (62 %) имеют как горизонтальные, так и вертикальные связи. Это указывает на то, что сети инструментальной поддержки формируют довольно высокий уровень связывающего социального капитала.

Результаты проведенного исследования показывают, что, как и в 1990-е гг., подавляющее большинство рабочих позитивно оценивают свои взаимоотношения с коллегами. Уровень напряженности и конфликтности в трудовых коллективах довольно низкий. Сложившийся на предприятиях социальный климат способствует установлению множественных прямых связей между работниками, благодаря которым они обмениваются символической, эмоциональной и материальной поддержкой. Хотя доля рабочих, вовлеченных в отношения взаимопомощи с коллегами, в сравнении с прошлым периодом заметно сократилась, социальные сети по-прежнему интенсивно используются рабочими для решения повседневных производственных проблем. Это указывает на сохранение доминирования коллективист-

² При расчете показателей связи были исключены рабочие, которые не получали и не обращались за помощью по работе («независимые»).

ских трудовых ориентаций среди промышленных рабочих. Структура и интенсивность связей между работниками дает основание для вывода о сбалансированном развитии соединяющего и охватывающего социального капитала, а также о высоком уровне развития его связывающей формы. Количество прямых связей между рабочими позволяет оперативно получать необходимую помощь, а состав сетей инструментальной поддержки позволяет привлечь как внутригрупповые, так и внешние ресурсы. Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу о позитивном влиянии социального капитала на эффективность деятельности организаций.

Список литературы

- Алашеев С.Ю.* Неформальные отношения в процессе производства: «взгляд изнутри» // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 12–19.
- Белкин В.Н., Бочкарева И.В.* Социальный капитал организации как экономическое явление // Журнал экономической теории. 2011. № 3. С. 7–10.
- Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л.* Социальные ресурсы рабочих и их отношение к труду // Социальная политика: реалии XXI века. 2004. Вып. 2. С. 432–461.
- Бочкарева И.В.* Потенциал социальных сетей организации // Общество и экономика. 2011. № 7. С. 122–130.
- Бурдые П.* Формы капитала: пер. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.
- Градосельская Г.В.* Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1–2. С. 77–86.
- Грановеттер М.* Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
- Дискин И.Е.* Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5–6(67–68). С. 14–20.
- Клейменова Г.В., Ладыга А.И.* Социальный капитал и методы социально ориентированного менеджмента в системе управления современными промышленными предприятиями // Экономические науки. 2010. № 2(63). С. 145–151.
- Козырева П.М.* К вопросу о доверии в трудовых коллективах // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 24–33.
- Корель Л.В.* Нарратив наемного труда и коллизии доверия на современных промышленных предприятиях в условиях модернизации // Общество и экономика. 2013. № 10. С. 149–162.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
- Мачеринскене И., Минкуте-Генриксон Р., Симанавичене Ж.* Социальный капитал организации: методология исследования // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 29–39.
- Назарчук А.В.* О сетевых исследованиях в социальных науках // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 39–51.
- Нестик Т.А.* Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Часть I // Психологический журнал. 2009. Т. 30, №1. С. 52–63.
- Нестик Т.А.* Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Часть II // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 2. С. 29–42.
- Патрушев В.Д., Темницкий А.Л.* Реальное поведение рабочих промышленности в сфере труда в период перехода к рыночным отношениям. М.: Ин-т социологии РАН, 1995. 67 с.
- Полищук Е.А.* Социальный капитал и его роль в экономическом развитии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика. 2005. Вып. 1. С. 10–16.
- Резанова Е.В.* Социальный капитал организации: теоретико-методологические аспекты исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. Т. 7, № 2(57). С. 120–125.
- Реутов Е.В., Колтина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В.* Эффективность социальных сетей в региональном сообществе // Социологические исследования. 2011. № 1. С. 79–88.
- Сидорина Т.Ю.* Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. 2007. № 3. С. 319–334.
- Темницкий А.Л.* Трансформация норм трудовых взаимоотношений между рабочими и менеджерами российских предприятий // Россия в глобальном контексте. Статьи российских социологов для участников Русского форума на XV Всемирном конгрессе социологов в г. Брисбейне, Австралия, 7–13 июля 2002 г. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. С. 207–211.
- Темницкий А.Л., Бессокирная Г.П.* Коллективистские трудовые отношения на частном промышленном предприятии // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 201–208.
- Шапошникова В.В.* Социальный капитал в трудовых коллективах промышленных предприятий: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. 21 с.
- Adler P.S., Kwon S.* Social Capital: Prospects for a New Concept // Academy of Management Review. 2002. Vol. 27, no. 1. P. 17–40. DOI: 10.5465/AMR.2002.5922314.
- Andrews R.* Organizational Social Capital, Structure and Performance // Human Relations. 2010. No. 63(5). P. 583–608. DOI: 10.1177/0018726709342931.

Araujo L., Easton G. A Relation Resource Perspective on Social Capital. Corporate Social Capital and Liability / ed. by R. Lendeers, S.M. Gabbay. USA: Kluwer Academic Publ., 1999. P. 68–87.

Burt R.S. The Contingent Value of Social Capital // Administrative Science Quarterly. 1997. Vol. 42, no. 2. P. 339–365. DOI: 10.2307/2393923.

Chen X., Stanton B., Gong J., Fang X., Li X. Personal Social Capital Scale: an Instrument for Health and Behavioral Research // Health Education Research. 2009. No. 24(2). P. 306–317. DOI: 10.1093/her/cyn020.

Chow W.S., Chan L.S. Social Network, Social Trust and Shared Goals in Organizational Knowledge Sharing // Information & Management. 2008. No. 45(7). P. 458–465. DOI: 10.1016/j.im.2008.06.007.

Leana C.R., Van Buren H.J. Organizational Social Capital and Employment Practices // Academy of Management Review. 1999. Vol. 24, no. 3. P. 538–555. DOI: 10.5465/AMR.1999.220236.

Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage // Academy of Management Review. 1998. Vol. 23, no. 2. P. 242–266. DOI: 10.5465/AMR.1995.533225.

Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 1–24. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1.

Получено 01.02.2018

References

Adler P.S., Kwon S. (2002). Social Capital: Prospects for a New Concept. *Academy of Management Review*. Vol. 27, no. 1. P. 17–40. DOI: 10.5465/AMR.2002.5922314. (In English).

Alashev S.Y. (1995). *Neformal'nye otnosheniya v protsesse proizvodstva: «vzglyad iznutri»* [Informal relations in industrial enterprise: inside view]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2, pp. 12–19. (In Russian).

Andrews R. (2010). Organizational Social Capital, Structure and Performance. *Human Relations*. No. 63(5). P. 583–608. DOI: 10.1177/0018726709342931. (In English).

Araujo L., Easton G. (1999). *A Relation Resource Perspective on Social Capital. Corporate Social Capital and Liability* / ed. by R. Lendeers, S.M. Gabbay. USA, Kluwer Academic Publ., pp. 68–87. (In English).

Belkin V.N., Bochkareva I.V. (2011). *Sotsial'nyy kapital organizatsii kak ekonomicheskoe yavlenie* [The social capital of an organization as an economic phenomenon]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian Journal of Economic Theory]. No. 3, pp. 7–10. (In Russian).

Bessokirnaya G.P., Temnitskiy A.L. (2004). *Sotsial'nye resursy rabochikh i ikh otnoshenie k trudu* [Social resources of workers and their relation to work]. *Sotsial'naya politika: realii XXI veka* [Social Policy: The Realities of The 21st Century]. No. 2, pp. 432–461. (In Russian).

Bochkareva I.V. (2011). *Potentsial sotsial'nykh setey organizatsii* [The potential of organizational social networks]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economy]. No. 7, pp. 122–130. (In Russian).

Bourdieu P. (2002). *Formy kapitala: per. M.S. Dobryakovoy* [Forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Vol. 3, No. 5, pp. 60–74. (In Russian).

Burt R.S. (1997). The Contingent Value of Social Capital. *Administrative Science Quarterly*. Vol. 42, no. 2, pp. 339–365. DOI: 10.2307/2393923. (In English).

Chen X., Stanton B., Gong J., Fang X., Li X. (2009). Personal Social Capital Scale: an Instrument for Health and Behavioral Research. *Health Education Research*. No. 24(2), pp. 306–317. DOI: 10.1093/her/cyn020. (In English).

Chow W.S., Chan L.S. (2008). Social Network, Social Trust and Shared Goals in Organizational Knowledge Sharing. *Information & Management*. No. 45(7). P. 458–465. DOI: 10.1016/j.im.2008.06.007. (In English).

Gradoselskaya G.V. (1999). *Sotsial'nye seti: obmen chastnymi transfertami* [Social Networks: sharing of private transfers]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1–2, pp. 77–86. (In Russian).

Granovetter M. (2009). *Sila slabykh svyazey* [The Strength of Weak Ties]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Vol. 10, No. 4, pp. 31–50. (In Russian).

Diskin I.E. (2003). *Modernizatsiya rossiyskogo obshchestva i sotsial'nyy kapital* [Modernization of Russian society and social capital]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [The Monitoring of Public Opinion], No. 5–6 (67–68), pp. 14–20. (In Russian).

Kleymenova G.V., Ladyga A.I. (2010). *Sotsial'nyy kapital i metody sotsial'no orientirovannogo menedzhmenta v sisteme upravleniya sovremennymi promyshlennymi predpriyatiyami* [Social capital and methods of socially-oriented management of modern industrial enterprises]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. No. 2(63), pp. 145–151. (In Russian).

Kozyreva P.M. (2008). *K voprosu o doverii v trudovykh kollektivakh* [The issue of trust in labor collectives]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11, pp. 24–33. (In Russian).

Korel L.V. (2013). *Narrativ naemnogo truda i kollizii doveriya na sovremennykh promyshlennykh predpriyatiyakh v usloviyakh modernizatsii* [Hired la-

bour and the phenomenon of trust in modern industrial enterprises (materials of sociological research and engineering employees). *Obschestvo i ekonomika* [Society and Economy]. No. 10, pp. 149–162. (In Russian).

Koulman D. (2001). *Kapital sotsial'nyy i chelovecheskiy* [Social and human capital]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 3, pp. 121–139. (In Russian).

Leana C.R., Van Buren H.J. (1999). Organizational Social Capital and Employment Practices. *Academy of Management Review*. Vol. 24, no. 3, pp. 538–555. DOI: 10.5465/AMR.1999.220236. (In English).

Macherinskene I., Minkute-Genrikson R., Simanavichene Zh. (2006). *Sotsial'nyy kapital organizatsii: metodologiya issledovaniya* [Social capital of organization: methodology of research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3, pp. 29–39. (In Russian).

Nahapiet J., Ghoshal S. (1998). Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *Academy of Management Review*. Vol. 23, no. 2, pp. 242–266. DOI: 10.5465/AMR.1995.533225. (In English).

Nazaruchuk A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukah* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51. (In Russian).

Nestik T.A. (2009). *Sotsial'nyy kapital organizatsii: sotsial'no-psikhologicheskiy analiz. Chast' I* [Social capital of organization: socio-psychological analysis. Part 1]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 30, no. 1, pp. 52–63. (In Russian).

Nestik T.A. (2009). *Sotsial'nyy kapital organizatsii: sotsial'no-psikhologicheskiy analiz. Chast' II* [Social capital of organization: socio-psychological analysis. Part 2]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 30, no. 2, pp. 29–42. (In Russian).

Patrushev V.D., Temnitskiy A.L. (1995). *Real'noe povedenie rabochikh promyshlennosti v sfere truda v period perekhoda k rynochnym otnosheniyam* [The actual behavior of industrial workers in employment in the period of transition to a market economy]. Moscow, The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 67 p. (In Russian).

Polischuk E.A. (2005). *Sotsial'nyy kapital i ego rol' v ekonomicheskoy razvitiy* [Social capital and its role in economic development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika* [Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 5: Economics]. No. 1, pp. 10–16. (In Russian).

Portes A. (1998). Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*. Vol. 24. P. 1–24. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1. (In English).

Rezanova E.V. (2009). *Sotsial'nyy kapital organizatsii: teoretiko-metodologicheskie aspekty issledovaniya* [Social capital of the organization: theoretic-methodological aspects of research]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Series Philosophy. Sociology. Law]. Vol. 7, no. 2(57), pp. 120–125. (In Russian).

Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M.N., Boyarinnova I.V. (2011). *Effektivnost' sotsialnykh setey v regional'nom soobschestve* [Effectiveness of social networks in regional community]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 79–88. (In Russian).

Shaposhnikova V.V. (2009). *Sotsial'nyy kapital v trudovykh kolektivakh promyshlennykh predpriyatii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Social capital of workers' collectives in industrial enterprises: abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 2009. 21 p. (In Russian).

Sidorina T.Y. (2007). *Sotsial'nyy kapital organizatsii i sotsial'naya politika rossiyskogo predpriyatiya* [Social capital of the organization and social policy of the Russian enterprise]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The journal of social policy studies]. No. 3, pp. 319–334. (In Russian).

Temnitskiy A.L. (2002). *Transformatsiya norm trudovykh vzaimootnosheniy mezhdurabochimi i menedzherami rossiyskikh predpriyatii* [Transformation of the norms of labor relations between workers and managers of Russian enterprises]. *Rossiya v globalnom kontekste. XV Vsemirnyy kongress sotsiologov* [Russia in a global context. XV World Congress of Sociologists. Brisbane, Australia, Jul. 7–13, 2002]. Moscow, The Institution of Russian Academy of Science the Institute of Socio-political Research RAS Publ., pp. 207–211. (In Russian).

Temnitskiy A.L., Bessokirnaya G.P. (1998). *Kollektivisticheskie trudovye otnosheniya na chastnom promyshlennom predpriyatii* [Collectivistic labour relations at the private industrial enterprises]. *Sotsiologicheskiy zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1/2, pp. 201–208. (In Russian).

Received 01.02.2018

Об авторах

Германов Игорь Анатольевич

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: germanov1973@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2338-6693

Плотникова Елена Борисовна

кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: plotnikova1958@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3599-5215

Булгакова Дарья Александровна

магистрант направления «Социология»
философско-социологического факультета

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: dashushab@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1445-7848

About the authors

Igor A. Germanov

Ph.D. in Sociology, Docent,
Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: germanov1973@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2338-6693

Elena B. Plotnikova

Ph.D. in History, Docent,
Head of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: plotnikova1958@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3599-5215

Daria A. Bulgakova

Post-graduate Student of the «Sociology» Program,
Faculty of Philosophy and Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: dashushab@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1445-7848

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Германов И.А., Плотникова Е.Б., Булгакова Д.А. Структурный социальный капитал работников российских промышленных предприятий: опыт эмпирической оценки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 135–145. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-135-145

For citation:

Germanov I.A., Plotnikova E.B., Bulgakova D.A. Structural social capital of workers of Russian industrial enterprises: an empirical evaluation // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 135–145. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-135-145

УДК 316.346.32–053.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-146-157

ПРЕОДОЛЕВАЯ СТИГМУ? РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ «ТРУДНЫХ» ПОДРОСТКОВ И ГОРОДСКАЯ СРЕДА

Лисовская Ирина Викторовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

В статье рассматриваются проблемы ресоциализации подростков в трудной жизненной ситуации, которые обучаются в специальном учебно-воспитательном учреждении открытого типа. Для сбора эмпирического материала использовался метод полуструктурированного интервью с элементами биографического. Эмпирическую базу составляют 7 интервью с подростками и 3 с педагогами специального учебного заведения для «трудных» подростков с 13 до 18 лет. В качестве основного подхода используется биографический анализ с применением метода категоризаций — сквозь призму отдельных речевых кодов, категорий и смыслов, помещенных в особое социокультурное измерение (тесный контакт городской среды и среды специального учреждения). Рассматривается процесс коммуникации депривированного подростка с социумом. Опыт подростков индивидуализирован и представлен в форме жизненной истории. Данная стратегия наилучшим образом дает представление о жизненном пути и трудностях, с которыми столкнулись молодые люди. Были сконструированы отдельные категории-характеристики окружающих объектов. Задача автора — проанализировать, как изменяются повседневные практики коммуникации подростков в период обучения в учреждении и каким образом подростки включаются в социум. В статье на нескольких примерах проиллюстрировано, как протекает процесс ресоциализации «трудных» подростков в условиях города и специального учреждения, какие существуют основные барьеры и каково влияние стигмы.

Ключевые слова: специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа, подростки, трудная жизненная ситуация, анализ категоризаций, ресоциализация, стигма.

OVERCOMING THE STIGMA? RESOCIALIZATION OF TROUBLED ADOLESCENTS AND URBAN ENVIRONMENT

Irina V. Lisovskaya

National Research University «Higher School of Economic» in Saint Petersburg

The article deals with the problems of resocialization of adolescents in difficult life situations, who are studying in specialized open-type educational institutions. The method of semi-structured interview with biographical elements was used for collecting the empirical material. The research is based on 7 interviews with teenagers and 3 interviews with teachers. The article considers the process of communication between a troubled adolescent and socium. The experience of adolescents is individualized and presented in the form of a life story. Biographical analysis and the method of categorization are used as the main approach, the elements of analysis being speech codes, categories and meanings from narrative interviews placed in a special sociocultural dimension (close contact of the urban environment and the environment of the specialized institution). This strategy eminently represents the life path and difficulties faced by young people that helped them to form individual categories-characteristics of surrounding objects. The author's aim is to analyze how everyday practices of communication of adolescents change during the period of training in the institution. The author considered in the article how the process of resocialization of «difficult» adolescents in the conditions of a city and a special institution is proceeding, what are the main barriers and what is the impact of stigma.

Keywords: specialized open-type educational institution, adolescent, difficult life situation, categorization analysis, resocialization, stigma.

Специальные учебно-воспитательные учреждения открытого типа в России — это редкий феномен, переживающий волну сокращений, реорганизаций и изменений в статусе. Одна из задач — профилактика правонарушений и их рецидивов через инклюзивные практики коммуникации, а также создание условий для реабилитации «трудных», «девиантных», «криминальных» подростков, имеющих устойчивые склонности к правонарушениям¹. Подростки не закрыты от общества, они активно взаимодействуют с городской средой, несмотря на то, что зачастую направляются в специальное учебно-воспитательное учреждение открытого типа (СУВУ ОТ) по рекомендации органов по делам несовершеннолетних за отдельные виды правонарушений. Тем не менее, жизненный опыт подростка проблематизируется сразу «на входе» в учебное заведение — на вывеске значится «для подростков с девиантным поведением», а на отписке печати заведения указано — «...для обучающихся с девиантным (общественно опасным) поведением». Что происходит внутри учреждения, чем оно живет и как молодые люди приобретают новый социальный опыт, строят планы на будущее, участвуют в общественной жизни города и взаимодействуют с другими социальными группами — все это повседневность, которая скрыта за общим фоном стигмы. В статье автор стремится понять, как изменяются повседневные практики коммуникации подростков в период обучения в СУВУ открытого типа. Какие словесные конструкты и категории используют в разговоре о своей жизни воспитанники? Почему изменяются категории и значения, отождествляемые с определенными периодами и событиями? Каким образом происходит включение подростков в городскую среду? Одна из задач статьи — индивидуализация повседневного опыта и ком-

муникаций подростков, воспитывающихся в особых условиях — в тесной взаимосвязи двух совершенно новых² для большинства воспитанников социальных миров — городской среды и среды учреждения.

Период жизни, который подросток проживает в стенах специального учебного заведения, имеет множество этапов, трудностей, сопряженных с переживаниями и эмоциями. Специальное учреждение, выполняя посредническую функцию, открывает новые возможности и площадки для общения. Многие впервые познают город, чувствуют заботу и любовь, учатся общаться и взаимодействовать со сверстниками и взрослыми, получают новый позитивный социальный опыт. Практики повседневной коммуникации формируются в совершенно новой для подростка социальной среде, даже если подросток из «местных, городских». В академической литературе данный феномен «исправления» и ресоциализации рассматривается на примере различных социальных учреждений, а также с учетом и роли самого городского пространства. Возможности города, креативные индустрии, креативный класс и общества в нем [Florida R., 2002; Florida R., 2005] многочисленные публичные площадки, которыми, например, торговые центры [Желнина А.А., 2011] становятся коммуникативными площадками [Желнина А.А., 2012] и для «трудных» подростков в том числе, местами пересечения с «другой» молодежью. Учреждение имеет тесный контакт с городом, является медиатором в налаживании позитивных контактов с городом. Тем не менее, повседневность и практики внутри учреждения также играют значимую роль [Gaydarov K., 2013; Vaandering D., 2010]. Исследования, посвященные повседневности в «социальных цирках» [Spiegel J.B., 2016], организациях социальной профилактики среди маргинализованной молодежи посредством циркового искусства, подтверждают, что внутри цирка формируется сообщество, основанное на доверии к друг другу, творческом тандеме. Ресоциализация здесь понимается не как интеграция в общество, а как воссоздание своей самобытности, солидарности, формирование социальных навыков [Spiegel J.B., 2014]. Такой социальный эффект наблюдается не только в творческих сообществах. «Другой» образ жизни

¹ Данная терминология является общепринятой в официальных риториках (внутренних уставах, документации, гербовых печатях) к употреблению для определения групп подростков, склонных к правонарушениям или уже имеющих судимость. В данной статье по отношению к воспитанникам специального учебного заведения используется термин «подростки в трудной жизненной ситуации», которое объясняет «девиации» через жизненные трудности. Этот термин применим по отношению к воспитанникам СУВУ ОТ, поскольку большинство из них испытывали и переживали формы физического, психологического насилия, дефицит питания, являлись безнадзорными и беспризорными. Возраст воспитанников с 14 до 18 лет.

² Большинство подростков – воспитанников СУВУ ОТ являются приезжими из отдаленных поселений, поселков городского типа, небольших городов.

конструируется в целом через социальное включение в общественную деятельность и повседневные позитивные практики для экстремиста. Например, в сообществах поддержки бывших молодых правонарушителей самые успешные члены группы помогают достигнуть большего менее успешным товарищам. В данном случае воздействуют как сами социальные институты (например, институт социальной поддержки), так и социокультурный контекст окружающего пространства [Maguna S., 2001]. В зарубежной криминологии и социологии [Cullen F.T., 2007; Koehler J.A. et al., 2013] ученые наблюдают, что «мягкие» методы коррекции склонностей к правонарушениям в противовес тюремным заключениям или закрытым исправительным школам имеют больший эффект. Эффект «жестких» методов сохраняется только в рамках изолированного сообщества подростков, но при выходе в мир зачастую происходит рецидив: освоить правила социальной жизни, жизненные навыки возможно только в самом обществе, а не в изоляции от него. В исследованиях А. Астоянц [Астоянц М.С., 2003; Астоянц М.С., 2006] на примере «закрытого» интернатного учреждения для детей и подростков отмечается, что в условиях социальной эксклюзии формируется девиантная субкультура, свой собственный неписанный кодекс. Город с множеством публичных пространств создает условия для возникновения коммуникативных площадок и молодежных культур. Приобщение к формам молодежных социальностей (солидарностей, мейнстримных течений), к различным молодежным культурам в социокультурных условиях города [Омельченко Е.Л., Сабирова Г.А., 2017, с. 184] становится инструментом ресоциализации и реинтеграции подростков в трудной жизненной ситуации.

Формирование «новых» практик коммуникации — это латентный процесс, который скрыт за фоном реализации основной деятельности и миссии СУВУ ОТ (профилактика правонарушений). Трансформация социального опыта выражается в так называемых «языковых играх» воспитанников, их рефлексии и оценках тех или иных событий. Здесь уместно обратиться к философии Людвиг Витгенштейна, к анализу значений и конструктов, используемых в речи, в прямом соотношении с жизненным опытом человека [Витгенштейн Л., 1991]. Языковые игры в данном отношении — это резкая категоризация жизненного опыта и постепенная смена одних смыслов и значений на другие, связанная с накоплением новых умений и практик.

Границы языковых игр определяются границами социального опыта — каждый период жизни подростков в трудной жизненной ситуации наделяется множеством категорий, значений и смыслов, которые изменяются с переменой социальных сред, условий и качества жизни и, самое главное, круга общения. Понять данные процессы можно через призму микросоциологии лингвистики, обратив внимание не только на то, в какие периоды жизни были сформированы те или иные конструкты, но и на то, с какими социальными группами происходила коммуникация [Доценко Т.И. и др., 2010, с. 144]. В течение жизни, при изменении условий социальной среды происходит «обогащение» речи новыми значениями. Однако наша задача — это не выявить особенности формирования элементов и кодов в речи подростков, а проследить, как меняются значения этих лексем, какой социокультурный контекст стоит за этим процессом и можно ли говорить об успехе ресоциализации подростков в конкретном случае.

В рамках полевого этапа исследования было собрано 7 интервью с воспитанниками и 3 интервью с педагогами учреждения СУВУ ОТ в крупном городе с богатой инфраструктурой на Дальнем Востоке. Исследование проводится и в других учреждениях, однако для детального (индивидуализированного) анализа категоризаций в данной статье было решено остановить выбор только на одном кейсе — СУВУ ОТ (профессиональное училище), поскольку именно здесь можно выявить яркие особенности социокультурного контекста городской среды и коммуникации в ней. Важно отметить специфику полевой работы. Информанты являются гиперактивными подростками, которым свойственны дефицит внимания и трудности в формулировках мыслей и предложений. Во многом это связано с тем, что дети практически не учились в школе, испытывали дефицит питания, родительской любви, заботы. В отдельных случаях еще малышами подростки начинали девиантную карьеру с попрошайничества, мелкого воровства на улицах города. Все без исключения участники интервью немногословны, их речь сильно категоризована, в ней нецензурная брань, ругательства. Чтобы показать, с одной стороны, специфику и особенности речевых практик информантов, а с другой стороны, максимально индивидуализировать, раскрыть особенности повседневной жизни и коммуникации подростков, выбраны две самые яркие жизненные истории воспитанников одного из заведений, проанализированные биографическим методом и

анализом категоризаций. Интервью противопоставлены друг другу. У информантов разные жизненные ситуации: Виктор обучается на последнем курсе, а Ара — новичок в учебном заведении. Первый информант уже практически влился в новый социальный мир, второй — только начинает к нему адаптироваться.

От детдомовских «своих» до обезличенного «те люди»

Виктор — подросток 17 лет, родился в селе Приморского края, вырос в поселке городского типа. В 16 лет начал обучение в специальном учебно-воспитательном училище открытого типа. Подросток делит свою жизнь на три периода: детство, детский дом и училище. В нарративе Виктора о детстве фигурирует мать, с которой ребенок активно перемещался из одной деревни в другую до тех пор, пока не остановился будучи восьмилетним у бабушки в селе. В этот период мать исчезает из жизни Виктора, о причине информант не пожелал рассказывать. С 5 класса он живет в детском доме и на этом «детство» для него завершается. *«Да какой в детстве, вот — в детском доме!»*, — поправляет он интервьюера, вспоминая о начале «взрослой жизни». В детский дом информант «попал» и видит в этом свою вину: *«из-за того, что отчислили со школы... ха... (усмешка)»*. На этом этапе социальная реальность информанта конструируется вокруг детского дома, что приводит к жесткой категоризации на «своих» и «чужих». В поселке две школы, одна из которых школа-интернат. Виктор делится впечатлениями: *«Не, сложно не было. Ну че... раньше в школу ходили и наши... детдомовские, и домашние. Но потом запретили домашним ходить»*. Молодой человек интонацией выделяет: «домашние» и «детдомовские», очерчивая барьер между категориями. Детдомовские — это свои, а домашние (т.е. дети, живущие в обычных семьях) — чужие в школе-интернате настолько, что им даже запретили учиться вместе с детдомовскими ребятами. Таким образом, образуется ситуация социальной эксклюзии — детский дом отрезан от внешнего мира, контакты с «другими» сведены до минимума. С созданием искусственных барьеров между внешним миром и детским домом в школе перестало быть сложно, но стало скучно и нудно: *«Что о ней рассказывать?»*, *«Школа — это всегда нудно. 1 сентября только единственное что... и то, сидишь на уроках... Да никто не любит школу!»*.

«Домашние» становятся чужими не просто потому, что им запретили ходить в школу-интернат, они обладают ресурсами, которых нет у ребят из детского дома, — своего личного пространства, отдельной комнаты, вещей индивидуального пользования, родительской любви и заботы. В нарративе интервью с Виктором можно выделить категории «свой личный» и «казарма», противопоставленные друг другу. В казарме, общей комнате, жили детдомовские: *«Ну... да там много человек проживает. Могло до 20 человек доходить. Просто (смеется) такая казарма»*. Ностальгически он вспоминает «свой личный» двухэтажный дом с участком, где прошел непродолжительный период его детства. В настоящее время, уточняет информант, от дома осталась только земля. «Свое личное» — это ресурс, которым могут обладать только «домашние», поэтому они для Виктора «чужие». С конструированием детдомовского опыта происходит создание языковых игр вокруг детского дома и коммуникаций, с ним связанных.

Коммуникация в детском доме осуществляется только внутри социальной группы «своих, детдомовских», в довольно замкнутом пространстве, не затрагивая связи извне. Внутри однородной группы детдомовских выстраиваются сети коммуникации, где существуют ядро и периферия. Ядро — это центр общения, основной круг, состоящий из доверительных лиц и близких друзей. В ядре оказываются «разрядники» (дети, посещающие спортивную секцию). В сердцевине ядра «парниша», «нормальный парниша» — категория, характеризующая лучшего друга. Периферией становятся все остальные взаимодействия, протекающие вне ближнего круга. На периферии первого уровня — 60 знакомых ребят: *«Почему одного друга? Вот нас было 120 человек в детском доме! Из них ну человек 60 было наших... ну, моих друзей!»*. «Остальные», которые «не друзья», отодвинуты на самый дальний уровень: *«Остальная часть была ... (смеется) ... не друзей»*.

Разрядники — это круг близких товарищей, которые посещали секцию бокса в детском доме, получили спортивный разряд. Группа насчитывает 4 человека. Информант неоднозначно рефлексировал во время интервью: *«...единственное из этой компании, кто чего-то добился или где-то учится, — это Ваня Егорин»*. И здесь мы отмечаем границу социального опыта — в стенах учреждения молодой человек рассказывает о событиях, которые происходили более года назад в детском доме, соответственно с переменой социальной среды (переводом в специальное учебно-

воспитательное учебное заведение) в течение года происходит и переоценка ценностей, в том числе и отношения к старым друзьям. Изначально категория «разрядники» наделялась высокими смыслами, но впоследствии приобрела другое значение и другую категорию, что можно увидеть в нарративе о близких друзьях. *«А окружали меня чисто только те люди, которые сидят или спились, ну или...»* — это одна из самых эмоциональных цитат, характеризующая именно близких друзей, который становятся из близких обезличенными «теми людьми». Кто является «теми людьми» мы понимаем из рассказа о череде травматических событий.

Лучший друг Виктора, «парниша», — *«единственный человек такой, который помогал»* (из нарратива о детском доме). Описывая детдомовский период, информант ассоциирует лучшего друга с героем и наделяет его особенной способностью говорить и договариваться: *«...на язык подвезан больше, чем я»*. Именно этот навык помогал обходить разные конфликтные ситуации. На данный момент лучший друг сидит в тюрьме: *«Ну не знаю, за кражу по ходу. Я не знаю, я у него не узнавал... Общаемся до сих пор... потому что он единственный человек такой, который помогал»*. Коммуникация с другом на этом не прекращается, однако общение приобретает режим заочности. Лучший друг, согласно цитате, относится к категории «те люди, которые сидят».

Происходит в жизни информанта и другая ситуация, связанная с «трудным тогдашним поведением», как определяет свои проступки Виктор. *«В детском доме просто, когда я последний раз подрался, парнишка, которого я считал своим другом... написал заявление на меня. И мне написали со 111 по 116 статью. И все... и сказали мне либо ты сюда уезжай, либо ты... (смеется) от нас в спецшколу уезжаешь. Ну, вот пришлось сюда мне. Здесь закончил 9 класс... ну вот на втором курсе уже»*. Тот, кто написал заявление на Виктора, относился к «разрядникам» и входил в ближний круг общения. Это был не самый лучший друг, но доверительный, близкий человек. Данная категория наделялась высокими смыслами дружбы и доверия, это были не просто «детдомовские», а «свои», «мои», «наши». Однако происходит крах идеалов: один из членов группы попирает ценности дружбы. Как следствие этого события, Виктор конструирует образ антигероя в лице бывшего друга. Под влиянием разных травматических событий — предательства друга из «разрядников», заключения лучше-

го друга в тюрьму, направления самого информанта в специальное учреждение — происходит конструирование новых смыслов и ценностей: одной из установок становится «учиться и добиться», а серьезным страхом — попасть в тюрьму или изоляцию (спецшколу закрытого типа), опуститься на социальное дно. В настоящий момент героем Виктор видит того, кто «где-то учится и чего-то добился». С пересмотром жизненного опыта возникает категория «те люди». Разрядники, лучший друг, детдомовские, которые были «мои» и «наши», становятся обезличенными «теми людьми».

Между «спецпрофучилищем», «судаком» и «центром»: точки пересечения с городом

Первое столкновение с городом вызвало у Виктора восторг: *«Просто... впечатление было какое? Я в прошлом году приехал, первый раз в жизни вообще в этом городе. Ну и все хотелось посмотреть, все потрогать»*. Однако пережив первую волну восторга и эйфорию свободы, Виктор понимает, что новая социальная среда становится местом, где необходимо научиться жить. Во многом функцию обучения жизни в городской среде на себя берет училище. Связь с внешним миром выстраивается специальным учреждением посредством включения воспитанников в социальные взаимодействия за территорией. Благодаря развитой инфраструктуре крупного города, доступности многих социально значимых объектов становится возможным включение «трудных» подростков в практики городской жизни. На данный момент в сознании информанта уже закрепились представления о городе как доступном объекте. В свободе выхода в город не нужно убеждать каждый день — протяни руку и до города можно дотронуться: *«20 рублей заплатил да в любую часть города доехал!»*, *«Я могу хоть каждый день ездить... раза два в неделю точно езжу»*, и в заключение добавляет свою оценку: *«Просто не особо»*. С приобретением нового опыта категория «город» в понимании Виктора типизируется на множество объектов. Где-то получилось адаптироваться, а где-то по-прежнему сложно, например, «в центре». В понимании юноши, центр — это главная площадь и прилегающие районы. Центр находится далеко от училища, до него нетрудно добраться, но там слишком много «других», которые вызывают опасение и пренебрежение. Теперь для Виктора абсолютно чужими становятся не «домашние», а «нетрадициалы» — разные категории неформалов, кото-

рые, по мнению молодого человека, являются гомосексуалистами: «ну... нетрадициалов вообще уничтожить... я не знаю... Увижу — запиная, я их вообще почему-то недолюбиваю». Посещение центра сводится до минимума — 2 раза в неделю.

Другая категория города — «поселок». Поселок — это условное название отдаленного района города, где и расположено учреждение. Социальные связи выстраиваются ближе к училищу, где Виктор чувствует себя комфортно. Поселок — достаточно обширный район, который включает «судак», «вояк», «сороковуху» и свое училище. Вокруг этих объектов выстраиваются повседневные практики коммуникации информанта — теперь это для него ядро, а остальные взаимодействия происходят на периферии — в центре. «Судак» — это обозначение судостроительного техникума, который находится рядом с училищем. С «судаком» у воспитанников конкуренция за важный ресурс. Информант объясняет — «грызутся» не за территорию и уважение в районе, а за победу в футбольном матче. Виктор победно заявляет: «Мы судак порвали!..». С «судаком» связана и «синяя волна», практики потребления алкоголя первокурсниками со студентами техникума. Виктор в училище является неформальным лидером и всячески пытается контролировать и пресекать пьянство. «Нет, просто некоторые личности по “синей волне” начинают задираться, чувствуют себя особыми, могучими... А потом приходится всей компанией...». «Пьяный бред», — негативно добавляет информант. Сам Виктор настроен по отношению к пьянству категорически: «Я больше за здоровую нацию. Ближе к спорту, в смысле, чтобы... допустим, та же самая молодежь не ходила там... не бухала».

Другим объектом для коммуникации являются «вояки» — военные из воинских частей, с которыми также проходят футбольные матчи. Вояки для информанта ассоциируются с маскулинностью, силой и властью. Вояк победить в товарищеском матче достаточно сложно: «Но во... вояки... но они, они... Они нас порвали...», «Да-да... да они дяди такие чисто. Когда их там... ну по ногам им бьешь, не сломаешь же их!». Если «судак» — легкая добыча, с которой можно и «погрызться», то «вояки» вызывают неподдельное уважение. Еще одна площадка для взаимодействия и общения — «сороковуха», учреждение среднего профессионального образования с богатой спортивной инфраструктурой. В «сороковуху» Виктор ездит ради личных достижений: «Я занимался пауэр-лифтингом... в прошлом году ез-

дил на соревнования, но моей весовой категории не было. Но были краевые соревнования», «Потом воркаутом занимался. Недавно был на соревнованиях. Но они были неофициальные... Ну...».

В процессе обучения в училище и при взаимодействии с городом у молодого человека формируются совершенно новые стили общения и, соответственно, ценности, идеалы. Эти изменения проявляются в языковых играх, что отчетливо прослеживается в нарративе интервью — в соответствии с определенными периодами жизни меняются смыслы и значения отдельных категорий. Виктор меньше всего желает быть «темным человеком», не знать законов и попасть в места лишения свободы, поэтому большим желанием для него является поступить в юридический колледж и затем в «ГБР» — отряд полиции «группа быстрого реагирования»: «Ну че... юрист, потом че... после юриста хочу в полицию поступить. Скорее всего в группу быстрого реагирования, потому что че... ГБР (смеется)... нормальная... нормальная тема». ГБР — это, как и «вояки», символ маскулинности для юноши: с одной стороны, противопоставление себя «нетрадициалам» и, с другой, «темному человеку». Во время интервью парень рефлексировал: «Сейчас... щас... вот в детский дом приезжаю, мало с кем общаюсь», «единственное вот... одноклассники остались».

Опоздания, свояки и родной поселок

Аре 15 лет, обучается в специальном училище первый год (на момент записи интервью 4 месяца). Родился и вырос в поселке городского типа в Хабаровском крае.

Детство как период в понимании юноши завершилось в 7 классе: «С мамой я начал ссориться... когда... с 7 класса где-то, с конца 7 класса». В отношениях с матерью были постоянный конфликт и протест. Ссоры и осложнение взаимоотношений с близким человеком ознаменовали конец детского периода. Дома Ара появляется после 24 часов, весь день проводит на улице с друзьями. Категория «дом» связана у него с территорией, где постоянно происходят стычки и перепалки: «Насчет моих опозданий постоянно говорим», «не появляешься! Все! Все опоздание!». Сам себя молодой человек называет хулиганом, а родную сестру идентифицирует как умницу, отличницу, которую мама любит больше. По отношению к ней он, с одной стороны, проявляет заботу, но, с другой стороны, очень болезненно воспринимает сравнения от матери. Своего отца информант не

знает, он — «*Был. Ушел. Убежал*». Практики коммуникации с семьей основаны на протесте, который выражен в систематических опозданиях домой и бродяжничестве.

В самом начале интервью Ара поправляет интервьюера: «*Это не город*», проводя параллель между городом и поселком городского типа (ПГТ). ПГТ для информанта представлен тремя основными объектами: дворец спорта, стадион и «коробка» — площадки, на которых собирается молодежь. Основные практики — это игра в дворовый футбол, бродяжничество, потребление алкоголя, мелкое хулиганство. На секцию Ара ходил, но не задержался: «*пока не выгнали занимался*». Со школой у Ары не связано ничего хорошего, в основном потому, что его опять выгоняют: «*захожу — они мне сразу: “что ты тут делаешь? Вон дверь!”*». Конструируются негативные образы «взрослых», родителей и учителей. Взрослый человек, в представлении Ары, вмешивается в его дела, упрекает, ругает, постоянно выгоняет. Практики коммуникации и взаимоотношения информанта в период проживания в ПГТ выстраиваются исключительно в группах сверстников. Ара выделяет категории «поселковские», «мои», «близкие», отождествляя их с улицей и поселком городского типа. Те, кто из «своего» ПГТ, станут для него друзьями и в другом городе. Информант определяет отношение к ним так: «*ну... друзей много не бывает*». Друзья — это ограниченный и ценный ресурс, отношения с которыми выстроены исключительно на практиках своячества, доверительного братского отношения к людям со «своего» района или поселка. Тот, кто не «свояк», — автоматически «чужой». Такая биографическая карта — это описание прежнего опыта подростка, связанного с ПГТ, который противопоставлен городу.

Из «взрослого», который попрекает, во «взрослого», который выручает

После того как Ара продолжил обучение в специальном учебно-воспитательном заведении открытого типа, у него возникли сложности в поиске близкого круга общения. Срабатывают старые типизации на основе выстраивания социальных связей вокруг ПГТ: «*У меня здесь нет друзей. У меня здесь есть только знакомые. И вот только вот один, который с моей компании с моими здесь вот*». Другом для Ары становится свояк, тот, кого он знал ранее. С другом можно ездить в город, гулять и, самое главное, опаздывать. Опоздание для молодого человека — это как старая добрая традиция, которую можно практиковать

на новом месте только с доверительным лицом, с тем, кто «в теме». В зависимости от того, как в училище относятся к опозданиям, юноша конструирует коммуникацию внутри учреждения со «взрослыми». Сначала он проверяет — намеренно опаздывает, а затем понимает, что «тут» за это ругают, но это не настолько обидно и унижительно, как дома: «*Но все равно — они не так сильно попрекают!!!*». Так происходит еще одна смена смыслов и значений, приписываемых категории «взрослый». Учитель становится «палочкой-выручалочкой», который ругает, но помогает:

(из диалога)

Педагог: А на такси, скажи, дадут воспитатели обратно вернуться.

Информант: Да, кстати, деньги надо вернуть.

<...>

Информант: Да! Вообще палочки-выручалочки!

Образ учителя трансформируется, теперь учитель не выгоняет, не кричит. Большинство педагогов сливаются в единый образ нового «взрослого». «*Нет, Все равны*», — отмечает Ара, характеризуя свое отношение к сотрудникам училища. Однако особенно выделяет преподавателя по физкультуре: «*Самбыч*», «*тренер*», «*педагог*». Этот человек для него становится значимой фигурой: «*С ним поржать можно. Нормальный. Ну, он получше будет всех. Ну, на мой взгляд*». В первый раз в нарративе интервью юноша употребляет слово «педагог», наделяя его особыми качествами, тогда как до этого было обезличено общее «учителя». «Педагог» — это значимый «взрослый», который может не только учить и наставлять, но и понять молодого человека.

Образ училища у юноши составной. Он наделяет его разными смыслами, выделяя несколько категорий: «это мужское училище», «комната отдыха», «здесь». Категория «мужское училище» воспринимается как территория, куда девушки через дверь не заходят: «*Я устал их на третий этаж по канатам затягивать!!! Все больше не буду!*», «*Да это было пару раз. Больше не буду. Да это все в спальне, если увидят, это все, капец*». «Комната отдыха», потому что «*Кормят как на убой!*» и «*Музыку на всю включу, и тебе никто ничего не скажет! Ну, почти никто* <...> Скажет: “Бас-то сделай поменьше” и все, потому что там такие будки то стоят». Несмотря на снисходительное отношение к отдельным шалостям воспитанников, нельзя сказать, что в училище отсутствует контроль за поведением

подростков. Режимы контроля, заботы и воспитания настолько тесно пересекаются, что подросток понимает — это почти как дом, только здесь помогут, здесь не упрекнут, накормят, можно слушать любимую музыку, за опоздания ругают, но выслушать наставления можно.

Неизведанное городское пространство

Начиная обучение в училище, Ара понимает — это другой мир. Новая социальная среда — это крупный город, где много районов, много объектов, город доступен, городское пространство открыто для потребления. В город Ара ходит пешком, любимый район — это «Северный», любимое место — «хабаровский кинотеатр»: *«И в кинотеатре хабаровском, который в Северном. Там и сеансов много», «Да я туда не ради фильма ходил».* Он посещает его не ради фильма, а потому что Ара любит большие пространства, там, где много молодежи, где можно «потусоваться». Информант противопоставляет центральный киноцентр «Гигант» «хабаровскому кинотеатру». Чем больше помещение, чем больше в нем людей, тем лучше и увереннее себя чувствует молодой человек: *«Да ну в “Гиганте”... ловить нечего», «Мне не нравится. Но Кинотеатр “Хабаровск” намного больше “Гиганта”. Намно-о-ого».* Туда Ара ходит с другом-своём, реже — с «какой-нибудь компанией». «Какая-нибудь компания» — это флюидная категория, включающая и свояка, и местных с общаги, и еще «парочку» ребят, как выражается информант. Какой-нибудь компанией лучше всего ходить на хоккей, не официально, без билета: *«Вип-клиент», смеется Ара. «Идете на таран и все! Вам там говорят про билеты, а вы в толпе теряетесь!».*

Город для Ары — большая непознанная территория, которую он пробует на вкус: уже появились любимые места и точки соприкосновения с местными. В районе училища девчонок *«уже всех знаем!».* Ара потребляет город по максимуму, знакомится с каждой деталью. Единственное, что информанту не нравится в новом мире, — это вывеска на училище *«для особо опасных».* Для него это обидная стигма. Юноша не ассоциирует себя с девиантным, мелкие шалости для него — это не девиация: *«Особо опасные для общества. Ёпта, так вообще не понять», «Ну просто училище и без всего этого нафоса...».*

Таким образом, в данном примере мы можем выделить, что социум делится в сознании юноши теперь на «город» и «ПГТ». В городе много пространств, где можно быть включенным в повсе-

дневные практики молодежи, даже если и просто в качестве созерцателя. В «ПГТ» — это только пара площадок, где собираются свояки, из остальных мест юношу и его компанию выгоняют. В новой социальной среде, во-первых, меняется образ взрослого человека, что находит свое отображение в языке информанта и используемых им выражениях, эмоциональных оценках, а во-вторых, молодой человек пытается интегрироваться в общество. Он выжидает, наблюдает и на основании оценок своих действий взрослыми выстраивает новую систему практик, коммуникаций и представлений о социуме в целом.

Дискуссия

Разбирая детально два случая, мы наблюдаем совершенно разные судьбы. Один информант учится уже длительный период и в скором времени окончит училище, другой только вступил на этот путь. Анализируя языковые особенности, можно выделить несколько языковых игр. Каждая игра — это отдельный период жизни информанта. У Виктора их три — детство, детский дом, училище, соответственно каждый период у него имеет особые категории и оценки. У Виктора детство заканчивается с переходом в детский дом, поскольку для него оно ассоциируется со своим домом, мамой, бабушкой и режимом заботы. Для Ары детство как период заканчивается с ухудшением отношений с мамой. Дом для Ары как место, где любят и ждут, перестает существовать и трансформируется в место, где постоянно происходят ссоры. Общим для двух информантов является понимание поселка и города. Для Виктора поселок — это «свои, детдомовские», конфликты и разборки «на районе», за территорией детского дома — враждебный мир. У Ары подобная типизация, только выстроенная вокруг отношений своячества и площадок, где в основном собираются друзья. Остальной мир Ару не принимает, выгоняет, стигматизирует. Это бэкграунд, с которым подростки приходят в специальное учебно-воспитательное учреждение. В учебном заведении юноши попадают в совершенно новое социальное измерение, где они не изолированы от внешнего мира, но с социумом еще необходимо выстроить отношения. Новый мир — это две социальные среды: город со множеством объектов потребления и внутренняя среда учреждения. Изначально молодые люди активно «потребляют» город, потому что для них это неизведанное пространство. Новая среда — город и училище в совокупности — дает почувствовать себя включен-

ным в жизнь общества, преодолеть состояние эксклюзии. Активно выстраиваются новые социальные связи сначала вокруг училища, района, в котором оно находится, а затем и города в целом, что приводит к расширению социального опыта, круга общения. Этот процесс координирует специализированное учебное заведение, но по большей мере косвенно, посреднически налаживая мосты с отдельными объектами городской среды:

«Сейчас ничего нет бесплатного. Ничего. Если я буду вариться вот с ними вот здесь — не будет вообще ничего. Мне нужен выход туда. Мне нужно им показать (повышенный тон)! Пришли на спектакль — он вот в эту атмосферу окунулся. Не там, где бутылка, сигарета, пьяные маты и так далее, откуда он вышел, мне нужно показать ему другую жизнь, с одной стороны, а с другой стороны, нужно еще показать, найти людей и показать, что не всем все в этом мире безразлично. Тогда что-то может будет» (педагог, жен., 52 года).

«И приходится со всеми общаться, вот так вот взаимодействовать, таким образом, договариваемся, пожалуйста, физрук договаривается, чтобы они еще ходили и посещали каток, на коньках катались. Обязательно туда на каток. Т.е. мы стараемся интегрироваться в общество. Иначе без этого общества как?» (педагог, жен., 55 лет).

Успех ресоциализации подростка пусть только в отдельных случаях становится возможным, когда специальное учебное заведение играет роль посредника и медиатора, налаживая «выход» в социум, формируя тонкий контакт между депривированным и стигматизированным подростком и обществом. Так или иначе ресоциализация, как и любой другой социальный процесс, имеет свои точки роста и осечек. Успех очевиден, когда складывается благоприятная обстановка внутри заведения. Слаженная работа педагогического коллектива, проявление высокой мотивации в работе, а нередко и чистого альтруизма, тянет подростков вверх по принципу социального лифта. Со слов самих работников, самое эмоциональное и мотивирующее — видеть успех своей деятельности, пусть даже единичный, но как выражаются педагоги, «за этим одна человеческая жизнь».

«Поэтому и такое отношение... у нас очень терпеливый коллектив просто до безумия, потому что здесь другими быть просто невозможно. Вот поэтому... когда мы только страничку открыли (группу в социальной сети. — Прим. авт.) и... Антоша у нас с Приморья был, из под... (город

в Приморском крае), вот вы спросили о позитивных моментах, он нам написал вот такую смс-ку “Спасибо этому училищу за то, что перевернули мою жизнь к лучшему”. Ну, вот до сих пор слезы накатываются (смеется), вот когда вспоминаешь. Поэтому вот это вот позитивные. К сожалению, есть и отрицательные — это очень больно» (педагог, примерно 52).

Социальная среда города является «сундуком с двойным дном» для подростков. Выход в город может «вытянуть», а может сработать и в обратную сторону. Длительная работа с воспитанниками, налаживание тесного контакта между городской средой и средой учреждения, мониторинг за каждой судьбой после выпуска — это так называемые «точки роста». В данном случае сама городская среда обладает развитой социальной и рекреационной инфраструктурой, что значительно облегчает путь к успеху. Юноши интегрируются в городскую и молодежную культуры, присоединяются к популярным движениям (в основном ЗОЖистам, пауэрлифтерам и т.д.): сначала постепенно, затем вливаясь и полноправно участвуя в городской жизни, создавая свои небольшие сообщества, но критикуя более крупные городские образования, иногда даже считая «свои» сообщества антиподом более крупных аналогов:

«Волонтеры? Да-да. Они такие так, что, допустим, идут... с плакатами там, вот там 9 мая там!!! лясим-трясим... потом просто, заканчивается этот парад... просто, буквально через пару минут заходишь за любой дом — эти плакаты валяются» (Виктор, 2-й курс, 17 лет).

Сложности ресоциализации определяются характером стигмы. Статус «девиантный» зачастую не позволяет воспитанникам подняться на уровень выше, даже если они сами к этому стремятся. Во время интервью с юношей, который возглавляет волонтерский кружок внутри заведения, был задан вопрос о сложностях выхода кружка на более широкий уровень:

«Ну, наверное, потому что на табличке написано “с девиантным поведением”. Да, как бы... ну, потому что зачастую у всех с девиантным поведением — все думают: “Ну, наверное, какой-то...” или что-то такое» (Алексей, 17 лет, 1 курс).

Другой барьер — жизненные трудности, которые очень тяжело поддаются реабилитации, поэтому стремление помочь «поверить в лучшее», «поверить взрослому», «поверить обществу» очень часто терпит неудачу. В одном из 7 интервью с воспитанниками подросток попросил закончить

интервью, мотивировав это тем, что интервьюер из «другого» мира. Однако и с такими подростками педагоги находят общий язык. Хорошо действуют примеры личных достижений других воспитанников. В целом становление единого коллектива подростков и сотрудников помогает наиболее дезадаптированным членам группы интегрироваться в социум — это сформированные системы поддержки. Внутри заведения отлажена четкая структура внутреннего самоуправления самими воспитанниками при отсутствии строгого режима. Существует мягкий контроль — на управляющие позиции старост и командиров направляются ребята с одобрения администрации и абсолютного согласия всех членов коллектива воспитанников:

«Не знаю, меня выбрали, потому что уважают — это в первую очередь. Ну а во вторую очередь — это то, что ко мне подойти всегда можно и я могу все обрисовать. Ну или заступиться там за кого-то по мере возможности <...> Просто... не получается это... (постоянно ходить на уроки, прим. автора). Последние дни короче прогуливал, немного так... два дня. И за мной машина (для сопровождения в училище, примеч. авт.) короче (смеется) приехала» (Валентин, 17 лет, 1 курс).

Данная практика способствует выбору лидера, который не только *может управлять*, но и стремится бороться с внутренней аномией. Разумеется, на каждом этапе ресоциализации возникают трудности. Это длительный процесс, который включает в себя взаимодействие не только социальных институтов (учебного заведения, служб социальной поддержки, полиции и подведомственных организаций, культурных образований), — агентами трансформаций становятся социокультурные особенности городской среды. Возможности города, внутренняя районная сегрегация, удаленность специального учреждения, количество публичных и коммуникативных площадок, молодежных культур в них (скейтеров, ЗОЖистов, неформалов и т.д.) обуславливают социальное включение в общественную жизнь через принятие одних и отрицание других культур, противопоставление себя каким-либо молодежным течениям. Внутри учреждения появляются некоторые черты «своей» внутренней маскулинной самобытности «нормальных парней» (со слов самих информантов), которые и мастера на все руки, и волонтеры, и спортсмены, и организаторы праздников. Однако в условиях открытой стигматизации, где даже сама вывеска училища транслирует опасность, весь процесс протекает довольно медленно: год на адаптацию, год на запуск

процесса интеграции в социум, и за этим следует выпуск. Вместе с тем можно констатировать и то, что в данном случае стигматизация если и присутствует, но выражена не так явно, большинство сверстников воспитанников не слышали про такое учреждение. Большой город размывает социальные барьеры. Специальное учреждение может быть социальным лифтом, который дает возможность проявить свою индивидуальность и занять свое место в обществе. Необходимо проводить исследования и других подобных учреждений для «девиантных», чтобы ответить на масштабные вопросы: каким образом происходит ресоциализация «трудных» подростков в условиях разных социокультурных городских контекстов и типов «открытых» учреждений? какие социокультурные особенности города и самого учреждения дают возможность для развития позитивного сценария ресоциализации, становления самобытных форм социальности среди подростков в трудной жизненной ситуации?

Список литературы

- Астоянц М.С.* Дети-сироты: анализ жизненных практик в условиях интернатного учреждения. Опыт включенного наблюдения // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 54–63.
- Астоянц М.С.* Социокультурная детерминация личностных характеристик несовершеннолетних в условиях депривации: автореф. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2003. 24 с.
- Витгенштейн Л.* О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67–112.
- Доценко Т.И., Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И.* Пермская школа социолингвистики: теоретические и методологические основания // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2(8). С. 144–155.
- Желнина А.А.* «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2011. № 2. С. 48–69.
- Желнина А.А.* Творчество «для своих»: социальное исключение и креативные пространства Санкт-Петербурга // Креативные индустрии в городе: вызовы, проекты и решения: сб. науч. ст. студентов и преподавателей НИУ ВШЭ. СПб.: Левша, 2012. С. 42–57.
- Омельченко Е.Л., Сабирова Г.А.* К вопросу о молодежных культурах в современной России // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. М.: НИУ ВШЭ, 2017. Кн. 4. С. 183–191.
- Cullen F.T.* Make Rehabilitation Corrections' Guiding Paradigm // Criminology & Public Policy. 2007.

Vol. 6, iss. 4. P. 717–727. DOI: 10.1111/j.1745-9133.2007.00469.x.

Florida R. *Cities and the Creative Class*. N.Y.: Routledge, 2005. 198 p.

Florida R. *The Rise of the Creative Class: And How it's transforming work, leisure, community and everyday life*. N.Y.: Perseus Book Group, 2002. 464 p.

Gaydarov K. Students Deviant Behavior as a Psychological Problem of Inclusive Education // HASSACC-Human And Social Sciences at the Common Conference. 2013. Vol. 1, iss. 1. P. 119–124.

Koehler J.A. et al. A systematic review and meta-analysis on the effects of young offender treatment programs in Europe // *Journal of Experimental Criminology*. 2013. Vol. 9, iss. 1. P. 19–43.

Maruna S. *Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives*. Washington DC: American Psychological Association Books, 2001. 211 p.

Spiegel J.B. Social Circus: The Cultural Politics of Embodying «Social Transformation» // *The Drama Review*. 2016. Vol. 60, iss. 4. P. 50–67.

Spiegel J.B. Social circus as an art for social change: promoting social inclusion, social engagement and cultural democracy // *Studying Social Circus: Openings & Perspectives*. Tampere, 2014. P. 70–75.

Vaandering D. The significance of critical theory for restorative justice in education // *The Review of Education, Pedagogy, and Cultural Studies*. 2010. Vol. 32, iss. 2. P. 145–176.

Получено 23.11.2017

References

Astoyanc M.S. (2006). *Deti-sirotы: analiz zhiznennykh praktik v usloviyakh internatnogo uchrezhdeniya. Opyt vkluchonnoy nabludeniya* [Orphans: An Analysis of Life Practices in a Residential Institution. Experience of Participant Observation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3, pp. 54–53. (In Russian).

Astoyanc M.S. (2003). *Sotsiokul'turnaya determinatsiya lichnostnykh kharakteristik nesovershennoletnykh v usloviyakh deprivatsii: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk* [Sociocultural determination of personal characteristics of minors in conditions of deprivation: abstract of Ph.D. dissertation]. Rostov on Don, 24 p. (In Russian).

Cullen F.T. (2007). Make Rehabilitation Corrections' Guding Paradigm. *Criminology & Public Policy*. Vol. 6, iss. 4, pp. 717–727. DOI: 10.1111/j.1745-9133.2007.00469.x. (In English).

Dotsenko T.I., Erofeeva E.V., Erofeeva T.I. (2010). *Permskaya shkola sotsiolingvistiki: teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya* [Perm School of Sociolinguistics: theoretical and methodological grounds]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. Iss. 2(8), pp. 144–155. (In Russian).

Florida R. (2005). *Cities and the Creative Class*. New York, Routledge, 198 p. (In English).

Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class: And How it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York, Perseus Book Group, 464 p. (In English).

Gaydarov K. (2013). Students Deviant Behavior as a Psychological Problem of Inclusive Education. *HASSACC-Human And Social Sciences at the Common Conference*. Vol. 1, iss. 1, pp. 119–124. (In English).

Koehler J.A. et al. (2013). A systematic review and meta-analysis on the effects of young offender treatment programs in Europe. *Journal of Experimental Criminology*. Vol. 9, iss. 1, pp. 19–43. (In English).

Maruna S. (2001). *Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives*. Washington DC, American Psychological Association Books, 211 p. (In English).

Omelchenko E.L., Sabirova G.A. (2017). *K voprosu o molodezhnikh kulturah v sovremennoy Rossii* [To the Issue of Youth Cultures in Modern Russia]. *XVII aprelyskaya mezhdunarodnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva* [XVII April International Conference on the Development of Economy and Society]. Moscow, HSE Publ., book 4, pp. 183–191. (In Russian).

Spiegel J.B. (2016). Social Circus: The Cultural Politics of Embodying «Social Transformation». *The Drama Review*. Vol. 60, iss. 4, pp. 50–67. (In English).

Spiegel J.B. 2014. Social circus as an art for social change: promoting social inclusion, social engagement and cultural democracy. *Studying Social Circus: Openings & Perspectives*. Tampere, pp. 70–75. (In English).

Vaandering D. (2010). The significance of critical theory for restorative justice in education. *The Review of Education, Pedagogy, and Cultural Studies*. Vol. 32, iss. 2, pp. 145–176. (In English).

Wittgenstein L. (1991). *O dostovernosti* [About Reliability]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. No. 2, pp. 67–112. (In Russian).

Zheltnina A.A. (2011). «Zdes' kak muzey»: *torgovyy tsentr kak obshchestvennoye prostranstvo* [«Here as a museum»: a shopping center as a public space]. *Laboratorium. Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium. Journal of Social Research]. No. 2, pp. 48–69. (In Russian).

Zheltnina A.A. (2012). *Tvorchestvo «dlya svoikh»: sotsial'noye isklyucheniye i kreativnyye prostranstva Sankt-Peterburga* [Creativity «for their own»: social exclusion and creative spaces of St. Petersburg]. *Kreativnyye industrii v gorode: vyzovy, proyekty i resheniya* [Creative industries in the city: challenges, projects and solutions]. St. Petersburg, Levsha Publ., pp. 42–57. (In Russian).

Received 23.11.2017

Об авторе

Лисовская Ирина Викторовна
аспирант департамента социальных
и гуманитарных наук

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге,
190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16;
e-mail: ilisovskaya@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6495-1970

About the author

Irina V. Lisovskaya
Ph.D. Student of the Department of Social
and Human Sciences

National Research University «Higher School
of Economic» in Saint Petersburg,
16, Soyuza Pechatnikov str., Saint Petersburg,
190008, Russia;
e-mail: ilisovskaya@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6495-1970

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лисовская И.В. Преодолевая стигму? Ресоциализация «трудных» подростков и городская среда // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 146–157.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-146-157

For citation:

Lisovskaya I.V. Overcoming the stigma? Resocialization of troubled adolescents and urban environment // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 146–157. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-146-157

УДК 316.477:616-051

DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-158-167

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЫХ СЕЛЬСКИХ ВРАЧЕЙ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Галкин Константин Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге

Современные исследования карьерных стратегий все чаще рассматривают карьерную траекторию в контексте индивидуальных особенностей профессионального выбора и профессиональных практик. Одна из особенностей профессии врача — наличие экспертных знаний, «особого» профессионализма. Другие аспекты профессии врача связаны с контекстом помощи и особенностями медицинской деятельности. Врачи ввиду особой роли и профессиональной ответственности должны помогать и приходить на помощь. Молодые врачи представляют собой особую группу, которая находится на стадии построения своих карьерных траекторий и сталкивается с различными проблемами и вызовами рынка медицинских услуг на селе. Проведенный нами анализ позволяет сфокусироваться на проблематике положения молодых врачей — сельских резидентов в селе, а также проанализировать индивидуальные карьерные установки и траектории. Целью данного исследования является изучение того, как молодые сельские врачи в нарративах конструировали свои карьерные траектории. Эмпирической базой статьи выступают биографические интервью ($n = 40$) с молодыми врачами, проведенные в двух агломерациях Ленинградской области (Лужский и Подпорожский районы). Таким образом, результаты данного исследования уточняют и расширяют вопросы выбора карьерной стратегии молодых врачей в сельской местности и могут служить основой для дальнейших исследований, например, взаимовлияния локальной и профессиональной идентичности, особенностей, условий развития и способов построения индивидуальной карьерной стратегии сельских резидентов.

Ключевые слова: карьерные стратегии молодых врачей сельских резидентов, выбор карьерной стратегии профессионала на селе.

CAREER STRATEGIES OF YOUNG RURAL DOCTORS OF THE LENINGRAD REGION: A NARRATIVE ANALYSIS

Konstantin A. Galkin

National Research University «Higher School of Economic» in Saint Petersburg

Population health is one of the most significant human resources which largely determine the progress in the competition, productivity and agricultural economic activity. It has a huge social and economic growth effect in general. It also plays a huge role in village areas which come second in terms of importance after all cities and towns. Over the last decade, there has been a growing research interest in career strategies in medicine among young medical professionals. However, there is little empirical research on young rural doctors' career strategies in Russia. This study is in line with medical professions studies and rural studies. Young physicians have different career orientations towards learning and practicing medicine. Some of them need more support for their professional development. The study employs the biographical interview method, which allows us to consider the formation of career strategies of young doctors from various conceptual perspectives, such as everyday practices, interactions in work environment, and communication with rural community. The main analytical method was a thematic analysis of young doctors' narrative stories. Based on those interviews, the article aims to find answers to the following questions: «How to preserve professionalism while working in rural areas?» and «How to devise a career strategy when you enter a rural community?» The empirical base of the study are 40 interviews with young rural doctors from the Leningrad region. When analysing the narrative interviews, two main strategies in forming a young doctor's career have been found: rural career (focused on life and work in the countryside) and

moving strategy (focused on moving from rural to urban areas). Each career type has its own way of positioning oneself as a doctor in a rural community. The received data allows for investigating the career strategies of young doctors based on the thematic analysis of narrative interviews and it can be used to improve the process of young doctors' integration into working in villages. Our analysis takes account of the strategies young rural doctors use to make a career, their feeling of belonging or non-belonging to the rural community, and different views on rurality. The topics of discussion deal with career choice, working experiences and career opportunities. The study contributes to rural professions studies and medical studies.

Keywords: young rural doctors, careers of young rural doctors, professional identity of young rural doctors, careers of rural professionals, career strategies of Russian rural doctors.

Введение

Современные исследования сельской социологии проблематизируют село как гетерогенное пространство. Важной составляющей любого сельского района по-прежнему выступает сельская община (локальное сообщество). На основании традиционных практик внутри подобной общины складываются особенные взаимоотношения между сельскими резидентами [Кодин И.Н., 2014, с. 48].

Карьерные стратегии современных сельских жителей могут характеризоваться как включенностью в сельскую жизнь и желанием остаться и работать в сельской местности, так и ориентацией на переезд в город и на продолжение работы там [Rye J.F., 2006]. Работа в сельской местности определена особыми практиками взаимодействия и коммуникации с сельскими резидентами. Как отмечает М. Меллоу, специалист социологической профессии в селе сталкивается с трудностями при построении своей карьерной траектории. С одной стороны, молодому врачу в сельской местности необходимо проявлять свой профессионализм и особенный социальный статус профессии, а с другой стороны, врач, работающий в сельской местности, не может быть оторван от сельского сообщества [Mellow M., 2005]. Ведь сам контекст работы на селе так или иначе предполагает взаимодействие и достаточно близкие контакты с представителями сельской общины [Farmer J. et al., 2012; Нефедова Т.Г., 2013].

Молодые врачи, которые еще не до конца сформировали свою карьерную стратегию [Monrouxe L.V., 2010], сталкиваются с различными проблемами построения своего карьерного пути, работая в сельской местности. С одной стороны, «помогающий» контекст медицинской профессии и стремление помочь своим пациентам влияют на максимальное включение в сельскую жизнь и построение карьерной стратегии, исходя из желания работать на селе; с другой стороны, медицинская деятельность в контексте села обусловлена изолированностью от других профессий

ввиду необходимости этически нейтрального отношения к пациентам [Kim Y.M. et al., 2002]. Исходя из этого профессиональная социализация молодого специалиста, как и построение индивидуальной карьерной траектории молодого врача в сельской местности, целиком и полностью зависят от коммуникации, общения и взаимодействий с сельским сообществом [Han G.S., Humphreys J.S., 2005; Sureshkumar P. et al., 2017]. Молодежь в селе часто идентифицирует себя внутри конкретного сообщества, которое является определенным «родным» местом для сельского резидента, или, наоборот, формирует свою карьерную стратегию исходя из желания уехать [Leyshon M., 2008].

В классических исследованиях карьерных стратегий существуют две позиции в определении концепта «карьера». Одни ученые рассматривают карьеру как постоянное продвижение вверх, таким образом, карьера приобретает четкие структурные рамки [Evetts J., 1992, p. 4; Маршалл Т.Х., 2010]. Другие (интеракционистская перспектива) определяют профессиональный путь как набор определенных смыслов и логик, важных для самих работников. При этом понятие «карьера» не всегда предполагает развитие и перспективу, исходя из данного подхода [Evetts J., 2011]. Карьерная траектория с точки зрения интеракционистской перспективы — это «история жизни» индивида, самого работника, которая может быть определена как взлетами вверх по карьерной лестнице, так и резкими неудачами или, наоборот, выбором места работы исходя из гедонистической мотивации самого работника. В рамках нашего исследования мы рассматриваем «карьеру» как индивидуальную траекторию информанта, вписанную в контексты его/ее биографической истории.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что изучение медицинской профессии в контексте процесса построения индивидуальных карьерных траекторий сельских врачей имеет определенный исследовательский интерес. На сегодня в

известных литературных источниках и ранее проведенных исследованиях имеет место недостаточное фактическое освещение процессов построения индивидуальной карьерной траектории сельских врачей [Farmer J. et al., 2015; Вяткина Н.Ю., Вахромеева А.Ю., 2012].

В большинстве работ анализ взаимодействия и интеграции профессионалов в сельские сообщества представлен с точки зрения специалистов, которые уже давно работают на селе. Мы же предлагаем иной подход, анализируя опыт построения карьерной траектории молодых специалистов, которые находятся в стадии интеграции в профессиональную деятельность, а также в стадии интеграции и включения в местные сельские сообщества.

1. Методология исследования

Исследование проводилось в двух районах Ленинградской области, удаленность которых от крупного города составляет более 100 км. Это объясняется спецификой занятости в поселках и ПГТ, близких к крупному городу, — большинство резидентов работают именно в городе и приезжают домой только после работы.

Исходя из этих критериев, выбор локаций исследования был сделан в пользу Лужского и Подпорожского районов Ленинградской области. Выборка исследования составила 40 молодых врачей (n = 40), живущих и работающих в селах и ПГТ Ленинградской области в течение 3 и более лет. Все информанты — врачи с высшим образованием. Возраст респондентов — от 24 до 35 лет, что обусловлено спецификой и продолжительностью медицинского образования.

Биографические интервью с молодыми врачами проводились согласно гайда, однако включали множество дополняющих и поясняющих вопросов. Интервью напоминали прямую беседу с информантом об опыте его работы в сельских районах, а также опыте построения своей индивидуальной карьерной траектории на селе. Особое внимание во время интервью уделялось различным карьерным траекториям молодых врачей в контексте сельского сообщества. Одной из важнейших исследовательских задач было изучение уникального опыта построения индивидуальной карьерной траектории сельских молодых врачей. На основании анализа нарративов интервью нами были выделены два типа карьерных стратегий молодых сельских врачей: включенная (сельская) карьерная стратегия и стратегия переезда. В каждом типе карьерных стратегий мы выделяем раз-

личные пути построения индивидуальной карьеры, характерные для соответствующей карьерной стратегии.

2. Включенная (сельская) карьерная стратегия

Выбор данной стратегии молодыми врачами позиционировался исходя из определения своей профессиональной идентификации в контексте их жизни и работы в селе в будущем. Значительная роль сельского сообщества и привязанность к сельскому сообществу в данном случае определяют желание индивида остаться и работать в селе. Важным элементом выбора сельской стратегии остается желание помогать своим односельчанам, и позиционирование медицинской профессии как профессии, включающей именно аспекты различной помощи и способность врача помогать в трудную минуту, рассматривались ключевыми компонентами в контексте выбора подобной карьерной стратегии. При этом контекст *помощи* определен особыми профессиональными практиками. Молодые врачи, представители сельской стратегии, позиционировали роль врача также исходя из *охранительной функции*, в контексте защиты сельского, пространства, которое в нарративах определялось как «родное»: *«Планы на будущее... Знаете, скажу, наверное, что не хочу никуда уезжать. Может быть, это и странно для молодого парня, который живет в селе, — не думать и не мечтать, чтобы перебраться в город или занять какой-нибудь пост в больнице, но я здесь вырос и знаю, похоже, здесь каждого человека, можно сказать, уже прирос корнями».*

«Не хочу уезжать отсюда — здесь и друзья, и родители, и быт уже во многом налажен, поэтому хочу работать здесь, у себя в больнице». Для молодых врачей, которые выбрали сельские карьерные стратегии, было важно продолжать работать дальше по специальности, а также продолжать обучение и совершенствоваться в профессии. Однако немаловажным компонентом сельской стратегии выступает желание вернуться и снова работать, в сельской местности: *«После обучения я, наверное, вернусь сюда снова, чтобы и дальше продолжать работать здесь, потому что все равно я привыкла к Луге, здесь все проще и легче, на мой взгляд, в отличие от Питера».*

Другой аспект логики сельской стратегии был определен в нарративах, желанием продолжать работать в сельской местности, исходя из доступности продуктов питания, а также возможности построить свое жилье по проекту «Земский доктор», в рамках данного проекта такая возмож-

ность предоставляется: *«Я здесь останусь, в Подпорожье, просто потому, что цены здесь совсем другие. Если нужно, можно в выходной сесть на машину и поехать по фермерским хозяйствам — и молока купить, и одежду на рынках...»*. Вторая группа молодых врачей, представители сельской карьерной стратегии, конструирует в нарративах свою индивидуальную карьерную траекторию как результат личных достижений и активных действий. Однако не только талант и личная активность, но и «значимые другие» влияют на построение данной карьерной траектории: *«Я родилась здесь в Луге, здесь закончила школу, но после окончания школы поехала, естественно, учиться в Питер, потом, когда на 5-м курсе надо было выбирать уже куда поехать работать, так сложилось, что выбрала свой родной город, всегда старалась добиваться продвижения по карьерной лестнице сама, хотя без помощи тоже не обходилось, например, здесь в больнице наш главврач, мой знакомый, вот он мне очень помог, можно сказать и устроил меня на работу»*. При этом врачебная профессия на селе может быть определена с точки зрения традиционно существующего в сельской местности «особого» отношения к помогающей профессии, что определяет карьеру врача как достаточно перспективную. Для информантов, реализующих данный путь профессионального определения, характерно долгосрочное пребывание в одном поселке или одной деревне и развитие своей карьерной траектории «на перспективу». Однако у большинства молодых врачей — представителей сельской карьерной стратегии преобладает желание «жить здесь и сейчас».

Карьерный путь «работать в селе, потому что нет другого выбора»

Данная траектория становится распространенной для молодых врачей, нашедших работу, которая их устраивает по основным представлениям о хорошей работе: *«Пока здесь меня все устраивает и скажу, что да, действительно, здесь есть хорошая возможность для реализации каких-то своих планов на будущее. По крайней мере, работая здесь в селе, отчетливо понимаешь, что ты часть этого сельского сообщества, и здесь действительно ты вместе со всеми, да и условия работы тоже для меня достаточно привлекательны»*.

Карьерный путь «работать в селе, потому что нет другого выбора», также может быть и альтернативой возможностью реализовать свой карьерный рост в будущем: *«Пока не найду хорошего*

места для продолжения учебы где-то в другой стране, не буду ничего менять, буду работать здесь, в принципе, я так подумала, здесь не плохие условия, даже лучше, чем в городских клиниках».

При этом, как правило, образ будущей карьеры для информантов — представителей карьерной траектории «работать в селе, потому что нет другого выбора», довольно размыт либо определен отдаленными перспективами. В нарративах данный карьерный путь конструируется исходя из следующих речевых конструкций: «пока я всем доволен», «нет смысла менять работу сейчас», «врач на селе может неплохо зарабатывать», «не нужно никуда ехать, можно работать дома»: *«Нет, просто понимаете, где я еще смогу работать, в принципе, в городе тоже не вижу никаких перспектив, а здесь пусть и клиника небольшая, зато все друг друга знают и достаточно дружный и сплоченный коллектив»*.

Для информантов, реализующих подобный путь, особенно характерно определение своей карьеры и карьерного пути исходя из «временности» и ожидания перспектив в будущем. Одной из логик при поиске работы, а также при формировании своей карьерной траектории молодыми врачами — представителями данного пути является желание спокойной и размеренной жизни, в которой отсутствуют резкие взлеты вверх и вниз по карьерной лестнице: *«Просто хочу жить и радоваться жизни, хочу быть полезной как специалист здесь, у себя в районе, и мне кажется, что все это при желании возможно, если хорошо постараться, а уж если появится шанс в будущем как-то развиваться, то тогда и будем думать»*.

Кроме того, для многих молодых врачей — представителей данного карьерного пути содержание самой работы, да и сама работа, карьерный рост не являются основным жизненным приоритетом, а основными жизненными приоритетами, например, выступают семья и дети. Для многих информантов подобный путь оказался довольно успешным, так как он соответствует как условиям рынка услуг сельской медицины, построенном на сильных связях и реципрокности, так и позволяет врачу — молодому специалисту реализоваться в других сферах жизни, не связанных с медициной. Представители карьерного пути «работать в селе, потому что нет другого выбора», чаще всего в нарративах интервью отмечали свою карьерную стратегию как стратегию включения. И большинство информантов, которые выбрали данную карьерную траекторию, определяли дальнейшее

развитие своей карьеры как жизнь в селе и продолжение работы по специальности.

«Построение врачебной карьеры на селе»

Для данного пути характерно традиционное перемещение по карьерной лестнице: работа либо в рамках одного села, либо переезд в другие села, где больше возможностей для реализации индивидуальной карьеры: *«после окончания интернатуры начинала работать как все, то есть сначала санитаркой в амбулатории, потом проработала на скорой в Луге на вызовах, а потом уже перешла на работу фельдшером и сейчас вот узнала от знакомой, что освободилось место в сельской больнице, я перешла работать туда и работаю сейчас кардиологом».*

Подобный путь в условиях дефицитного рынка труда на селе может быть сильно ограниченным, однако вакансии для врачей в сельских районах появляются с достаточной периодичностью; кроме того, доступна программа «Земский доктор», по которой можно уехать работать в село. При этом, сравнивая карьерные стратегии городских врачей, следует отметить, что в сельской местности путь на построение карьеры в рамках одного поселка или одной клиники оказался довольно распространенным. С одной стороны, выбор подобного пути обусловлен существующей традиционностью, которая принята в сельских семьях и которая транслируется на карьерный путь и карьерные ожидания врачей, а с другой стороны, культурными факторами, а именно ценностью стабильности и традиционными представлениями о карьере в одной клинике или в одном поселке. Кроме того, работа по программе «Земский доктор», а по данной программе необходимо отработать в селе несколько лет, дает молодым врачам ряд преимуществ, например, покупка жилья или возможность получать хорошую заработную плату: *«где еще возможно работать и хорошо зарабатывать? В городе, если сказать прямо, это практически невозможно, а в селе для этого есть все условия, например, здесь, в селе, ты можешь прекрасно работать по программе, например, по той же программе “Земский доктор”, и неплохо зарабатывать, а также есть возможность, например, получить хорошее оборудование по той же программе “Земский доктор”».*

«Я давно для себя решила оставаться и продолжать здесь работать, продолжать продвигаться вверх по карьерной лестнице, а иначе никак, просто здесь хотя бы есть нормальные условия труда и есть возможности для дальней-

шего развития, а там в городе практически нет таких условий и очень много трудностей всегда возникает».

3. Стратегии переезда

Молодых врачей, которые выбрали стратегию дистанционности (стратегию переезда), следует разделить на две группы:

Первая группа — молодые врачи, которые собираются переезжать в город (Санкт-Петербург), и молодые врачи, которые собираются переезжать за границу или в другой крупный город федерального значения (в Москву или другие крупные города). Выбор локального переезда в Санкт-Петербург определялся в нарративах прежде всего исходя из желания построить карьеру в городе, а также переехать поближе к друзьям (большинство информантов исследования закончили вуз в Санкт-Петербурге). Также выбор переезда в Санкт-Петербург у молодых сельских врачей был обусловлен более высокой зарплатой и возможностью карьерных перспектив:

«В Питере, конечно, проще в том плане, что можно пойти работать, найти работу с более высокой зарплатой, и конечно, в Питере легче в плане трудоустройства, потом больше вакансий».

«Я хочу переехать в Питер просто потому, что там училась и там работала, поэтому хочу там и дальше продолжать работать, да и друзья тоже как-то все в Питере живут».

Вторая группа специалистов, которые выбрали в качестве своего будущего развития стратегию переезда, хотели перебраться в другой город федерального значения или в другую страну, прежде всего для обучения и получения новых знаний и навыков, а также для того, чтобы продолжать работу или заниматься научной карьерой: «Я хочу уехать в Москву, чтобы работать там, в институте Сеченова. Читал про их исследования и методы, меня они очень привлекают, прогрессивные методы».

«Наверное, поеду потом учиться в Германию, хочу получить хорошее медицинское образование европейского уровня, потому что российское образование, в принципе, мало где котируется за рубежом, поэтому для дальнейшей работы там и необходимо хорошее образование».

Для обоих мотивов переезда (как в Санкт-Петербург, так и за рубеж) характерным являлось желание получить новые знания для возможного построения карьеры за рубежом или в другом городе федерального значения, где достаточно мно-

го карьерных перспектив. Также молодые врачи, которые выбирали стратегию переезда, определяли в биографических интервью село как депрессивное пространство, где отсутствуют перспективы и возможности для карьерного роста и развития, это было ключевым мотивом выбора стратегии переезда. Существовали и инфраструктурные проблемы, которые связаны в первую очередь с отсутствием жилья в сельской местности или отсутствием перспектив для покупки жилья: «Я считаю, что здесь, в сельской местности, невозможно развиваться дальше, то есть врач в больнице — это потолок, все, ограничение карьеры, поэтому я и хочу переехать в город, чтобы была возможность карьерного роста».

«Просто не реально здесь построить карьеру или заниматься наукой, как, в принципе, и нормально жить здесь, в городе. Скучное место, на грани с убогим... Работаю потому, что пока необходимо здесь работать, да и мать болеет сильно, не уехать».

Информанты, чья стратегия работы в селе и продолжение работы в сельской местности описывалась через желание переехать из села в город, старались максимально дистанцировать свою профессиональную идентификацию от контекста локальной идентичности села. Такие информанты при описании своей профессии и описании стратегии позиционирования себя как врача в сельском пространстве, уделяли намного больше внимания именно важности особенных знаний в медицине, но при этом эти особенные знания позиционировались как уникальные знания, а само сельское пространство рассматривалось как пространство, где отсутствуют возможности развития подобных уникальных знаний: «Я хочу в будущем выучиться в ординатуре и потом дальше продолжать работать врачом, но хочу работать в хорошей клинике, с хорошим оборудованием, а здесь в селе это вряд ли возможно, все, что возможно здесь, это стандартное лечение и назначение диагнозов, нет уникальных случаев и нет хорошей врачебной практики».

«Путь карьерного взлета не в селе»

В основном информанты, которые выбирали стратегию переезда из села старались придерживаться пути «карьерного взлета не в селе». Под «карьерным взлетом не в селе» мы понимаем динамичную смену мест работы: информанты не задерживаются на одной работе (в одном селе, в одной клинике) и переходят на другие работы с постоянным повышением. Молодые врачи —

представители «траектории резкого взлета» могут работать в селе или уезжать в крупный город, а потом возвращаться в село, но при этом получить повышение.

«Проработал здесь около двух лет и понял потом, что эта работа все-таки не для меня, решил сменить работу, поехал продолжать обучение в городе и после интернатуры вернулся уже обратно в село, но здесь сейчас работаю по части управления больницей, то есть практически не веду приема пациентов».

«Я много где работала, первая работа была здесь в клинике, потом была работа в городе, а сейчас продвигаю свою клинику — занимаюсь частной практикой на селе».

При этом у представителей данной траектории работа в сельской местности рассматривается как «безперспективная» на основании того, что, работая на селе, невозможно построить нормальную карьеру врача специалиста: «Просто знаете, не вижу здесь никаких перспектив, просто потому что считаю, что не возможно здесь реализовать все карьерные планы, поэтому считаю, что врач на селе — это, скажем так, просто специалист, возможно, хороший специалист, но в очень узкой области, поэтому я решила уезжать отсюда в следующем году и уже продолжать работать в городе, параллельно совмещая работу с учебой».

Для молодых врачей, которые конструировали свой карьерный путь, следуя логике «карьерного взлета не в селе», особую ценность имеет возможность реализоваться в будущем профессии, а село нарративно конструируется как пространство, где невозможно реализовать свои будущие карьерные планы. При этом, как и у представителей стратегии «работать в селе, потому что нет другого выбора», здесь присутствует ощущение «временности», однако здесь «временность» наделяется другими смыслами. Если для представителей траектории «работать в селе, потому что нет другого выбора», «временность» связана с нестабильностью трудовой сферы, то для информантов — представителей траектории «резкого взлета» временность конструирует их карьерный путь, структурирует индивидуальную карьерную. Для пути «карьерного взлета не в селе» характерен высокий уровень мобильности, желание развиваться дальше в профессии и, как следствие, отрицание всего сельского и перспектив, связанных с работой в сельской местности.

Для молодых врачей — представителей стратегии «карьерного взлета не в селе» характерно долгосрочное планирование своей карьерной тра-

ектории. В основном информанты — представители данной карьерной траектории ориентируются на долгосрочные планы развития карьеры, но при этом молодые врачи отмечали, что самое важное в развитии карьеры врача — серьезная медицинская практика, которой не хватает при работе в сельской местности. Сельскую медицину информанты — представители стратегии карьерного взлета позиционируют как востребованную отрасль с возможностью неплохого заработка, к примеру, по таким федеральным программам, как «Земский доктор»: *«Просто я, наверное, уже сам вырос из этой работы, поэтому и не могу, а вернее сказать, не хочу оставаться здесь, а так, если быть честным, то, конечно, работая в сельской местности, можно построить неплохую карьеру в будущем и даже жилье получить, а в городе положение молодых врачей довольно плачевное», «нет здесь возможностей (в селе), очень много, просто работа рутинная, на которой я бы не смогла, например, долго работать, это, как в офисе работать с документами, а что делать, если сердце и голова стремятся вверх к достижению новых перспектив, поэтому и хочу уехать отсюда, а так, работа на селе — это очень неплохая работа для будущего».*

Подводя итог рассмотрению данного карьерного пути молодых врачей в сельской местности, следует отметить, что всех их объединяет активная позиция развития в профессии; и ответственность за развитие своего будущего, как правило, молодые врачи со стратегией «карьерного взлета не в селе» берут на себя. При этом значимым фактором выступают не только материальные блага, но и наличие в будущем карьерных перспектив и дальнейшего развития в профессии.

4. Карьеры молодых врачей и этический выбор

Проблема этического выбора при оказании медицинской помощи четко представлена в нарративах интервью молодых сельских врачей. Стоит отметить, что для городского врача данная проблема не представляет особой важности, поскольку большинство городских врачей работает с незнакомыми пациентами, а в городе обычно отсутствует локальное сообщество, характерное для сельского пространства. Для сельских врачей проблема этического выбора — «кого лечить, а кого — нет» — более значима. *«Здесь все по-другому, не так, как в городе, во время моей профессиональной практики. Хотя я вырос в селе, все равно ощущается разница с большим городом. Например, здесь всегда разделяют всех на “хороших” и “плохих” людей, а*

ты, как врач, должен соотносить с этим свою работу, выбирать между “хорошими” и “плохими”, несмотря на то, что обязан стремиться к объективности».

Таким образом, этическая система поведения молодого врача в сельском сообществе обусловлена различным социальным выбором пациентов, а также их разделением на «хороших» и «плохих». Само локальное сообщество как пространство, в котором работает врач, представляет данную ситуацию повседневной дилеммой: врачу приходится решать, кому из пациентов оказывать помощь в первую очередь, а кому оказывать с опозданием или не оказывать вообще.

В нарративах интервью молодые сельские врачи отмечают проблему выбора «хороших» и «плохих» пациентов как повседневную, при этом особую роль играет и личное отношение врача к конкретному пациенту. Некоторые информанты маркируют проблему выбора стратегии лечения и взаимодействия с пациентом на основе собственного отношения: *«Я, например, знаю Григория Ивановича, он известный и уважаемый человек у нас в селе, поэтому я не могу не помочь ему как врач и всегда стараюсь это сделать. Он знает обо всех проблемах жителей и постоянно помогает, даже если надо просто на машине подвезти — такому человеку оказывать медицинскую помощь всегда приятно».*

Проблема выбора «хороших» и «плохих» пациентов достаточно актуальна для врачей, выбравших стратегию включения. Принципиальным условием реализации данной стратегии является восприятие молодым врачом себя в контексте сельского пространства, такое маркирование позволяет формировать соответствующий стиль поведения в сельской местности и отношения к пациентам.

«Я работаю здесь уже три года, поэтому хорошо себе представляю, кого нужно срочно лечить, а кто притворяется или не сильно нуждается в помощи. Это очень явно видно, особенно когда приходят пациенты, которых ты знаешь лично: один действительно много делает для села, а другой — пьяница, в очередной раз пришел жаловаться на несуществующие проблемы».

Одной из особенностей выбора стратегии переезда молодыми врачами является понимание важности этически нейтрального отношения к пациентам, в отличие от представителей стратегии включения, которые описывали предвзятые случаи работы с пациентами: *«Как-то пьяница по дороге упал и поранился, так его ко мне принесли только на вторые сутки. При этом сказали, если*

буду сильно лечить, то чтобы в магазин не ходил и на них не рассчитывал. Все просто ждали, чтобы он скорее умер. В итоге я просто наложила повязки да бинты, хотя как врач я понимаю, что это неправильно, но как житель села тоже видела, как он жену бил и детей, и поэтому помогать ему не было никакого смысла».

В свою очередь, для врачей со стратегией переезда слушать локальное сообщество и избирательно лечить пациентов — неприемлемо, что вызывает определенный протест против сельской жизни: «Я уже просто не могу здесь работать, потому что практически постоянно вижу, как, например, беременная приходит и все — старики и дети — уступают ей место, а если пьянчужка местный, то наоборот: заведешь его в кабинет, а все смотрят с укором».

Выводы

Траектории индивидуальных карьер молодых врачей в сельской местности целиком зависят от характеристик конкретного рынка труда. Выбор индивидами той или иной стратегии напрямую зависит от доступности и наличия рабочих мест на селе для молодых врачей. Таким образом, при выборе стратегии включения — (сельской стратегии) и стратегии переезда молодые врачи руководствовались рядом конституирующих условий, к которым относится положение в целом медицинских профессий на селе, а именно нестабильность, характерная для сферы современного трудоустройства в медицине, и проблема работы в сельской местности, обусловленная устойчивыми социальными связями, которые являются неотъемлемой частью повседневной жизни сельчан.

Информанты отмечали, что испытывают проблемы с поиском места трудоустройства, однако испытывают значительные трудности и с развитием медицинской карьеры в селах и малых городах. К таким трудностям относятся: отсутствие карьерного роста в сельских больницах и амбулаториях, проблема получения необходимых знаний и навыков для дальнейшего развития в профессии и проблема ограниченности сельских ресурсов. Анализ нарративов интервью с молодыми сельскими врачами показал, что распространенной карьерной траекторией выступает классическая карьера в селе, с основным приоритетом и ориентацией на стабильность. Однако существует и ряд ограничений в развитии такой карьеры, которые прежде всего связаны с оснащением местных сельских больниц, а также проблемой работы в селе и взаимодействием с местным сельским сообществом. Для молодых врачей с сельской карьерной стратегией со-

общество понималась как большая семья с присутствующими здесь сильными связями, близкими контактами и близким общением. Для профессионалов — представителей стратегии переезда сельское сообщество определялось как не способствующее развитию карьерных перспектив. В таком сообществе трудно сохранить этически нейтральное отношение к пациентам.

В ходе анализа были выделены две стратегии построения карьеры в сельской местности: стратегия включения (сельская стратегия) и стратегия переезда. Для каждого типа карьерной стратегии соответствуют свои профессиональные траектории. Так, для сельской карьерной стратегии наиболее распространенными карьерными путями, реализуемыми сельскими врачами, выступают «работа в селе, потому что нет другого выбора», «построение врачебной карьеры на селе».

Для карьерной стратегии, ориентированной на переезд, наиболее распространенным карьерным путем является «путь карьерного взлета не в селе».

Завершая анализ карьерных стратегий молодых сельских врачей, следует разделить информантов на две группы в зависимости от логики конструирования своей карьерной траектории. В первую группу вошли молодые врачи, которые формируют свою карьерную траекторию на основании традиционных ценностей и максимального включения в повседневность сельской жизни. Вторая группа молодых врачей, наоборот, планирует свою индивидуальную карьерную траекторию исходя из желания переехать в крупный город; карьерный путь у представителей данной группы определен динамичной карьерой и быстрым взлетом, однако для представителей данной группы характерна и частая смена мест работы.

Список литературы

- Вяткина Н.Ю., Вахромеева А.Ю. Возрождение земской медицины: реалии и перспективы // Социология медицины. 2012. № 2(21). С. 38–40.
- Кодин И.Н. Не хлебом единым...: практики трудового поведения сельских жителей (случай села Парфеньево) // Лабиринт. 2014. № 3. С. 40–48.
- Маршалл Т.Х. Новейшая история профессионализма в связи с социальной структурой и социальной политикой // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 1. С. 105–124.
- Нефедова Т.Г. Трансформация сельского хозяйства России: мифология и реальность // Мир России. Социология. Этнология. 2013. Т. 22, № 1. С. 29–60.
- Evetts J. A new professionalism? Challenges and opportunities // Current sociology. 2011. Vol. 59, iss. 4. P. 406–422.

Evetts J. Dimensions of career: avoiding reification in the analysis of change // *Sociology*. 1992. Vol. 26, iss. 1. P. 1–21.

Farmer J. et al. A scoping review of the association between rural medical education and rural practice location // *Human resources for health*. 2015. Vol. 13, № 1. P. 27. DOI: 10.1186/s12960-015-0017-3.

Farmer J., Prior M., Taylor J. A theory of how rural health services contribute to community sustainability // *Social Science & Medicine*. 2012. Vol. 75, iss. 10. P. 1903–1911. DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.06.035.

Han G.S., Humphreys J.S. Overseas-trained doctors in Australia: community integration and their intention to stay in a rural community // *Australian Journal of Rural Health*. 2005. Vol. 13, № 4. P. 236–241. DOI: 10.1111/j.1440-1584.2005.00708.x.

Kim Y.M. et al. Impact of supervision and self-assessment on doctor–patient communication in rural Mexico // *International Journal for Quality in Health Care*. 2002. Vol. 14, № 5. P. 359–367.

Leyshon M. The betweenness of being a rural youth: inclusive and exclusive lifestyles // *Social & Cultural Geography*. 2008. Vol. 9, no. 1. P. 1–26. DOI: 10.1080/14649360701789535.

Mellow M. The Work of Rural Professionals: Doing the Gemeinschaft-Gesellschaft Gavotte // *Rural Sociology*. 2005. Vol. 70, iss. 1. P. 50–69. DOI: 10.1526/0036011053294637.

Monrouxe L.V. Identity, identification and medical education: why should we care? // *Medical education*. 2010. Vol. 44, iss. 1. P. 40–49. DOI: 10.1111/j.1365-2923.2009.03440.x.

Rye J.F. Rural youths' images of the rural // *Journal of Rural Studies*. 2006. Vol. 22, № 4. P. 409–421.

Sureshkumar P. et al. Factors related to doctors' choice of rural pathway in general practice specialty training // *Australian Journal of Rural Health*. 2017. Vol. 25, № 3. P. 148–154. DOI: 10.1111/ajr.12311.

Получено 27.01.2018

References

Evetts J. (2011). A new professionalism? Challenges and opportunities. *Current sociology*. Vol. 59, iss. 4, pp. 406–422. (In English).

Evetts J. (1992) Dimensions of career: avoiding reification in the analysis of change. *Sociology*. Vol. 26, iss. 1, pp. 1–21. (In English).

Farmer J. et al. (2015). A scoping review of the association between rural medical education and rural practice location. *Human resources for health*. Vol. 13, no. 1, pp. 27. DOI: 10.1186/s12960-015-0017-3. (In English).

Farmer J., Prior M., Taylor J. (2012). A theory of how rural health services contribute to community sustainability. *Social Science & Medicine*. Vol. 75, iss. 10,

pp. 1903–1911. DOI: 10.1016/j.socscimed.2012.06.035. (In English).

Han G.S., Humphreys J.S. (2005). Overseas-trained doctors in Australia: community integration and their intention to stay in a rural community. *Australian Journal of Rural Health*. Vol. 13, no. 4, pp. 236–241. DOI: 10.1111/j.1440-1584.2005.00708.x. (In English).

Kim Y.M. et al. (2002). Impact of supervision and self-assessment on doctor–patient communication in rural Mexico. *International Journal for Quality in Health Care*. Vol. 14, no. 5, pp. 359–367. (In English).

Kodin I.N. (2014) *Ne khlebom edinyim...: praktiki trudovogo povedeniya sel'skih zhiteley (sluchay sela Parfen'evo)* [Fed not by bread alone...: practice of occupational behavior of rural residents (case of the village of Parfen'evo)]. *Labirint* [Labyrinth]. No. 3, pp. 40–48. (In Russian).

Leyshon M. (2008). The betweenness of being a rural youth: inclusive and exclusive lifestyles. *Social & Cultural Geography*. Vol. 9, no. 1, pp. 1–26. DOI: 10.1080/14649360701789535. (In English).

Marshall T.Kh. (2010) *Noveyshaya istoriya professionalizma v svyazi s sotsial'noy strukturoy i sotsial'noy politikoy* [The recent history of professionalism in relation with the social structure and social policy]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of social policy studies]. Vol. 8, no. 1, pp. 105–124. (In Russian).

Mellow M. (2005). The Work of Rural Professionals: Doing the Gemeinschaft-Gesellschaft Gavotte. *Rural Sociology*. Vol. 70, iss. 1, pp. 50–69. DOI: 10.1526/0036011053294637. (In English).

Monrouxe L.V. (2010). Identity, identification and medical education: why should we care? *Medical education*. Vol. 44, iss. 1, pp. 40–49. DOI: 10.1111/j.1365-2923.2009.03440.x. (In English).

Nefedova T.G. (2013) *Transformatsiya sel'skogo khozyaystva Rossii: mifologiya i real'nost'* [Transformation of agriculture in Russia: mythology and reality]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 22, no. 1, pp. 29–60. (In Russian).

Rye J.F. (2006). Rural youths' images of the rural. *Journal of Rural Studies*. Vol. 22, no. 4, pp. 409–421. (In English).

Sureshkumar P. et al. (2017). Factors related to doctors' choice of rural pathway in general practice specialty training. *Australian Journal of Rural Health*. Vol. 25, no. 3, pp. 148–154. DOI: 10.1111/ajr.12311. (In English).

Vyatkina N. Y, Vakhrameev A. Y. (2012). *Vozrozhdenie zemskoy meditsiny: realii i perspektivy* [The Revival of Zemstvo medicine: realities and prospects]. *Sotsiologiya meditsiny* [The Sociology of medicine]. No. 2(21), pp. 38–40. (In Russian).

Received 27.01.2018

Об авторе

Галкин Константин Александрович
аспирант, преподаватель Санкт-Петербургской
школы социальных и гуманитарных наук

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге,
190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16;
e-mail: Kagalkin@hse.ru
ORCID: 0000-0002-6403-6083

About the author

Konstantin A. Galkin
Ph.D. Student, Lector St. Petersburg School
of Social Sciences and Humanities

National Research University «Higher School
of Economic» in Saint Petersburg,
16, Soyuza Pechatnikov str., Saint Petersburg,
190008, Russia;
e-mail: Kagalkin@hse.ru
ORCID: 0000-0002-6403-6083

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Галкин К.А. Карьерные стратегии молодых сельских врачей Ленинградской области: нарративный анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 158–167.
DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-158-167

For citation:

Galkin K.A. Career strategies of young rural doctors of the Leningrad region: a narrative analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2018. Iss. 1. P. 158–167. DOI: 10.17072/2078-7898/2018-1-158-167

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки. Кроме того, издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуются кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или наименования *фонда поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из **15–20** источников.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 *в алфавитном порядке без нумерации*. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-528-536.

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. & Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow, Akademiya, 176 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk A.V. (2011). *O setevykh issledovaniyakh v sotsial'nykh naukah* [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Faizal, M. (2016). Time crystals from minimum time uncertainty. *The European Physical Journal*. No. 1. Available at: <http://www.linc.springer.com> (accessed 22.02.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Key words*;
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора: ORCID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearchID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой ([http://www.elsevier.com/locate/S0022-0719\(13\)00133-1](http://www.elsevier.com/locate/S0022-0719(13)00133-1)).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@vandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национально-исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzyonnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2018 году будут **бесплатными**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2018 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	30 марта
в № 2 — до 01 мая	28 июня
в № 3 — до 01 августа	27 сентября
в № 4 — до 01 октября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophical Sciences, 19.00.00 Psychological Sciences, 22.00.00 Sociological Sciences. Also the journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks, electronic library system «The University Library On-line», open access scientific library «CyberLeninka», national digital resource «RUCONT»* and national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)».

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list has include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. & Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru**. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2018.

Submission deadlines in 2018

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 30
No 2 May 1	June 28
No 3 August 1	September 27
No 4 October 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2018
Выпуск 1

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 26.03.2018
Дата выхода в свет 30.03.2018
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 20,22
Тираж 500 экз. Заказ

Финансовую помощь в издании научного журнала оказывают
ООО «Агентство “Медиаинформ”»,
ОАО «ROSSET»

Адрес учредителя и издателя:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке